Протоіерей П. Долгинъ.

СВЯТИТЕЛЬ
ІОАСАФЪ ГОРЛЕНКО,

ЕПИСКОПЪ

Бѣлгородскій и Обоянскій

(1705 † 1754 г.).

(По матеріаламъ, изданнымъ кн. Н. Д. Жеваховымъ).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія Соборн. пл., зд. Присут. мѣстъ.
1909.

Отдѣльные оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1908 г.

466
37

Іоакимъ Горленко епископъ Бѣлоградскій ум. 1754 г.

466
37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Введеніе	1—6
Глава I. Предки Святителя	6—14
Глава II. Жизнь и подвиги Святителя	14—68
Глава III. Кончина и посмертная слава Святителя.	68—93
Заключеніе	94—95

СВЯТИТЕЛЬ

ІОАСАФЪ ГОРЛЕНКО,

Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій

(1705 † 1754 г.).

Въ Свято-Троицкомъ монастырѣ г. Бѣлгорода, Курской губерніи, открыто почиваютъ нетлѣнныя мощи Святителя Іоасафа Горленко, Епископа Бѣлгородскаго. 150 лѣтъ съ лишнимъ уже протекло со времени его блаженной кончины, но память о немъ глубоко живетъ въ православно-русскомъ народѣ. На югѣ Россіи, особенно въ Курской и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ, православные чрезвычайно чтутъ этого Святителя, какъ истиннаго праведника, прославленнаго нетлѣніемъ мощей, какъ сильнаго молитвенника предъ Богомъ за всѣхъ и какъ цѣлителя по благодати Божіей многообразныхъ недуговъ и скорбей человѣческихъ. Народъ въ своихъ панихидныхъ моленіяхъ всегда поминаетъ на первомъ мѣстѣ Епископа Іоасафа, его именемъ усиливая свое ходатайство за своихъ родныхъ и близкихъ усопшихъ. Съ разныхъ концовъ юга Россіи многія тысячи богомольцевъ совершаютъ нарочитыя паломничества въ Бѣлгородъ къ его нетлѣннымъ останкамъ; здѣсь служатъ панихиды о Святителѣ, испрашивая у него заступничества о себѣ предъ Господомъ и исцѣленія своихъ немощей душевныхъ и тѣлесныхъ,—и многіе изъ нихъ за свою глубокую вѣру и горячую надежду получаютъ дѣйствительно исцѣленія своихъ недуговъ. Исцѣленные, глубоко вѣрующіе въ спасительность молитвъ Святителя, всюду распространяютъ славу о немъ и еще болѣе утверждаютъ народъ въ благоговѣйномъ и усердномъ почитаніи его. Святитель

Іоасафъ, такъ любимый украинскимъ народомъ, почитается такимъ-же покровителемъ Бѣлгородскія и сопредѣльныхъ странъ, какъ въ центральной Россіи – Св. Сергій Радонежскій, юго-западной (Кіевской)—преп. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, въ Черниговской – Святитель Ѳеодосій, въ Тамбовской—преп. Серафимъ и др. Удивительно, что въ теченіи 150 лѣтъ, протекшихъ со времени его блаженной кончины, слава его и почитаніе въ народѣ не ослабѣваетъ, но распространяется все больше и глубже по мѣрѣ того, какъ благодать исцѣленій отъ его честныхъ останковъ изливается все шире и разительнѣе. Удивительно еще и то, что слава его въ народѣ основывается не столько на внѣшихъ его дѣяніяхъ, сколько на величіи его нравственной личности, обаяніе которой оставило столь живую память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ людей...

Благоговѣйное почитаніе Святителя всегда сохранялось въ родѣ Горленковыхъ, изъ котораго онъ происходилъ, и въ семействахъ фамилій родственныхъ съ Горленками: для нихъ Святитель Іоасафъ составляетъ фамильную славу и священную честь рода. Племянникъ Святителя Іоасафа И. И. Квитка собралъ краткія автобіографическія записи Святителя, сказанія о немъ близкихъ къ нему лицъ и на основаніи всего этого, а также и на основаніи добытыхъ имъ лично свѣдѣній о родственникахъ Святителя, составилъ первое рукописное сказаніе объ его жизни и подвигахъ. Въ такомъ видѣ рукопись съ собственноручною надписью И. И. Квитки отъ 23 февр. 1795 г. была подарена въ библіотеку Харьковскихъ Духовныхъ училищъ. Она и донынѣ хранится въ библіотекѣ Харьковской Духовной Семинаріи. Много копій снято было съ нея для родственниковъ и почитателей почившаго Святителя. Это рукописное жизнеописаніе Святителя, пропечатанное В. П. Горленко въ VI книгѣ „Чтеній Историческаго Общества Нестора Лѣтописца“, послужило главнымъ основаніемъ для появившихся потомъ общедоступныхъ жизнеописаній Святителя, составленныхъ и пропечатанныхъ почитателями Святителя и широко распространенныхъ въ народѣ [1]). Жизнь и слава Свя-

[1]) Таковы: 1) Біографія Святителя Іоасафа составленная родственникомъ его Г. Ѳ. Квиткою (изд. 1836 г. Кіевъ, потомъ много разъ переиздаваемое); 2) Свя-

тителя Іоасафа привлекали къ себѣ вниманіе и ученыхъ изслѣдователей старины, старавшихся при помощи возможно болѣе широкихъ изысканій освѣтить архипастырскую дѣятельность святителя. Такъ, Архіеп. Харьковскій Филаретъ въ „Историко-Статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ помѣстилъ обстоятельное изображеніе трудовъ Святителя Іоасафа по управленію имъ Бѣлгородскою епархіею [1]). Проф. же А. Лебедевъ составилъ еще болѣе широкое изслѣдованіе о жизни и подвигахъ Святителя Іоасафа, изданное имъ сперва въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій“ (Харьковъ 1900 г.), а затѣмъ въ сборникѣ: „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“ (Харьковъ 1902 г.). Проф. Лебедевъ, воспользовавшись свѣдѣніями въ вышеозначенныхъ жизнеописаніяхъ, восполнилъ ихъ новыми данными, извлеченными имъ изъ разныхъ архивовъ (Харьковской и Курской Духовныхъ Консисторій, Харьковскаго Коллегіума и Курскаго Знаменскаго монастыря), имѣющими значеніе какъ въ бытовомъ отношеніи, такъ и для характеристики личности и архипастырской дѣятельности Святителя.

Въ двухъ послѣднихъ жизнеописаніяхъ Архіепископа Филарета и А. Лебедева очерчиваются жизнь и дѣятельность Святителя Іоасафа по оффиціальнымъ даннымъ, извлеченнымъ изъ разныхъ архивовъ. Это обстоятельство накладываетъ на эти жизнеописанія особый односторонній характеръ, почему они далеко не удовлетворяютъ читателя. Здѣсь рисуется только внѣшняя оффиціальная сторона дѣятельности Святителя и та среда, въ коей архипастырствовалъ онъ, но не изображается живая его личность сама въ себѣ, какою она была по нравственному своему содержанію. Отсюда въ этихъ жизнеописа-

---

титель Іоасафъ Горленко, Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій, почивающій въ Св.-Троицкомъ монастырѣ г. Бѣлгорода. Изданіе Свято-Троицкой обители; 3) Брошюра подъ такимъ же заглавіемъ, составленная А. Коваленскимъ, изд. 4-е Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря 1900 г.; 4) „Святитель Іоасафъ Бѣлгородскій“ Благословеніе Обители преп. Сергія 1902 г Троицкая книжка № 151, и др.

[1]) „Историко Статистическое описаніе Харьковской епархіи“ 1859 г., Харьковъ, отдѣленіе I, стр. 18—38.

ніяхъ получается нѣкоторая сухость и даже жесткость въ изображеніи подвиговъ Святителя, не объясненныхъ и не освѣщенныхъ, какъ слѣдуетъ, съ точки зрѣнія внутреннихъ настроеній Святителя.

Въ личности приснопамятнаго Святителя чувствуется чрезвычайная сила духа и глубокая, можетъ быть, своеобразная религіозная настроенность, въ немъ угадывается великое сердце человѣка вѣрующаго и любвеобильнаго, а между тѣмъ въ означенныхъ жизнеописаніяхъ эти черты въ немъ совсѣмъ не выдвигаются или же только слабо намѣчаются. Поэтому въ нихъ не встаетъ предъ читателемъ въ своей гармоничной цѣлостности личность этого Святителя, хотя и не заявившаго себя громкими историческими дѣяніями общецерковнаго или общегосударственнаго характера, однако же величіемъ своего христіанскаго духа и праведной жизни оставившаго на вѣки неизгладимую память въ народѣ.

Попытку дать болѣе правдивое, исторически вѣрное и цѣлостное, изображеніе жизни Святителя представляетъ собой недавно опубликованный трудъ, не совсѣмъ еще оконченный, князя Н. Д. Жевахова подъ заглавіемъ: „Святитель Іоасафъ Горленко, Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій“ (1705 † 1754) въ 3-хъ книгахъ Кіевской типографіи 1907—1908 гг.

Изданіе кн. Н. Д. Жевахова заключаетъ въ себѣ собственно разнообразные и многочисленные матеріалы для біографіи, добытые и собранные имъ изъ различныхъ источниковъ. Въ первой книгѣ говорится о предкахъ Святителя, во второй—о самомъ Святителѣ и его сочиненіяхъ и въ третьей—о многочисленныхъ изцѣленіяхъ (227), полученныхъ вѣрующими отъ мощей Святителя.

Издатель, очевидно, проникнутъ искреннимъ и глубокимъ благоговѣніемъ къ Святителю, съ чрезвычайною любовію и усердіемъ занятъ собираніемъ и обнародованіемъ всего, что̀ касается Святителя и что̀ можетъ всестороннѣе освѣтить его жизнь и личность. Такое отношеніе издателя къ своему предмету рѣдко встрѣчается въ наше время: оно умилительно тѣмъ ботѣе, что издатель видимо смотритъ на свой трудъ какъ на свой святой долгъ въ отношеніи къ Святителю. Въ основу

своего труда издатель положилъ правильную и многообѣщающую точку зрѣнія. Не ограничиваясь оффиціальными данными о жизни и дѣятельности Святителя, онъ старается собрать о немъ такія данныя, которыя рисуютъ въ особенности духовный складъ Святителя, его природный характеръ, образъ и направленіе его мыслей, свойства его религіозной настроенности; съ этой стороны могутъ быть дѣйствительно правильно понятны характеръ и особенности его внѣшней архипастырской дѣятельности. Вмѣстѣ съ этимъ издатель проникнутъ стремленіемъ возможно полнѣе и основательнѣе опредѣлить отношеніе народа къ Святителю, дабы показать, какъ народъ вѣруетъ въ Святителя, какъ часто и настойчиво онъ обращается къ нему за утѣшеніями и помощію въ своихъ скорбяхъ. Поэтому издатель помѣстилъ въ первой книгѣ прекрасныя, обстоятельныя, литературно изложенныя очерки и характеристики предковъ Святителя, начиная съ Лазаря Горленко и кончая братьями Святителя. Во второй книгѣ, онъ послѣ автобіографіи Святителя, помѣщаетъ уцѣлѣвшія изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ Святителя два сочиненія: о борьбѣ семи добродѣтелей съ семью смертными грѣхами и слово его о любви къ Богу, сказанное въ присутствіи Императрицы Елисаветы Петровны. Въ первомъ произведеніи Святителя, цѣликомъ пропечатанномъ въ изданіи кн. Жевахова, съ очевидностію сказывается его серьезный взглядъ на жизнь, какъ на неизбѣжную борьбу добродѣтели со зломъ, – борьбу, которую человѣкъ долженъ вести прежде всего въ самомъ себѣ, дабы отстоять свое вѣчное назначеніе. Въ словѣ же сказанномъ предъ Императрицею выражена такая крѣпкая и восторженная его любовь ко Господу, которую онъ, очевидно, не могъ промѣнять ни на какія блага міра: очевидно, Святитель, проникнутый такимъ чувствомъ, не могъ дѣлать уступокъ міру и входить съ нимъ въ сдѣлки, а неминуемо долженъ былъ становиться въ борьбу съ нимъ ради непоколебимой вѣрности Господу. Въ этой же второй книгѣ издатель помѣстилъ письма Святителя къ матери, брату и другимъ лицамъ. Немного этихъ писемъ, но они въ высшей степени характерны. Въ нихъ высказывается самая трогательная и глубоко-почтительная

любовь Святителя къ матери, сердечная привязанность къ брату Андрею Андреевичу Горленко, съ которымъ онъ желалъ возможно чаще видѣться при всякомъ удобномъ случаѣ, его милосердая попечительность о вдовахъ и сиротахъ, поразительное терпѣніе и благодушіе („веселость“) въ тяжкихъ болѣзняхъ и глубокая религіозность его даже въ мелочахъ обыденной жизни. Въ третьей книгѣ помѣщены исключительно письменныя донесенія отъ разныхъ мѣстъ и лицъ въ разныя времена о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ Святителемъ Іоасафомъ. Донесенія и записи о чудесахъ начинаются съ конца XVIII в и оканчиваются 14 января 1908 г., большинство изъ нихъ представляютъ собою буквальныя повѣствованія самихъ исцѣленныхъ лицъ—простыя, безыскусственныя, чистосердечныя, проникнутыя горячимъ чувствомъ благодарности и любви къ Святителю. Многія изъ сихъ донесеній клятвенно свидѣтельствуются исцѣленными. Непрерывный рядъ этихъ трогательныхъ сказаній становится однимъ величественнымъ гимномъ хвалы Святителю Іоасафу, непрестанно изливающему свои благодѣянія страждущимъ...

Уже и этотъ, обнародованный кн. Н. Д. Жеваховымъ, историческій матеріалъ достаточно освѣщаетъ личность Святителя Іоасафа. Мы съ чувствомъ живѣйшей радости привѣтствуемъ появленіе этого труда, столь отвѣчающаго настроенію народному въ отношеніи къ Святителю Іоасафу...

Пользуясь прекраснымъ матеріаломъ, даннымъ кн. Жеваховымъ, и сопоставляя его съ прежними жизнеописаніями Святителя Іоасафа, попытаемся дать опытъ живой характеристики сего Святителя въ чувствѣ глубокаго къ нему благоговѣнія и почитанія.

I.

Предки и происхожденіе Святителя Іоасафа.

Весьма часто историческіе дѣятели обнаруживаютъ въ себѣ такія черты, которыя не могутъ быть объяснены ни условіями ихъ воспитанія, ни вліяніями той среды, въ которой имъ приходится дѣйствовать. При сопоставленіи же ихъ съ предками ближайшими и дальними открывается, что эти черты

ими несомнѣнно унаслѣдованы, что свойства родовыя сказываются въ нихъ или въ совершенно точномъ воспроизведеніи или же въ ослабленномъ видѣ, но нерѣдко и въ рѣзко выраженныхъ формахъ. Это же надобно сказать и о Святителѣ Іоасафѣ. Несомнѣнно. мы угадаемъ многое въ его характерѣ, сравнивши его съ предками. Въ этомъ отношеніи безусловно удачна мысль издателя матеріаловъ объ этомъ Святителѣ,—дать предварительно рядъ очерковъ объ его предкахъ и родителяхъ.

Святитель Іоасафъ происходилъ изъ рода Горленковъ—знаменитыхъ въ исторіи Малороссіи XVII и начало XVIII вв. Среди рядовой Малороссійской аристократіи, вышедшей изъ рядовъ „значной“ козацкой старшины, Горленкамъ, въ теченіи четырехъ поколѣній давшимъ Малороссіи двухъ наказныхъ атамановъ и трехъ полковниковъ, безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по значенію, которое они имѣли въ гетманщинѣ, такъ и по давности признанія за ними правъ дворянства. Родовымъ же гнѣздомъ Горленко и родиной Святителя былъ городъ Прилуки, древняя малорусская крѣпость, когда-то резиденція полковой старшины войска запорожскаго, а нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи. Тѣсную связь съ фамиліей Горленковъ имѣла находящаяся вблизи Прилукъ Свято-Троицкая Пустынно-Густынская обитель, облагодѣтельствованная Горленками и впродолженіи двухъ вѣковъ служившая имъ родовой усыпальницей. Въ періодъ дѣятельности Горленковъ Густынская обитель находилась въ полномъ расцвѣтѣ своего значенія и извѣстности. Духовно-литературное движеніе, возбужденное въ Малороссіи Митр. Петромъ Могилою, коснулось и этой обители: здѣсь составлялись для народнаго употребленія духовно-нравственныя сочиненія, здѣсь же живое и вдохновенное слово іеромонаха Димитрія (Туптало), впослѣдствіи Митр. Ростовскаго, стало привлекать въ лѣсную Прилукскую пустынь десятки тысячъ богомольцевъ, жаждавшихъ слышать его краснорѣчивыя поученія. Благочестивый духъ этой обители отражался и на религіозномъ настроеніи Горленковъ, поддерживая въ нихъ беззавѣтную преданность православію и любовь къ церковности.

Изъ древняго рода Горленковъ первый становится достояніемъ исторіи какъ выдающійся дѣятель козацкой Малороссіи Лазарь Горленко, прадѣдъ Святителя Іоасафа „полковникъ войска запорожскаго прилуцкій". Вторая половина XVII вѣка,—время дѣятельности Лазаря Горленко,—это бурная и кровавая эпоха въ исторіи Малороссіи, когда она, послѣ страшныхъ возстаній и жестокихъ битвъ въ борьбѣ съ поляками за свою религіозную и національную независимость, въ лицѣ цѣлаго ряда своихъ гетмановъ, начиная съ Богдана Хмельницкаго, должна была переживать еще періодъ тяжкихъ волненій, междоусобицъ и борьбы партій изъ-за своей нерѣшимости безповоротно примкнуть къ единовѣрной Московской Россіи.. Въ суровой боевой школѣ проходилъ военное воспитаніе Лазарь: въ ней выковалась и закалилась его желѣзная натура, надломить которую не могли ни годы, ни испытанія. Онъ въ первыхъ рядахъ участвуетъ въ жестокихъ битвахъ Богдана Хмѣльницкаго съ поляками, одинъ изъ первыхъ присягаетъ „подъ высоку Государеву руку" въ 1654 году, а затѣмъ, увлекаемый невѣрными гетманами на сторону Польши, онъ однакоже опять съ своимъ полкомъ возвращается на службу Государеву и въ теченіе 30 лѣтъ крѣпкою рукою управляетъ Прилукскимъ полкомъ. Едва избѣгши гибели въ страшныя дни кровавой „Черной Рады" 1663 г., онъ въ цѣломъ рядѣ битвъ отстаивалъ противъ поляковъ и ихъ ставленниковъ гетмана Брюховецкаго, „не щадя головы своей и не сдаваясь ни на какія непріятельскія прелести и подсылки". Въ качествѣ посла отъ Брюховецкаго онъ выполняетъ въ Москвѣ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича самыя дипломатическія порученія. Послѣ гибели Брюховецкаго въ 1668 г., во время вновь поднявшейся между козаками смуты и анархіи, Лазарь сгруппировалъ около себя вѣрныхъ приверженцевъ Москвы, благодаря вліянію коихъ былъ избранъ гетманомъ Самойловичъ. При немъ Лазарь достигъ высокаго значенія и почестей и былъ вмѣстѣ съ немногими изъ „значныхъ" старшинъ возведенъ Царскою милостію въ боярское достоинство. Но вѣрный своему гетману, онъ долженъ былъ вести долговременную и отчаянную борьбу съ другимъ претендентомъ на гетманство—Дорошенкомъ. Въ новомъ

вихрѣ событій, среди походовъ, битвъ, интригъ, оговоровъ и клеветы, въ такомъ котлѣ горѣвшихъ событій, Лазарь могъ удержаться цѣлымъ только благодаря своему желѣзному характеру и широкому дальнозоркому уму. Во время короткихъ промежутковъ мира онъ отдыхалъ въ Прилукахъ среди хозяйственныхъ заботъ о благоустроеніи селеній своего полка. Часто онъ бывалъ тогда и въ Густынской обители, содѣйствовалъ ея благолѣпію, надѣлялъ ея маетностями и упорядочивалъ ея земельныя отношенія къ населенію. Но ему не суждено было мирно и счастливо окончить свою бурную жизнь. Принявъ участіе въ злополучномъ крымскомъ походѣ Москвы, Лазарь былъ выдѣленъ съ нѣсколькими полками козаковъ изъ общей московской арміи. Съ своимъ отрядомъ онъ долженъ былъ ограждать отъ татаръ переправу на Днѣпрѣ у Кодацкаго укрѣпленія. Томительное бездѣйствіе, недостатокъ продовольствія, непопулярность похода, извѣстія о нашествіи татаръ на Малороссію окольными путями и о чинимыхъ ими страшныхъ опустошеніяхъ,—все это совершенно разстроило дисциплину въ отрядѣ. Своевольные и буйные козаки, подстрекаемые гетманскими недоброжелателями и безшабашной запорожской голытьбой, подняли бунтъ противъ своихъ начальниковъ. Пьяные и озвѣрѣлые, они бросились къ шатрамъ своихъ воеводъ, чтобы свести съ ними старые счеты. Одною изъ первыхъ жертвъ кровавой расправы козаковъ палъ престарѣлый Прилукскій полковникъ Лазарь Горленко, тщетно старавшійся обуздать своихъ полчанъ.. Обезображеннаго сабельными ударами, но еще живаго, Горленка повлекли къ раскаленной печи и бросили въ пылающій огонь... Такъ окончилъ свою бурную жизнь „безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ бойцевъ Лазарь Горленко, полковникъ стародавній Прилуцкій, посрадавъ невинное убійство отъ своихъ полчанъ“. Останки его сперва были погребены тамъ же у Кодака, въ степи, и надъ ними былъ насыпанъ высокій холмъ, а въ 1697 году сынъ его Дмитрій перевезъ ихъ въ фамильный склепъ въ Густынскій монастырь.

Въ перспективѣ грозныхъ событій этой эпохи въ героическихъ чертахъ вырисовывается образъ „порубаннаго, постреляннаго Лазаря“. Вѣрность долгу, могучая воля, безгра-

ничная любовь къ родинѣ, смиренная религіозность, честная и неподкупная преданность тому, кому давалась присяга служить,—вотъ черты этого витязя Прилукскаго XVII в. Это былъ типичный и благородный представитель своихъ эпохи, страны и народа...

Лазарь Горленко былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака онъ оставилъ четырехъ сыновей, отъ второго брака двухъ сыновей и одну дочь. Изъ многочисленныхъ сыновей Лазаря извѣстность и значеніе въ исторіи пріобрѣлъ только младшій —Димитрій, выступившій на историческую арену вскорѣ послѣ ужасной Кодакской катастрофы. Изъ всѣхъ сыновей Димитрій въ особенности воплощалъ въ себѣ дивный образъ своего отца: этимъ онъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Гетманомъ въ это время сталъ Иванъ Мазепа. Новый гетманъ не могъ не замѣтить въ лицѣ младшаго изъ сыновей погибшаго Лазаря унаслѣдованныхъ качествъ отца и ту глубокую преданность родинѣ, какая незамѣтно сливалась съ ревностію объ ея благѣ, и была руководящею идеею его жизни. Притомъ въ противоположность Мазепѣ Димитрій Горленко обладалъ и тѣми качествами, коихъ недоставало престарѣлому гетману,—рѣшительностію и настойчивостію, безъ коихъ еще можно было управлять, но нельзя было ничего созидать. И Мазепа дѣлаетъ все чаще попытки приблизить къ себѣ Димитрія, не останавливается даже предъ знаками вниманія носившими несомнѣнный характеръ личной жертвы. Съ 1692 г. Димитрій Горленко становится полковникомъ Прилукскимъ, занявъ этотъ постъ не только въ силу особаго къ нему вниманія Мазепы, но и по праву знатнаго своего происхожденія и выдающихся личныхъ качествъ. Подобно знаменитому отцу своему и Димитрій пріобрѣтаетъ боевую славу участвуя и отличаясь въ походахъ на Крымъ и въ битвахъ подъ Азовомъ и подъ Гродномъ. Горячо до совершеннаго самоотверженія любя свою страдалицу родину, Димитрій вѣрилъ, что и Мазепа ведетъ свою политику исключительно во благо Украинѣ. Беззавѣтно предавшись Мазепѣ во имя этой идеи, онъ связалъ свою судьбу съ судьбой этого гетмана. Послѣ знаменитой Полтавской битвы Димитрій Горленко не бросилъ бѣжавшаго изъ

предѣловъ Россіи въ Турцію Мазепу, но оставался при немъ до самой его смерти. Съ этого момента начинаются для Дмитрія дни тяжкихъ бѣдствій и лишеній, дни глубокаго горя и страданій, продолжавшихся 24 года и прекратившихся лишь со смертію его: въ этомъ сказалась его цѣльная натура не допускавшая никакихъ сдѣлокъ съ собою, никому и ничему не уступающая въ своихъ убѣжденіяхъ. Шесть лѣтъ провелъ Димитрій съ женою и зятемъ въ добровольномъ изгнаніи, дѣля съ Мазепою горечь преслѣдованія и обидъ. Имѣнія его были расхищены, семья раззорена. Только послѣ смерти Мазепы и послѣ убѣжденія царскихъ пословъ въ Константинополѣ, Димитрій рѣшилъ вернуться на родину, хорошо зная, что здѣсь его ожидаетъ. Возвращаясь, онъ стремился скорѣе свидѣться съ любимымъ сыномъ своимъ Пахоміемъ—смиреннымъ инокомъ Кіево-Печерской Лавры. Эта мысль, съ которою онъ выѣхалъ изъ Турціи и съ которою не разлучался, заслоняла собою всѣ безотрадныя картины, съ какими онъ встрѣтился на склонѣ своей мятежной жизни. Кроткій образъ всегда молчаливаго, всегда невозмутимаго, привѣтливаго и ласковаго Пахомія успокаивалъ и радовалъ его. Наконецъ, умиленный свиданіемъ съ сыномъ, духовно возрожденный бесѣдами съ печерскими подвижниками, Димитрій отбылъ въ Прилуки, чтобы, устроивъ наскоро свои частныя дѣла, ѣхать въ объявленную ему ссылку въ Москву. Въ Москвѣ онъ находился въ ссылкѣ 16 лѣтъ, до воцаренія Анны Іоанновны, когда ему была дарована свобода. Древнимъ старикомъ вернулся Димитрій на родину, гдѣ изъ прежнихъ имѣній у него осталось очень немного. Здѣсь онъ прожилъ недолго. Силы замѣтно покидали его. Чувствуя приближеніе кончины, Димитрій написалъ свое трогательное завѣщаніе, проникнутое теплымъ религіознымъ чувствомъ и нѣжною заботливостію о своей женѣ „панѣ малжонкѣ“, столь самоотверженно о немъ заботившейся во время его скитаній. 10 августа 1831 г. онъ умеръ и былъ погребенъ семьею въ фамильномъ склепѣ Густынской обители.

Такова судьба дѣда Святителя Іоасафа. Димитрій Горленко обладалъ тѣми дарованіями, которыя рѣдко прощаются людьми. Это былъ человѣкъ призванный властвовать, повелѣвать, ве-

сти за собою. Предпріимчивый и рѣшительный, онъ отличался той несокрушимой энергіей и желѣзной волей, какія позволяли ему чувствовать себя совершенно независимо отъ окружающихъ его людей и обходиться безъ ихъ помощи. Глубокая преданность родинѣ и желаніе сохранить ея самобытную чистоту—были руководящею его идеею. Къ сожалѣнію, такое направленіе воли и чувствъ его не уравновѣшивалось сильнымъ и дальнозоркимъ умомъ, что такъ выгодно выдѣляло его отца въ стеченіи такихъ же роковыхъ обстоятельствъ. Вѣра въ цѣлесообразность дѣйствій Мазепы съуживала горизонтъ его мысли и препятствовала ему понимать величіе замысловъ Великаго Петра. Выбитый изъ колеи крушеніемъ мазепенскихъ разсчетовъ, Димитрій Горленко становится живымъ мертвецомъ въ начавшейся жизни новой Россіи Петра Великаго.

У Димитрія Горленко были дѣти: Андрей, будущій отецъ Святителя Іоасафа, Пахомій и Анастасія. Ужасная участь дѣда и полная тяжкихъ испытаній жизнь отца наложили на дѣтей Димитрія Горленко свой отпечатокъ. По опыту своей семьи они видѣли, какъ превратна жизнь, ничтожны земныя пріобрѣтенія и суетны земныя цѣли. Тихая грусть ихъ отца во вторую половину его жизни отразилась и на ихъ міросозерцаніи. Они чувствовали тяготѣніе не къ бурнымъ порывамъ земнымъ, но къ иной, духовной созерцательной жизни, не къ борьбѣ на полѣ ратномъ, но къ борьбѣ внутренней. Второй сынъ Димитрія Горленко Пахомій и дочь Анастасія, подъ вліяніемъ такого настроенія, отрекаются отъ міра и удаляются въ монастыри. Старшій Андрей, въ противоположность отцу и дѣду своимъ, не отличался ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, какія нужны для государственнаго дѣятеля, и онъ умѣлъ это сознавать. Это былъ чрезвычайно скромный человѣкъ, гораздо болѣе озабоченный вопросами нравственнаго совершенства, чѣмъ вопросами общественно-государственными. Въ этомъ отношеніи Андрей тяготился всякой обстановкой не родственной его духу и бѣжалъ отъ всего, что̀ такъ или иначе нарушало гармонію его настроенія. Скромность и смиреніе его многимъ казались слабостію, многіе злоупотребляли этимъ, на самомъ же дѣлѣ подъ покровомъ ихъ въ немъ та-

илась глубокая сила духа, только далеко ушедшая въ себя. Послѣ обученія въ Кіево-Могилянскомъ Коллегіумѣ при Братскомъ монастырѣ Андрей Горленко вернулся домой къ отцу, помогалъ ему въ веденіи хозяйства, а затѣмъ вынужденъ былъ принимать участіе и въ военныхъ походахъ. Женатъ онъ былъ на дочери извѣстнаго впослѣдствіи Гетмана Данила Апостола. Отъ этого брака у него были дѣти: Іоакимъ, въ монашествѣ Іоасафъ, впослѣдствіи Святитель Бѣлгородскій, Андрей, полковникъ Полтавскій, Михаилъ, въ монашествѣ Митрофанъ, Павелъ, Григорій, Параскева, Марфа и Іулія. Какъ ни тянуло его положеніе къ военной службѣ, однако, къ этому не лежала его душа. Хотя онъ сопровождалъ отца своего съ Мазепою въ Турцію, однако, охотно склонился на убѣжденія тестя своего вернуться въ Россію, а по возвращеніи, пользуясь покровительствомъ Даніила Апостола, снискалъ къ себѣ милость царя Петра Великаго, повелѣвшаго возвратить ему всѣ имѣнія отца его. Но здѣсь на родинѣ ему пришлось вести длительную и нравственно тяжелую для него борьбу съ Гетманомъ Скоропадскимъ и Прилукскими старшинами, расхитившими имѣнія Горленковъ во время пребыванія этихъ послѣднихъ въ бѣгствѣ въ Турціи. По клеветамъ враговъ своихъ онъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ и пять лѣтъ находился въ ссылкѣ въ Москвѣ. Но онъ не даромъ былъ Горленко: онъ не складывалъ оружія предъ извѣтами и клеветами своихъ враговъ, когда дѣло касалось чести и правды: съ мужествомъ отстаивалъ достоинство своей славной фамиліи. По избраніи въ Малороссіи гетманомъ Даніила Апостола процессъ Андрея Горленко съ врагами окончился полнымъ торжествомъ его и закрѣпленіемъ за нимъ всѣхъ его родовыхъ имѣній. Однако, ему еще разъ пришлось тяжко потерпѣть отъ извѣтовъ враговъ въ 1735 году: онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и лишенъ опять имѣній, и только въ 1742 году при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ онъ возстановленъ былъ въ своей чести и въ имущественныхъ правахъ. Теперь только онъ могъ пожить покойно. Душа его искала полнаго уединенія. Оставляя свою семью въ Прилукахъ, онъ подолгу проживалъ въ своемъ лѣсномъ угодьѣ подъ Прилуками. Здѣсь въ малень-

комъ домикѣ онъ какъ отшельникъ предавался молитвѣ, богомыслію и приготовлялъ себя къ иной жизни... Здѣсь же незадолго предъ смертію онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ своимъ старшимъ сыномъ Святителемъ Іоасафомъ, пріѣхавшимъ навѣстить его... Андрей Димитріевичъ умеръ глубокимъ старикомъ.

Такъ кончились испытанія, коими была полна жизнь добраго, тихаго Андрея Димитріевича Горленко, отца Святителя Іоасафа. Вездѣ его сознательное христіанское смиреніе и доброта толковались его слабостію, вездѣ пытались пользоваться его „тихостію“ люди злой воли. И только на склонѣ своей жизни обрѣлъ онъ тотъ миръ, куда стремился всею душой...

Такова была жизнь предковъ Святителя Іоасафа. Мы воспользовались очерками ихъ характеровъ изъ книги кн. Жевахова. Изъ дали вѣковъ выступаютъ предъ нами величественные, типичные и своеобразные фигуры Лазаря, Димитрія и Андрея Горленко. На протяженіи столѣтій въ нихъ воспитывались и закалялись удивительныя черты, которыя оставили свой замѣтный слѣдъ и въ ихъ славномъ потомкѣ Святителѣ Іоасафѣ Бѣлгородскомъ. Отъ такихъ предковъ и могъ произойти Святитель пламенной религіозной ревности и неподкупной преданности долгу, Святитель—подвижникъ, могучій въ смиреніи и великій въ простотѣ своей. Святитель не только поддержавшій честь фамилій своей, но и возвысившій, прославившій ее священною памятью своею въ православно-русскомъ народѣ.

II.

Жизнь и подвиги Святителя Іоасафа.

Святитель Іоасафъ былъ первенцемъ у своихъ родителей Андрея Дмитріевича и Маріи Даниловны Горленко. Родился онъ въ 1705 году 8-го сентября на праздникъ Рождества Пресв Богородицы, по преданію, во время служенія божественной литургіи Во св. крещеніи онъ былъ нареченъ Іоакимомъ въ честь Св. Богоотца—родителя Приснодѣвы. Совпаденіе рожденія Іоакима съ праздникомъ въ честь Пресв. Богоро-

дицы было знаменательно. Благочестивые родители Іоакима справедливо усмотрѣли въ этомъ обстоятельствѣ знакъ особаго благоволенія и покровительства Царицы Небесной къ ихъ первенцу. Они и потомъ всегда глубоко вѣрили, что все теченіе жизни Іоакима направлялось рукою Божіей матери.

Годы дѣтства Іоакима прошли въ Прилукахъ подъ особенными впечатлѣніями семейной жизни его родителей. Какъ ни счастливы были Андрей Дмитріевичъ и Марія Даниловна въ своемъ супружествѣ, однако, имъ пришлось много претерпѣть невзгодъ и горя. Съ внѣшней стороны жизнь ихъ была нерадостна, исполнена превратностей и рѣзкихъ переходовъ отъ благополучія къ несчастіямъ. Имъ суждено было много выстрадать отъ злыхъ и корыстолюбивыхъ людей. Подкрѣпленіе и утѣшеніе въ такой жизни они находили только въ горячей вѣрѣ въ Бога и въ непоколебимой надеждѣ на Его всеблагій Промыслъ. Отсюда семейная ихъ жизнь носила свой особенный отпечатокъ, Богобоязненный духъ, любовь къ Церкви, усердное исполненіе благочестивыхъ правилъ и обычаевъ, постоянное общеніе съ родственными иноками и инокинями, частое посѣщеніе монастырей и въ особенности родной Густынской обители,—все это налагало на домашнюю жизнь Горленко особый тихій и благочестивый характеръ. Несомнѣнно, такое настроеніе родителей и тонъ ихъ семейной жизни имѣли глубокое вліяніе на первенца ихъ Іоакима. А по всѣмъ имѣющимся даннымъ Іоакимомъ уже отъ природы отличался воспріимчивостью и впечатлительностью. При всемъ этомъ въ Іоакимѣ рано сказывается и еще одна черта чисто Горленковскаго характера: энергія и настойчивость воли. Простая религіозность не удовлетворяла его. Замкнутая жизнь, тихая и спокойная, была не по немъ. Его влекло къ особымъ трудамъ и подвигамъ во славу Божію. Быть можетъ, уже въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ исключительно въ семьѣ, въ Прилукахъ, это сказывалось въ немъ. Но съ несомнѣнностію такія влеченія и черты характера обнаружились и заговорили въ немъ въ то время, когда, разлучившись съ семьею ради школьнаго обученія, онъ былъ въ значительной степени предоставленъ уже самому себѣ.

Во второй половинѣ XVII и въ первой XVIII вв. величайшее значеніе въ исторіи просвѣщенія Малороссіи имѣла знаменитая Кіево-Могилянская Академія. Она находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи. Какъ единственное въ Малороссіи высшее учебное заведеніе, Академія несмотря на свой ученобогословскій характеръ, привлекла къ себѣ питомцевъ изъ всѣхъ классовъ населенія, а особенно изъ родовитыхъ и знатныхъ малороссійскихъ фамилій. Сюда-то былъ опредѣленъ для обученія наукамъ и Іоакимъ Горленко по достиженію имъ восмилѣтняго возраста въ 1713 году. Самый г. Кіевъ,—этотъ священный городъ для православно-русскаго народа,—со всѣми его древними и многочисленными святынями, храмами, монастырями съ непрерывно текущими сонмами богомольцевъ со всѣхъ концовъ русской земли,—не могъ не производить на Іоакима глубочайшее впечатлѣніе. Несомнѣнно онъ часто посѣщалъ храмы и монастыри Кіевскіе, бесѣдовалъ съ старцами подвижниками, близко знакомился съ порядками монастырской жизни, особенно по ближайшему для него Братскому училищному монастырю,—все это глубоко плѣняло впечатлительное сердце благочестиваго Іоакима. Но, конечно на него, когда онъ сталъ уже переходить въ возрастъ юношескій, написильнѣйшее вліяніе оказала Академія.

Въ то время ректоромъ Академіи и настоятелемъ Братскаго училищнаго монастыря былъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ. Періодъ дѣятельности въ Академіи этого ректора былъ одною изъ блестящихъ страницъ ея исторіи. Поручивши хозяйственное распоряженіе монастыремъ Епифанію Тихорскому, впослѣдствіи Епископу Бѣлгородскому, Ѳеофанъ Прокоповичъ посвятилъ свои замѣчательныя способности отправленію ректорскихъ и профессорскихъ обязанностей. Ширико своею образованностію, силою учености, выдающимся краснорѣчіемъ и личными свойствами своеобразнаго своего характера онъ производилъ одинаково глубокое впечатлѣніе и на профессоровъ Академіи и на ея питомцевъ. Онъ создалъ здѣсь особое направленіе православно-богословской науки, онъ же далъ и особое направленіе академическому ученому монашеству. Этому послѣднему онъ указывалъ путь широкой церковно-обществен-

ной просвѣтительной дѣятельности. Силою своего обаянія и авторитета по этому пути онъ повелъ многихъ питомцевъ своей Академіи. Вслѣдъ за нимъ на высшія церковныя должности и на каѳедры епископскія во всѣхъ мѣстахъ Россіи и особенно Великороссіи выдвинулись кіевскіе ученые монахи, во многихъ случаяхъ дѣйствительно и блистательно оправдавшіе свое возвышеніе. Понятно, какъ такое направленіе монашеской жизни, господствовавшее тогда въ Академіи, могло отразиться на впечатлительной душѣ Іоакима Горленко. Оно вполнѣ отвѣтило его давнишнимъ наклоностямъ и при этомъ только точнѣе опредѣлило для него желательный путь служенія Господу.

Самъ онъ въ своей автобіографіи свидѣтельствуетъ, какъ равно у него сложилось влеченіе къ иноческой жизни. „Въ годъ 1716-й, говоритъ онъ, я возлюбилъ монашество“. Это было, слѣдовательно, на 11 году его жизни. „Намѣреніе быть монахомъ возымѣлъ 1721 года и то въ себѣ хранилъ даже до года 1723-го“. Окончательно сложилось у него это намѣреніе только на 16-мъ году жизни, а затѣмъ еще два года онъ держалъ въ тайнѣ свое рѣшеніе. Мы не знаемъ, почему именно въ 1721 году онъ рѣшилъ принять иночество, не раньше и не позже. Несомнѣнно, что до этого года Іоакимъ чувствовалъ хотя и сильныя, но только сердечныя влеченія и любовь къ иноческой жизни, еще не вполнѣ сознанныя и обдуманныя. А съ развитіемъ своего сознанія и понятій онъ не сразу рѣшаетъ свою судьбу. Онъ продолжительное время и всестороннее обдумываетъ шагъ жизни, и безповоротно рѣшаетъ принять иночество только въ 1721 году, окончательно убѣдившись, насколько оно соотвѣтствуетъ его силамъ и характеру и насколько въ немъ онъ будетъ полезенъ Св. Церкви. Но разъ рѣшившись на это, онъ со свойственною ему настойчивостію остался уже непоколебимымъ въ такомъ рѣшеніи. Въ 1723 году онъ открылъ родителямъ свое намѣреніе, прося ихъ благословенія на принятіе монашества. Но здѣсь встрѣтило его сильное испытаніе, требовавшее отъ него особой твердости и самоотверженія. Родители его при всей религіозности и расположенности къ Церкви и иночеству, однако, и слышать не хотѣли

о томъ, чтобы ихъ первенецъ отрекся отъ міра. У нихъ были относительно его дальнѣйшей судьбы особые планы и надежды. Они готовили его къ общественно-государственной дѣятельности, расчитывая что онъ вновь подниметъ упавшую было славу и знаменитость фамиліи Горленко. Поэтому они, не придавая серьезнаго значенія явленію сына, объявили ему, что благословить его на монашество не могутъ. Сильно огорченный возвратился Іоакимъ въ Кіевъ подъ предлогомъ окончанія курса ученія. Но ни мысль о скорби родителей, ни угроза неблагословенія родительскаго уже не моги остановить его отъ осуществленія задуманнаго намѣренія. Можетъ быть, въ это время онъ особенно подкрѣплялъ себя божественными словами Господа: „кто любитъ отца или мать болѣе нежели Меня, не достоинъ Меня. Кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“ (Мѳ. X, 37—38). По прибытіи въ Кіевъ онъ немедленно отправился въ пустынный Кіево-Межигорскій монастырь и упросилъ принять его сюда въ качествѣ послушника на испытаніе. Цѣлый годъ онъ проходилъ здѣсь положенный предъ принятіемъ иночества искусъ. По собственному впослѣдствіи признанію, свою ревность къ подвигамъ и умерщвленію плоти онъ доводилъ до того, что во все продолженіе искуса не вкушалъ даже вареной пищи, довольствуясь изрѣдка скуднымъ сухояденіемъ. Онъ скрылъ отъ родителей свое настоящее мѣстопребываніе, чтобы не дать имъ возможности воспрепятствовать ему въ исполненіи своего желанія. Слугу своего онъ оставилъ въ Кіевѣ и поручилъ ему получать письма родителей и передавать ему въ монастырь, а самъ отвѣчалъ родителямъ на эти письма какъ бы находясь въ Кіевѣ. Въ теченіи года искуса онъ убѣдилъ монашествующую братію монастыря, какъ искренно, настойчиво и съ какимъ воодушевленіемъ онъ готовился къ принятію иночества. И наконецъ, на двадцатомъ году жизни 27 октября 1725 г. онъ былъ постриженъ въ рясофоръ въ пещерномъ храмѣ Межигорскаго монастыря преп. Онуфрія В. и Петра Аѳонскаго и былъ переименованъ въ Иларіона. Только тогда онъ послалъ своего слугу къ родителямъ въ Прилуки съ извѣщеніемъ, что онъ нынѣ—инокъ Иларіонъ, со слезами умо-

ляетъ простить ему грѣхъ преслушанія ради любви Христовой и вновь проситъ у нихъ себѣ благословенія. Эта столь неожиданная вѣсть поразила родителей и повергла ихъ въ глубокую скорбь и слезы. Но сдѣлать противъ этого они уже ничего не могли. Поэтому, предавшись волѣ Божіей, благословили они, наконецъ, сына своего на подвигъ иночества. Проживъ въ Межигорскомъ монастырѣ послѣ перваго постриженія два года Иларіонъ возвратился въ Кіево-Братскій монастырь, гдѣ 21 ноября 1727 года принялъ „великое постриженіе“, при чемъ былъ наименованъ Іоасафомъ. Здѣсь онъ проводилъ строгую и суровую монашескую жизнь, продолжая въ то же время усердное и успѣшное занятіе богословскими науками. Быстро послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ его положеніи указываютъ на то исключительное вниманіе, которымъ онъ пользовался у своихъ начальниковъ и которое онъ могъ заслужить только особливыми качествами ума, характера и подвигами монашескими. Во время прохожденія богословскаго курса, Іоасафъ былъ посвященъ во іеродіакона (8 янв. 1728 г.) и назначенъ учителемъ низшаго класса Академіи. Въ 1729—1730 г.г. Іоасафъ оставался учителемъ Академіи, а въ 1731—1732 г.г. преподавалъ синтаксиму. Въ это время поступившій на каѳедру Кіевскую Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій сталъ отличать Іоасафа какъ выдающагося и многообѣщающаго инока и содѣйствовалъ его дальнѣйшему быстрому переходу къ высшимъ должностямъ. Такъ, въ 1733 году Іоасафъ былъ назначенъ экклесіархомъ Кіево-Братскаго монастыря, въ каковой должности участвовалъ въ упорядоченіи разстроившагося было хозяйства Кіево-Братскаго монастыря [1]). 8-го ноября 1734 года Іоасафъ былъ посвященъ въ іеромонаха и переведенъ изъ Кіево-Братскаго монастыря въ Кіево-Софійскій каѳедральный монастырь, съ назначеніемъ въ экзаменаторы кіевской митрополіи—епархіи. Съ этимъ вмѣстѣ онъ былъ назначенъ членомъ въ Кіевскую Духовную Консисторію: эту должность исправлялъ два года.

Усердный въ исполненіи этихъ внѣшнихъ возложенныхъ на

[1]) Н. Мухинъ. Кіево-Братскій училищный монастырь. Кіевъ. 1893 г. стр. 154 примѣч. 1.

него обязанностей Іоасафъ былъ въ то же время сурово—строгъ въ своей личной жизни. Въ эти сравнительно молодые годы онъ много работалъ надъ внутреннею своею духовною жизнію. Какъ ни скрыта отъ насъ его личная жизнь за это время, однако же мы имѣемъ возможность заключать о ней по тѣмъ его литературнымъ трудамъ этого времени, которыя сохранились и дошли до насъ. Большое значеніе въ смыслѣ характеристики Іоасафа, несомнѣнно, имѣетъ его сочиненіе, составленное въ 1737 г. 9 апрѣля и озаглавленное: „Борьба честныхъ семи добродѣтелей съ семью грѣхами смертными ведомая человѣкомъ путникомъ какъ всегда такъ въ особенности во дни св. великія Четыредесятницы“ [1]) Это его произведеніе своеобразно по формѣ и замѣчательно по содержанію. Изложено оно силлабическими стихами и представляетъ собою родъ духовной драмы на религіозно-нравственную тему. Тогда подобныя произведенія были весьма распространены. Выдающіеся кіевскіе ученые, напр., Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и др., любили составлять въ стихахъ библейскія драмы, напр. о Рождествѣ Христовомъ. грѣшникѣ кающемся, Эсѳири и Агасѳерѣ, драмы Успенскую, Дмитріевскую и т. п. Въ нихъ рядомъ съ событіями и лицами заимствованными изъ Библіи мы видимъ лица чисто аллегорическія, олицетворенія отвлеченныхъ свойствъ, добродѣтелей и пороковъ. Почти всѣ подобнаго рода сочиненія изобилуютъ, особенно у Св. Димитрія Ростовскаго, бытовыми чертами современной жизни. Такой же характеръ имѣетъ и указанное сочиненіе Іоасафа. Но въ то время какъ большинство тогдашнихъ духовныхъ драмъ любопытны только какъ наглядное драматическое изображеніе библейскихъ событій или притчей, это сочиненіе Іоасафа полно глубокаго нравственнаго содержанія и, хотя въ иносказательной, но совершенно ясной формѣ, рисуетъ ходъ духовныхъ подвиговъ православнаго христіанина въ теченіе св. Четыредесятницы. Общій ходъ этого произведенія, которое состо-

[1]) Сочиненіе это сохранилось въ современномъ составленію спискѣ одного изъ студентовъ Кіевской Академіи, принадлежащемъ теперь Кіевскому Церковно-Археологическому Музею (по печатному описанію рукописей Кіевской Дух. Академіи № 664-й).

итъ изъ 7 главъ и заключенія, слѣдующій. Человѣкъ, странникъ на землѣ по пути къ безсмертію, подвергся жестокому нападенію лютаго врага, который обрушился на него семью смертными грѣхами. Слабый силами, человѣкъ, однако, вступилъ въ борьбу съ ними, но изъявленный крѣпкими вражескими стрѣлами, въ отчаяніи, прибѣгаетъ ко дворцу добродѣтелей, и „прибѣгши тамо, паде предъ нихъ погами, сѣмо и овамо валяясь, и жалость свою предлагая“, умолялъ о помощи. И прекрасныя дѣвы добродѣтели идутъ защищать его въ то время, какъ врагъ съ семью смертными грѣхами съ особенною силою выступаетъ на битву съ ними во св. Четыредесятницу. Смиренный мытарь сталъ созывать свѣтлыхъ воевъ къ брани, а фарисей, „пихою надмений“, сталъ готовить темныхъ воевъ, увеселяя ихъ „впиваніемъ и довольнымъ гуляніемъ“. И выстроились къ брани: Царица смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и набожность съ сонмами своихъ воевъ. Предводители смиренныхъ съ крестомъ на груди, накрестъ вервіемъ препоясанные, въ черныхъ власяницахъ и въ шлемахъ, очи покрывающихъ, имѣли въ рукахъ „чотки остріи ко сѣчи удобни“. Предворитель милосердныхъ имѣлъ въ рукахъ ковчежецъ злата для слѣдовавшей за нимъ несмѣтной рати наемниковъ— нищихъ „иже вси отчай души на огнѣ дерзновени“. Чистоты рачители шли на брань въ бѣлыхъ одеждахъ „держа въ рукахъ крины, вси съ радостію войны сжидаютъ годины“. Любви воеводы горѣли огнемъ въ устахъ и сердцахъ. Постники держали сухіе хлѣбы и сосуды воды „готови мертвить воюющи уди“. Кроткіе же на столпахъ утвердились „непорушили и терпѣливодушни“. А противъ выстроились къ брани: царица гордость, лакомство, блудъ. зависть, „обжирство“, гнѣвъ и лѣность. Впереди всѣхъ стояла гордость „дмущися на преди“, „зракомъ бяше украшена ланитомъ вложи краску, перси обнаженна, златій имѣ ланцужокъ на шіи висящій, вѣнецъ драгій на главѣ якъ лямпу свѣтящій, очи смѣзи, а главу на вязахъ держащь тако, яко конь держитъ и ввесь образъ бяше образъ меска сверѣпа и узду гризуща, пляшуща и скачуща и зъ ярости ржуща“. По ударѣ колокола полки добродѣтелей, воспѣвая „помощникъ и покро-

витель во спасеніе наше"... ринулись, припадая къ землѣ, въ битву съ смертными грѣхами. Въ пылу битвы коварный врагъ выдвинулъ предъ изнемогавшими отъ голода и жажды добродѣтелями „блюда изрядныхъ вскихъ потравъ наполнивша всюда"; когда голодные постники, не подозрѣвая сѣтей лукавыхъ, бросились утолять голодъ, грѣхи окружили со всѣхъ сторонъ добродѣтели и прекратили къ нимъ всякій подвозъ пищи. Тогда снишелъ къ добродѣтелямъ Св. Ѳеодоръ Стратилатъ и, подкрѣпивъ ихъ св. пшеницею—кутіею, вновь повелъ ихъ на бой. Съ новою силою закипѣла битва изъ-за Царскаго образа и Честныхъ иконъ, поруганныхъ врагами. Побѣда склонялась на сторону добродѣтелей. Но здѣсь самонадѣянность погубила славу праведныхъ. Упоенные успѣхомъ, они, умомъ возлетѣли высоко. не благодаря Бога за помощь велику, своей все силѣ приписали, и другъ друга презрѣвъ, больно укоряли, свой трудъ и свою службу возвышая". За это Богъ, прогнѣвавшись, предалъ ихъ новой лютой брани, въ коей они были поражены, а человѣкъ былъ взятъ въ плѣнъ грѣхами и уведенъ въ рабство въ далекую невѣдомую страну. Тогда добродѣтели, по совѣту премудраго Святителя Григорія, послали на небо Молитву съ мольбою о помощи, и она „пріявши псалтири на клирѣ" возлетѣла въ горнія обители и здѣсь при содѣйствіи и ходатайствѣ Пречистой Богородицы она умолила Царя Небеснаго и получила отъ Него въ помощь добродѣтелямъ страшное и непобѣдимое оружіе—Св. Крестъ. Теперь добродѣтели, воздавши достойное поклоненіе и прославленіе Св. Кресту, побѣдили вражію силу. Но торжество побѣды омрачилось неизвѣстностію о судьбѣ человѣка, изъ-за котораго началась брань. Никто не зналъ той страны, куда онъ былъ отведенъ въ плѣнъ. Въ безуспѣшныхъ поискахъ его, наконецъ, добродѣтели узнали отъ преп. Маріи Египетской, что „страна тая далеко есть, да ктому-же къ ней дорога злая небезпечна, лежитъ бо чрезъ смертни предѣли, въ той путники не одни глави положили". Посланные добродѣтелями въ ту страну не возвращались... Наконецъ, Само Слово Божіе снисходитъ на освобожденіе плѣнника, отдаетъ свою плоть на снѣдѣніе сухореброй смерти, а Само душею проникаетъ сквозь

врата ада, побѣждаетъ его и освобождаетъ плѣнника изъ нево. Тогда Оно снова облекается во свѣтоносное Свое тѣло и воскресеніемъ Своимъ творитъ всемірную славу. Таково содержаніе этой аллегорической драмы Іоасафа. Въ понятныхъ иносказаніяхъ здѣсь весьма ясно рисуется нравственная борьба человѣка со страстями въ соотвѣтствіи съ священными воспоминаніями Четыредесятницы. Іоасафъ здѣсь съ удивительною правдивостію и духовною глубиною изображаетъ какъ добродѣтели, такъ и смертные грѣхи. Его описанія разныхъ моментовъ этой брани свидѣтельствуютъ о томъ, что духовная жизнь человѣка тщательно имъ изучена и глубоко понята. Этотъ трудъ, при всей своеобразной его формѣ, составленъ Іоасафомъ не механически, не по заказу, но на несомнѣнномъ основаніи его личнаго опыта, пережитыхъ имъ самимъ чувствъ и настроеній: поэтому здѣсь такъ выгодно выдѣляются сила изображеній, выразительность и жизненная правдивость. Видимо, Іоасафъ желалъ, чтобы это его произведеніе тронуло читателя, подняло его духъ и ободрило къ борьбѣ со страстями на пути къ вѣчному назначенію. Въ концѣ своего сочиненія, онъ обращается къ читателю съ трогательнымъ призывомъ, въ которомъ умоляетъ его: все написанное въ драмѣ прилагать и къ себѣ, ибо здѣсь указывается всякому, что надобно дѣлать, когда злой врагъ „препинаетъ путь къ безсмертной отчизнѣ“. „Будь крѣпко вооруженъ, говоритъ онъ, прилагай къ трудамъ еще большіе труды, каждую страсть, каждый грѣхъ побѣждай соотвѣтствующею добродѣтелью: гордость—смиреніемъ, зависть—милостынею, ненависть къ ближнему—любовью, невоздержаніе—постомъ, гнѣвъ—кротостію, блудъ—чистотою, лѣнность—набожностію. Побѣдивъ ихъ, будѣшь увѣнчанъ и удостоенъ вечери въ небесныхъ чертогахъ... Ей, правду вѣщаю и отъ сердца желаю“! Такимъ образомъ, только искреннее желаніе принести ближнимъ духовную пользу руководило имъ въ написаніи этого сочиненія.

Благочестивые родители Іоасафа принимали живое участіе въ это время въ его иноческой жизни, поддерживали съ нимъ сношенія и навѣщали его. Не безучастны они были и къ Кіево-Братской Академіи, съ которою была тѣсно связаная

въ это время дѣятельность Іоасафа. Такъ, во время сооруженія въ Академіи Конгрегаціонной Благовѣщенской церкви Андрей Горленко, magnificus dominus, какъ сказано въ надписи, пожертвовалъ въ эту церковь два серебряныхъ подсвѣчника.

Недолго пришлось Іоасафу служить въ Кіевѣ въ вышеозначенныхъ должностяхъ. Промыслъ Божій велъ его видимо, все къ болѣе широкимъ поприщамъ дѣятельности, къ новымъ и плодотворнѣйшимъ трудамъ на благо Св. Церкви. Въ 1737 году 24 іюня іеромонахъ Іоасафъ былъ назначенъ и посвященъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ въ игумена Лубенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря (Кіевской епархіи), каковое назначеніе онъ принялъ „по крайнему своему нежеланію, Божію же смотрѣнію преданный и воли архипастырской неотрицающій". Того-же 1737 года 1 іюля игуменъ Іоасафъ прибылъ во вѣренную ему обитель, но нашелъ ее въ крайне запущенномъ видѣ: соборная церковь съ обвалившимся куполомъ была неисправлена, монастырскія зданія истреблены пожаромъ, а средствъ для возобновленія обители не было. Но новый игуменъ съумѣлъ найти благотворителей и привлечь средства: въ скорѣ же соорудилъ новыя каменныя братскія келіи, ограду и другія необходимыя хозяйственныя постройки, а затѣмъ направилъ всѣ свои заботы на возобновленіе соборнаго монастырскаго храма. Съ этою цѣлью онъ съ разрѣшенія Кіевскаго Преосвященнаго совершилъ далекій путь въ обѣ столицы для испрошенія пожертвованій, при чемъ удостоился даже быть представленнымъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая повелѣла выдать ему 2000 р. на нужды обители. Около полутора года онъ пробылъ въ столицахъ и у богатыхъ вельможъ собралъ достаточныя средства для возобновленія своего храма. Съ этого времени онъ сталъ лично извѣстенъ Императрицѣ, которая и впослѣдствіи не забывала его, взыскивая знаками своего благоволенія. На обратномъ пути въ Кіевъ, по распоряженію тогда пребывавшей тамъ Императрицы, онъ былъ произведенъ въ архимандриты 14 сентября 1744 года. По возвращеніи въ свой монастырь архим. Іоасафъ ревностно занялся возобновленіемъ соборной

церкви. Но не суждено ему было довести свое дѣло до конца. 4 ноября 1744 года онъ былъ вызванъ въ Москву по Указу Св. Сѵнода. По словамъ автобіографіи онъ съ плачемъ и жалостію слезною простился съ братіею, выѣхалъ изъ монастыря 29 ноября прежде всего въ Кіевъ „для благодаренія Преосвященному за монастырь, и когда благодарилъ съ великою жалостію отпущенъ и во знаменіе архіерейскаго благословенія обдарованъ четками изрядными—янтарными". Въ Москвѣ 29 января 1745 года Св. Сѵнодомъ архим. Іоасафъ былъ назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры, при чемъ Императрица во время личнаго представленія ей архим. Іоасафа пожелала, чтобы онъ оставался настоятелемъ и Лубенскаго монастыря. Однако, и Троице-Сергіевой Лаврой онъ управлялъ не долго. Въ 1748 году, послѣ смерти Бѣлгородскаго Епископа Антонія Чернявскаго, онъ былъ назначенъ Императрицею Епископомъ Бѣлгородскимъ и Обоянскимъ, а 2-го іюня того же года онъ былъ рукоположенъ въ Петербургѣ въ Петропавловскомъ соборѣ въ присутствіи Императрицы съ Августѣйшей Фамиліей. Это было на 43 году отъ его рожденія и на 23 отъ вступленія въ монашество.

Къ періоду игуменской его дѣятельности въ Лубенскомъ монастырѣ относится дошедшее до насъ слово его въ недѣлю 25-го по Сошествіи Св. Духа, сказанное въ присутствіи Императрицы Елисаветы Петровны въ придворной ея церкви въ Москвѣ 1742 г. ноября 28 дня. Какъ вышеуказанное его сочиненіе. такъ и это слово имѣетъ большое значеніе для характеристики Іоасафа со стороны образа и направленія его мыслей и господствующихъ его нравственныхъ настроеній и чувствъ. Содержаніе слова таково.

Какъ недалеко отъ насъ животъ вѣчный!—начинаетъ проповѣдникъ: только лѣствица о двухъ ступеняхъ намъ предложитъ—это любовь къ Богу и родственная ей любовь къ ближнему. Малой и легкой кажется эта заповѣдь. но кто ее исполнитъ, тотъ весь законъ исполнитъ, а потому и иного пути „къ наслѣдію живота вѣчнаго не обрѣтаемъ, кромѣ какъ любити Бога и любити ближняго". „Обаче", прибавляетъ проповѣдникъ, „любити Бога четырежды велитъ законъ больше,

чѣмъ ближняго, и отъ всего сердца, и отъ всея души, и всею крѣпостію, и всѣмъ помышленіемъ".

Этими вступительными мыслями указываются главныя части содержанія слова, въ которыхъ проповѣдникъ разъясняетъ, что любить Бога отъ всего сердца значитъ любить Бога, какъ Создателя своего; любить Бога отъ всея души значитъ любить Его, какъ Царя; любить Бога всею крѣпостію значитъ любить Его, какъ Отца; любить Бога всѣмъ помышленіемъ значитъ любить какъ Судію. Прежде всего человѣкъ долженъ любить Бога какъ Творца, Который въ началѣ создалъ этотъ „свѣтъ красный", сотворилъ солнце и луну, украсилъ небо звѣздами и землю цвѣтами, наполнилъ воздухъ птицами и воды рыбами... и для кого вся сія, аще не для насъ единыхъ"? Какъ же намъ не любить и не благодарить Господа? Но человѣкъ оказался неблагодарнымъ... Любить Бога, какъ Царя, человѣкъ долженъ потому, что не смотря на величайшую его неблагодарность, Богъ опять явилъ ему Свою любовь и „уже яко царь законъ въ помощь ему даде"! Любить Бога, какъ Отца, человѣкъ долженъ потому, что и послѣ того, какъ подзаконный человѣкъ прогнѣвалъ Бога преступленіемъ закона и снова сталъ поклоняться твари,—и „когда по всѣмъ праведнымъ правиламъ" подлежалъ гнѣву и осужденію, Богъ явилъ ему бо̀льшую милость и „уже яко Отецъ положи твердую любовь крѣпости Единороднаго Сына"... „Который не токмо примири насъ Богу Отцу Своему, но и сыновство намъ исходатаи". Указавъ основанія, по которымъ мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ, проповѣдникъ затѣмъ разъясняетъ, въ чемъ именно должны выражаться эти виды любви къ Богу. „Той любитъ Бога отъ всего сердца, кто чистымъ сердцемъ нелицемѣрно заповѣди Его исполняетъ, изгоняя изъ сердца злая помышленія, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Ибо Богъ есть цѐнтръ нашего сердца, яко бо Самъ чистъ есть, тако по образу Своему и подобію содѣлалъ въ насъ сердце чисто и смысленно разумѣти между благимъ и злымъ". Любитъ Бога отъ всея души тотъ, кто ради Его не щадитъ живота своего. Такую любовь мы видимъ у мучениковъ. „Что же? Нерона-ли

нужно воскресить или Діоклетіана, чтобы они разрѣшили насъ отъ живота любви ради Божія? Ни, не о томъ мученичествѣ глаголю, но о подобномъ ему, о самоизвольномъ страдальчествѣ, отверженіи самихъ себе и умерщвленія страстей, живущихъ въ насъ, кои, если оставимъ ихъ живыми, погубятъ душу нашу. Мучителей же искать не станемъ требѣ намъ за нихъ, когда ревностно начнемъ худшее покорять лучшему: аще слава человѣческая намъ любезна, прочь отъ нея побѣжимъ, аще богатство любезно, расточимъ е подаяніемъ милостыни, аще красота тѣлесная веселитъ насъ, отвратимъ отъ нея очи"... А сколь мучительно разставаться съ тѣми страстями,—этого и выразить нельзя, лучше бы съ жизнію разстаться, чѣмъ съ ними... Вотъ каковы страсти и какая должна быть съ ними борьба!... Но мы, хотящіе любити Бога, всегда должны мертвость Господа Іисуса на тѣлѣ своемъ нести и тако возлюбимъ Его отъ всея души яко Царя, будемъ бо яко добріи воини вооружившіися во броня правды и изшедшіи на брань и за любовь царскую животъ свой предавшіи"... „Всякъ той любитъ Бога всею крѣпостію, иже паче любви Его ничтоже предпочитаетъ ни отца, ни матере, ни братію, ни други"... Любитъ Бога всѣмъ помышленіемъ тотъ, кто всегда имѣя въ памяти неключимаго раба евангельскаго, ввержена во тьму кромѣшнюю, разсуждая о Божіемъ къ себѣ долготерпѣніи, житіе исправляетъ покаяніемъ. Разъяснивъ заповѣдь о любви къ Богу, проповѣдникъ обращается къ заповѣди о любви къ ближнему: „возлюбимъ же еще, наконецъ, Бога ради и ближняго своего"! О томъ какъ любить ближняго, нѣтъ надобности много говорить: это видно изъ словъ: „яко самъ себе", т. е. что намъ вредно, то и ближнему не творимъ, и не только не творимъ, но и не желаемъ.

Слово свое проповѣдникъ заканчиваетъ трогательною молитвою, въ коей смиренно и пламенно проситъ у Господа его любви и милости ко всѣмъ людямъ и къ вѣнценосной Елисаветѣ во долготу дній.

Это прекрасное слово Іоасафа отличается разнообразными достоинствами. Оно въ высшей степени стройно и послѣдовательно: предметъ въ немъ разъясняется всесторонне и наглядно

при помощи удачныхъ образовъ и примѣровъ. Все оно проникнуто горячимъ чувствомъ и вдохновеніемъ. Идея любви здѣсь раскрывается глубоко богословски и въ то же время въ тѣсной связи съ жизнію человѣка. Въ характерѣ мыслей проповѣдника мы ясно видимъ господствующее аскетическое направленіе и его стремленіе возбудить словомъ своимъ въ слушателяхъ духовную бодрость и силу на борьбу со страстями. Въ этомъ мы вполнѣ узнаемъ автора вышеизложенной духовной драмы.

Такимъ образомъ, это слово свидѣтельствуетъ, что Іоасафъ получилъ основательное богословское образованіе, былъ въ 1742 году, когда произнесено слово, опытнымъ проповѣдникомъ—аскетомъ, проникнутымъ горячею любовью къ Богу и пламенною ревностію о славѣ Его.

Ревность и усердіе въ трудахъ и сила духа Іосафа за это время нисколько не ослаблялись отъ его длительныхъ и тяжкихъ болѣзней. Объ этихъ послѣднихъ онъ упоминаетъ неоднократно въ своей автобіографіи. Такъ, въ 1737 году 16 августа онъ крѣпко заболѣлъ и боролся съ недугомъ даже до января 1738 года и „уже бизъ исхода обрѣтался, Божію же наказующею милостію паки здравіемъ помилованъ, однако, не первымъ, но всегда въ слабости“, поэтому онъ говоритъ, „отъ тѣхъ временъ часъ отъ часу къ исхожденію шествую сію многопечальную житія моего стезю до воли Бога подкрѣпляющаго мя“. Въ 1740 году сентября 27-го онъ опять заболѣлъ и „болѣзновалъ въ отчаяніи живота до февраля среднихъ числъ: Богъ же милостивъ еще далъ жить въ хвалѣ Своей святой“. Въ 1741 году Августа 24 „въ Нѣжинѣ кони разносили и ногу разбили такъ больно, что отъ показаннаго числа по ноябрь 8-е съ постели не вставалъ“. „Въ 1741 году апрѣля 4-го дня упалъ на ноги и даже до послѣднихъ дней маія не вставалъ съ ложа“. Терпѣливо и съ покорностію волѣ Божіей онъ переносилъ эти болѣзни. Мысль о возможности близкой кончины и судѣ Божіемъ была всегда у него въ памяти и побуждала его постоянно быть къ нимъ готовымъ. Болѣзни побуждали его невольно углубляться въ себя и жить особенно своею внутреннею жизнію: онѣ развивали въ немъ тонкость и глу-

мину чувствъ, а вмѣсто съ этомъ особливою чуткость къ духовнымъ знаменіямъ. Именно такимъ его настроеніемъ объясняется упоминаніе имъ въ автобіографіи о нѣсколькихъ знаменательныхъ для его сновидѣніяхъ, которымъ онъ приписавалъ значеніе нарочитыхъ указаній ему свыше. Такъ, въ 1750 году во время болѣзни онъ видѣлъ сонъ, который описываетъ слѣдующими словами: „Октября 26-го въ ночи противъ 27 числа сонъ видѣлъ таковъ: видѣлся святитель Христовъ Аѳанасій, иже въ Мгарѣ (Луб. монаст.) почиваетъ, ходящій близъ своей раки въ полномъ архіерейскомъ одѣяніи, котораго я подъ руку провождалъ. Послѣ этого паки возлегъ въ свою раку; я же грѣшный опряталъ его въ ней и началъ сіи слова говорить: святѣйшій патріархъ, желаю я вашему святѣйшеству день праздничный уставити, и подалъ о семъ прошеніи преосвященному Рафаилу, что было воистину. На это святѣйшій вопросилъ: а что же? Я отвѣтствовалъ ему, что преосвященный сказалъ, что не можно, ибо нужну о семъ писать въ Синодъ и нужно показать его чудеса. Тогда святитель сказалъ: о. да бываютъ здѣсь и изъ Москвы. Паки началъ я говорить: святѣйшій патріархъ, накажи меня въ животѣ моемъ за грѣхи. А онъ говоритъ: вѣдь я уже наказалъ, развѣ еще наказать? добрѣ, добрѣ. Потомъ положилъ на грѣшной головѣ моей святыя свои руки и сказалъ: да благословитъ тя Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ,—на чемъ и проснулся". „Въ 1741 году марта 1-го дня, пишетъ онъ, мало уснувшу въ день, видѣлось, будто въ сослуженіи нѣкоей нахожусь панихиды съ преосвященнымъ Рафаиломъ въ церви св. Софіи Кіевской; и когда по обычаю кадилъ я церковь, предходящу мнѣ нѣкоему діакону со свѣщею, котораго и знаю я и не знаю, то оный діаконъ, войдя во св. алтарь, свѣщу потерялъ, за что я его бранилъ. Но свѣща паки обрѣлась близь жертвенника, которую я ему и указалъ. Въ кажденіи томъ горняго мѣста, по правой его сторонѣ явился мнѣ паки святый Аѳанасій, иже въ Мгарѣ въ своей ракѣ, коего я св. мощи съ великимъ ужасомъ покадилъ, онъ же простеръ свою св. руку и взялъ меня за руку крѣпко; я же началъ во піять: святѣйшій патріархъ, моли Бога о мнѣ грѣшномъ! да

не отвержетъ меня Господь. Онъ же сказалъ: о, отвержетъ отвержетъ, и присовокупилъ сіи слова: яко же любитъ мя Отецъ, тако любитъ мя и Сынъ,—съ чѣмъ я и воспрянулъ отъ сна". Въ 1742 году во время путешествія въ Москву, подъ городомъ Тулою, видѣлъ онъ новый знаменательный сонъ, и даже пророчественный, какъ показали послѣдствія. „Снилось мнѣ, пишетъ онъ, что паки въ соборномъ храмѣ св. Софіи Кіевской служу съ преосвященнымъ Рафаиломъ панихиду. По правую руку преосвященнаго стоялъ Іаковъ духовникъ Софійскій, уже умершій, а по лѣвую я. Когда пришло время возгласа: „яко Ты еси воскресеніе и животъ...",—то архіерей, обратясь къ духовнику, сказалъ: говорите вы возгласъ, вы старшій братъ сея обители; а потомъ, ко мнѣ обернувшись, сказалъ: будешь архимандритомъ,—и съ этими словами началъ возлагать на выю мою крестъ, изъ красныхъ камней сдѣланный, при чемъ съ несказаннымъ умиленіемъ цѣловалъ я руки святительскія, духовникъ же тѣмъ временемъ возгласъ говорилъ,—на чемъ и проснулся".

Для Іоасафа это были не просто сны, но дѣйствительныя явленія: онъ ихъ называетъ въ автобіографіи „видѣніями". Въ нихъ отражались господствующіе его настроенія и помыслы: храмъ, богослуженія, святыни, св. Аѳанасій Лубенскій, мысли о грѣхахъ, о помилованіи, о болѣзняхъ какъ наказаніяхъ и вразумленіяхъ ему свыше, вотъ что всегда наполняло внутреннюю жизнь души его. Онъ такъ глубоко жилъ этою духовною жизнію, что указанія ему оттуда были для него видѣніями и благодатными откровеніями...

Такимъ образомъ, все, что мы знаемъ объ Іоасафѣ за этотъ періодъ его жизни до вступленія на епископскую каѳедру Бѣлгородскую, вполнѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ въ это новое свое служеніе вступалъ съ совершенно выработаннымъ характеромъ и опредѣлившимися убѣжденіями, какъ мужъ горячей православной вѣрѣ, глубоко образованный въ богословскомъ смыслѣ, опытный проповѣдникъ, по призванію подвижникъ строгой аскетической жизни и пламенной ревности о Господѣ... Болѣзненный тѣломъ, но сильнымъ духомъ съ непреклонною волею, онъ принималъ въ свои руки бразды

пастырскаго управленія Бѣлгородскою епархіею съ пламеннымъ желаніемъ, не щадя живота, съ совершеннымъ самоотверженіемъ послужить Господу и во славу св. Церкви. А какъ есть въ то время Бѣлгородская паства и нуждалась именно въ такомъ пастырѣ. Господь и послалъ его ей...

Бѣлгородская епархія, нынѣ не существующая, открыта Большимъ Московскимъ Соборомъ 1667 г. и получила въ свои предѣлы 38 городовъ, въ томъ числѣ 20 изъ патріаршей области: Бѣлгородъ, Курскъ, Старый Осколъ, Обоянь, Болховъ, Карповъ, Хотмыжскъ, Вольный, Алешня, Короча, Яблоновъ. Новый Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Коротоякъ, Недригайловъ, Валуйки, Чугуевъ и Каменный, и кромѣ того города: Харьковъ, Колонтаевъ, Городня, Краснокутскъ, Валки, Нежегольскъ, Двурѣчный, Салтановъ, Печенѣги, Зміевъ, Моякій, Торъ, Балаклея, Царево-Борисовъ, Ахтырка, Боровной, Острожскъ и Урывъ. Изъ этого перечня видно, что Бѣлгородская епархія занимала огромное пространство, значительнѣйшія части нынѣшнихъ Воронежской, Харьковской и Курской епархій. Всѣхъ церквей въ епархіи въ первое время по открытіи ея числилось 542. Архіереямъ Бѣлгородскимъ былъ присвоенъ титулъ митрополита, каковой они и носили до 1721 г. За все время существованія этой епархіи всѣхъ архипастырей Бѣлгородскихъ было 19, изъ нихъ Святитель Іоасафъ, былъ 12-тымъ. Послѣднимъ былъ Ѳеоктистъ Мочульскій, съ 9 февраля 1787 года именовавшійся: „бѣлгородскимъ и курскимъ"; при немъ епархія была переименована по имени губерніи въ 1799 году въ Курскую. За это время отошли отъ епархіи въ 1765 г. города: Усердъ и Ольшанскъ къ Воронежской епархіи. Уступая часть своей территоріи, епархія въ то же время получила въ свой объемъ новыя земли „заднѣпровскія", нынѣ Екатеринославской епархіи, заселявшіеся послѣ установленія русско-крымской границы въ 1740 и 1742 г г.

Въ Бѣлгородской епархіи было немного коренныхъ жителей отъ давнихъ временъ: они населяли сѣверныя области епархіи. Южные же предѣлы епархіи стали заселяться съ XVI в. порубежными служилыми людьми, обязанными охранять отъ татаръ южныя границы Русскаго государства. Во второй

же половинѣ XVII в. эта „Украина“ (нынѣшняя Харьковская епархія) стала быстро и усиленно заселяться новыми выходцами изъ Малороссіи, такъ называемыми „черкасами“, убѣгавшими сюда отъ нестерпимаго польскаго гнета. Осѣдавшіе здѣсь „черкасы“ основывали города, острожки, селенія, строили церкви, монастыри, расчищали лѣса, обрабатывали поля и заводили разнообразные промыслы. Вмѣстѣ съ вольными „черкасами“ сюда переселялись и представители малороссійской „значной старшины“ съ извѣстными и прославленными фамиліями, положившіе начало родовитому слободско-украинскому дворянству. Съ половины же XVIII в. въ этой епархіи не мало поселяется еще сербовъ, волоховъ и другихъ выходцевъ изъ балканскихъ странъ, основывавшихъ здѣсь свои особыя поселки (въ 1756 г. уже было 16 селеній и церквей сербскихъ, а въ 1775 г.—22). Въ половинѣ этого вѣка, такимъ образомъ, Бѣлгородская епархія оказывается уже очень населенною. Въ это время въ ней считалось 1060 церквей, изъ нихъ въ Курскомъ намѣстничествѣ, въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Обоянскомъ, Корочанскомъ и Оскольскомъ, находилось до 400 церквей, а въ Слободской Украинѣ—600 церквей. Перевѣсъ численности видимо былъ на сторонѣ послѣдней, и Архипастыри Бѣлгородскіе были болѣе архипастырями слободско-украинскими. Такимъ образомъ; эта окраина Русскаго государства въ XVII и XVIII в.в. переживала процессъ своего постепеннаго образованія и заселенія: въ нее все вливались новыя и новыя волны выходцевъ изъ сосѣднихъ областей, вслѣдствіе чего населеніе здѣсь все это время не было устойчиво и организовано. Новому церковно-гражданскому укладу жизни, начавшемуся въ концѣ XVII в., трудно было укрѣпляться здѣсь, въ такой обширной подвижной, разсбросанной и вольнолюбивой странѣ. Управленіе здѣсь городовъ, мѣстечекъ и селеній не было благоустроено, порядки, обычаи и нравы жизни были крайне разнообразны. Населеніе не было сплочено въ однородное цѣлое въ бытовомъ и нравственномъ отношеніи. Воспитанное въ вольныхъ правахъ казачества, населеніе туго поддавалось новымъ государственнымъ и церковнымъ порядкамъ. Неустроенная и неупорядоченная общественная жизнь

населенія Бѣлгородской епархіи половины XVIII в. представляла собою картину очень печальную. Служилое и помѣщичье сословіе, за немногими исключеніями, было малообразовано, отличалось своеволіемъ и самоуправствомъ, нерѣдко грубо и жестоко обращалось съ крѣпостными и простымъ народомъ. Весьма часто оно безцеремонно вторгалось въ область епархіальнаго управленія съ своими насильственными дѣйствіями и своевольными распоряженіями, противъ чего постоянно протестовали Бѣлгородскіе архіереи. Простой народъ погрязалъ въ глубокомъ невѣжествѣ, часто чинилъ разбои, грабежи и поджоги. Лишенный правильнаго наставленія въ вѣрѣ народъ держался ея только по завѣту отцовъ, мало разумѣя ученіе ея и не понимая смысла и значенія церковныхъ правилъ и обычаевъ, отчего среди него были распространены грубыя и нелѣпыя суевѣрія и волшебства. Тогдашнее украинское духовенство далеко не отвѣчало своему высокому назначенію. Оно находилось въ совершенной зависимости отъ приходовъ и помѣщиковъ. Хотя Св. Синодъ старался тогда усвоить только архіереямъ право избранія и поставленія на приходскія мѣста священно-церковно-служителей, однако, изъ-за этого Бѣлгородскіе архипастыри должны были вести постоянную борьбу съ приходами, упорно желавшими самимъ избирать себѣ своихъ членовъ причта. Опираясь на своихъ избирателей,—приходы и помѣщиковъ,—украинское духовенство мало цѣнило власть надъ собою епархіальнаго архіерея, склонно было къ непослушанію и противленію его распоряженіямъ и весьма часто, по поводу строгихъ настояній его возбуждало жалобы и дѣлало доносы на него въ Св. Синодъ. При такой строптивости украинское духовенство въ половинѣ XVIII в. отличалось еще къ прискорбію украинское необразованностію и даже малограмотностію. Въ то время единственнымъ источникомъ просвѣщенія для всего этого края былъ Харьковскій Коллегіумъ, основанный по образцу Кіевской Академіи, Епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ въ 1727 году. Но къ сожалѣнію средства для содержанія Коллегіума были весьма скудны и неопредѣленны. Поэтому здѣсь обучалось немного учениковъ и отсюда выходило ограниченное число кандидатовъ священства.

совершенно не удовлетворявшее нуждъ столь обширной епархіи. При этомъ воспитанники Коллегіума большею частію занимали протоіерейскія мѣста по городамъ; сельскіе же священники были изъ начетчиковъ домашняго образованія или изъ окончившихъ ученіе въ низшихъ школахъ издавна существовавшихъ по городамъ Украины при соборныхъ церквахъ, гдѣ лишь съ трудомъ могли научиться грамотѣ. Не рѣдко случалось тогда, что причетники и даже лица свѣтскіе разными происками добывали себѣ санъ священника и онѣ не приготовленные первоначальнымъ воспитаніемъ къ своему служенію, они погрязали сами въ общемъ невѣжествѣ. При всемъ этомъ Архипастырямъ Бѣлгородскимъ трудно было постоянно и тщательно надзирать за духовенствомъ, стоять къ нему близко и непосредственно руководить его жизнію и дѣятельностію, такъ какъ этому крайне препятствовали обширность и разбросанность епархіи. Предшествовавшіе Святителю Іоасафу Архипастыри Бѣлгородскіе рѣдко предпринимали путешествія по епархіи для обзора церквей, причтовъ и приходовъ въ виду продолжительности и утомительности такихъ поѣздокъ. Духовенство поэтому лишено было возможности находиться въ постоянномъ живомъ общеніи со своимъ Архипастыремъ. При тогдашней медленности и затруднительности сообщеній духовенство не могло быстро сноситься и съ центральнымъ епархіальнымъ управленіемъ, поэтому оно было предоставлено почти всецѣлому вѣдѣнію такъ называемыхъ Духовныхъ Приказовъ или Правленій, которые, будучи далеко отъ Архіерея, нерѣдко злоупотребляли своею властію надъ духовенствомъ. Въ то же время духовенство много страдало отъ произвола и самоуправства своихъ приходовъ и помѣщиковъ. При такомъ положеніи духовенство, безправное, почти беззащитное, необразованное, не могло имѣть высокаго авторитета въ глазахъ народа, не могло оно и вліять на него благотворно въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, въ жизни бѣлгородской паствы XVIII в. представлялись многія крайне неблагопріятныя и тяжелыя условія для архипастырской дѣятельности бѣлгородскихъ святителей. Для религіозно-нравственнаго понятія этой паствы

нуженъ былъ святитель сильной воли, съ высокимъ личнымъ авторитетомъ, безупречной жизни, настойчивый въ своихъ дѣйствіяхъ, бдительный и самоотверженной: плодотворныхъ успѣховъ въ своей дѣятельности онъ не могъ здѣсь достигнуть безъ борьбы съ нравственно-не дисциплинированною средою. Предшественники Святителя Іоасафа бѣлгородскіе архіереи, за немногими исключеніями, не въ состояніи были оказать глубокаго благотворнаго вліянія на паству то по кратковременности своего пребыванія на этой каѳедрѣ, то по личнымъ недостаткамъ, то какъ иноземцы не могшіе приспособиться, къ особенностямъ русской паствы (каковы были напр., Митр. Ѳеодосій-сербъ, Архіеп. Петръ Смѣличъ-сербъ, митр. Антоній Черновскій—малдаванинъ), то по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ [1]).

Назначенный на сію каѳедру Святитель Іоасафъ Горленко вполнѣ соотвѣтствовалъ нуждамъ Бѣлгородской епархіи какъ по предварительной подготовкѣ къ сему служенію такъ и по своимъ высокимъ личнымъ качествамъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ для его архипастырствованія здѣсь было то, что онъ самъ былъ мѣстнаго происхожденія, по духу родственъ слободско-украинскому народу и кромѣ того находился въ родственныхъ связяхъ съ знатнѣйшими мѣстными дворянскими фамиліями, и въ особенности близокъ былъ къ семейству И. Г. Квитки.

Святитель Іоасафъ прибылъ на бѣлгородскую каѳедру въ самый праздникъ Преображенія Господня 6-го Августа 1748 года: не смотря на слабость здоровья и изнуреніе силъ отъ длиннаго пути онъ совершилъ Божественную литургію въ каѳедральномъ Бѣлгородскомъ соборѣ. Съ этого дня онъ въ теченіе шести съ половиною лѣтъ управлялъ своею епархіею съ неутомимою ревностію. Ни одинъ изъ бѣлгородскихъ іерарховъ не обозрѣвалъ такъ часто и такъ внимательно своей епархіи какъ онъ, обращая при этомъ строгое вниманіе какъ на храмы и общественное богослуженіе, такъ и на нравственное состояніе духовенства. Объѣзды епархіи онъ совершалъ каждый годъ, а въ нѣкоторые годы и по нѣскольку

[1]) См. А. С. Лебедевъ. Бѣлгородскіе Архіереи. Харьковъ 1902 г.

разъ: это требовало отъ него большаго напряженія силъ физическихъ и моральныхъ, однако, въ такой бдительности надзора за епархіей онъ видѣлъ главную задачу своего служенія. Всюду, куда онъ ни прибывалъ, высокая репутація предшествовала ему. Такъ, вскорѣ послѣ вступленія на каѳедру, Святитель Іоасафъ (въ октября 1748 г.) прибылъ въ Харьковъ, гдѣ удостоился отъ мѣстнаго общества выдающейся торжественной встрѣчи: еще за городомъ онъ былъ встрѣченъ народомъ съ двумя сотнями казаковъ при знаменахъ. То же самое повторилось и въ 1751 году, когда онъ окончивъ экзамены въ Коллегіумѣ, уѣзжалъ въ іюнѣ изъ Харькова: военная громада провожала его до Хорошева. Почти послѣ каждаго обзора Святитель то отъ своего имени за подписью своей руки посылалъ предписанія и наставленія по епархіи, то дѣлалъ внушенія чрезъ консисторію. При этомъ съ первыхъ же дней своего управленія онъ заявилъ себя какъ наиболѣе просвѣщенный владыка своего времени. Онъ обратилъ вниманіе прежде всего на поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня духовенства своей епархіи. Видя образовательныя нужды духовенства, Преосвященный Іоасафъ посвящалъ много вниманія и заботъ Харьковскому Коллегіуму, часто бывалъ въ немъ, иногда останавливался въ немъ на долговременное пребываніе, служилъ въ Коллегіумской церкви, съ охотою присутствовалъ на экзаменахъ и генеральныхъ диспутахъ студентовъ Коллегіума и вообще участливо относился къ нуждамъ школы. Когда въ 1750-мъ году ректоръ Коллегіума Гедеонъ Антонскій, послучаю предположенной перестройки школьнаго зданія, просилъ Преосвящ. Іоасафа дать на эту перестройку благословительную архипастырскую грамоту и, сверхъ того, послать протопопамъ Харьковскому, Чугуевскому и Зміевскому указы о вспомоществованіи въ возкѣ по зимнему пути потребнаго матеріала священно-церковно-слутельскими подводами, отъ Преосвященнаго послѣдовала такая резолюція: „благословительную грамоту дать и написать отъ насъ партикулярное письмо, въ которомъ изобразить прошеніе архимандричье, и потомъ отъ насъ рекомендательное требованіе о

вспоможеніи, сколь возможно, тому мѣсту, отечеству нашему благопотребному".

Въ то же время Преосвящ. Іоасафъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы избираемые прихожанами кандидаты священства удовлетворяли своему назначенію. Такъ, онъ съ первыхъ же поръ своего святительствованія обратилъ вниманіе на то, что на заручныхъ прошеніяхъ прихожанъ духовные управители подписываются „знатно изъ своихъ бездѣльныхъ прихотей и корыстей", яко бы избранные прихожанами люди —доброжительные, въ церковномъ чтеніи и пѣніи совершенно искусные, никакого подозрѣнія за ними нѣтъ, а между тѣмъ на дѣлѣ нѣкоторые изъ нихъ являются совсѣмъ иными. Поэтому онъ въ 1748-мъ году предписалъ: „приходскіе выборы подписывать по самой сущей христіанской совѣсти безъ всякихъ своихъ прихотей и проклятыхъ корыстей; если же явится въ подписи какая либо фальшь, за таковое духовныхъ правителей нерадѣніе править штрафу по 30 рублей, не пріемля отъ нихъ никакихъ употребляемыхъ ими отговорокъ". Однако, и за пресѣченіемъ такихъ фальшивыхъ представленій, въ духовенствѣ трудно было тогда обойтись безъ священниковъ необразованныхъ за недостаткомъ образованныхъ, поэтому Святитель Іоасафъ принялъ мѣры къ тому, чтобы таковые священники хоть сколько нибудь пополняли недостатокъ своего образованія. Съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ распоряженіе выписать для всѣхъ священниковъ изъ Москвы „книжницу о церковныхъ таинствахъ" и затѣмъ повелѣлъ, чтобы каждый священникъ непремѣнно зналъ ее и катихизисъ. Объѣзжая же епархію, Святитель постоянно испытывалъ священниковъ въ знаніи этихъ книгъ, иныхъ же вызывалъ для изученія ихъ къ себѣ въ Бѣлгородъ въ архіерейскій домъ, гдѣ „неумѣющихъ" держалъ въ разныхъ послушаніяхъ, пока пріобрѣтутъ небходимыя знанія и выдержатъ испытаніе. Нерадивыхъ же въ этомъ дѣлѣ и крайне невѣжественныхъ отрѣшалъ отъ приходовъ, замѣняя ихъ болѣе достойными. Такія строгія мѣры были въ то время вполнѣ необходимы, ибо многіе іереи, получивъ священный санъ, забывали иногда и то малое, чему научились въ первоначальныхъ школахъ, съ трудомъ разбирая по складамъ слу-

жебники при литургіи. Многіе недостатки въ дѣятельности духовенства происходили отъ слабости непосредственнаго за ними надзора. Поэтому Святитель строго требовалъ, чтобы благочинные непремѣнно два раза въ годъ посѣщали всѣ церкви своихъ благочиній, тщательно вникая въ порядокъ богослуженія и нравственность духовенства и мірянъ. Святитель принялъ мѣры и противъ своеволія Духовныхъ Приказовъ—Правленій. Въ приказахъ этихъ по большей части засѣдалъ одинъ первоприсутствующій членъ протоіерей, чѣмъ давался поводъ къ произволу и лицепріятнымъ рѣшеніямъ. Святитель предписалъ и требовалъ, чтобы эти Приказы немедленно были приведены въ надлежащій порядокъ, чтобы въ нихъ засѣдало никакъ не менѣе трехъ постоянныхъ членовъ: первоприсутствующій протоіерей и съ нимъ два добросовѣстныхъ и благонадежныхъ священника, и чтобы они рѣшали дѣла и разбирали жалобы между духовенствомъ безъ всякаго лицепріятія, на точномъ основаніи Указовъ и Духовнаго Регламента.

Вообще при ближайшемъ изученіи епархіи Преосвященный Іоасафъ обращалъ самое серьезное вниманіе на степень знакомства священнослужителей съ церковнымъ уставомъ и замѣченныя неисправности, упущенія и злоупотребленія строго обличалъ въ своихъ частыхъ циркулярныхъ наставленіяхъ. Такъ, въ разосланныхъ по епархіи наставленіяхъ 11 декабря 1749 г., 10 ноября 1750 г. и 23 іюля 1752 г., Святитель обличалъ слѣдующіе безпорядки, допускаемые невѣжествомъ и небрежностію священниковъ при отправленіи Богослуженія и замѣченные Святителемъ при обозрѣніи епархіи: 1) Во многихъ церквахъ раздробленныя части Божественнаго Агнца, хранящіяся для больныхъ, не всѣ были неполяемы Кровію Божественною, такъ что священники причащали больныхъ только подъ однимъ видомъ хлѣба вопреки ученію Православной церкви; 2) Запасныя Божественныя Дары нѣкоторые нерадивые священники хранили въ своихъ домахъ, въ неприличныхъ мѣстахъ, не имѣли даже особыхъ кивотцевъ (дароносицъ) для ношенія сихъ Даровъ къ больнымъ, а носили ихъ въ кошелькахъ и бумажкахъ; 3) многіе священники, во время богослу-

женія, носили въ притворы мірскимъ лицамъ Св. Евангеліе и Крестъ цѣловать съ антидоромъ или же посылали имъ просфоры и антидоръ чрезъ пономарей, показывая въ этомъ свое крайнее человѣкоугодничество и унижая свое служеніе Богу; 4) во многихъ церквахъ явились служебники львовской и другихъ печатей, по которымъ священники служеніе совершали не разумѣя, что въ этихъ служебникахъ находятся противорѣчія ученію Православной церкви, въ особенности объ освященіи Даровъ и пресуществленіи Тѣла и Крови Христовыхъ; 5) во время совершенія Литургій, Златоустовой и Василіевой, когда бываетъ порнесеніе Даровъ на Херувимской пѣсни, священники, по непониманію, приказываютъ пономарямъ въ звонокъ звонить, чтобы народъ чинилъ богоподобное поклоненіе до земли симъ Дарамъ еще неосвященнымъ, каковое поклоненіе должно быть по освященіи Даровъ; 6) въ священнослуженіи замѣчены были неумѣстные и нелѣпые вымыслы: лишніе гдѣ не нужно поклоны, воздѣянія рукъ, хожденія, предъ великимъ входомъ цѣлованіе Креста и др. Обличая такіе безпорядки, Святитель предписывалъ: 1) во время приготовленія Божественнаго Агнца ради больныхъ, священникамъ напоевать Кровію Божественною оный весь часно, чтобы не было разлитія отъ излишества напоенія,— и во время раздробленія, ежели которая часть усмотрѣна будетъ не напоена, таковую, не оставляя къ сушенію и храненію годичному, заразъ на первомъ служеніи по причащеніи положить въ чашу и употребить по обычаю на жервенникѣ; 2) Оныя-жъ Божеств. Сѣла части священникамъ въ домахъ своихъ, подъ лишеніемъ священства, отнюдь не держать, а въ церкви на престолѣ,—и когда случится идти ради причащенія больнаго, то нести долженъ священникъ въ потирѣ, или аще въ дальнее мѣсто, въ кіотѣ нарочито на то устроенномъ, а не въ карманѣ и не въ кошелькахъ и бумажкахъ, облеченъ въ ризахъ, со свѣщею и колокольчикомъ предыдущимъ, со всякимъ страхомъ и благоговѣніемъ; для чего и колокольчикъ всякъ христіанинъ услышавъ долженъ богоподобное творить поклоненіе; 3) всѣмъ священникамъ о неношеніи Св. Евангелія и Креста, такожъ антидора, ниже́ чрезъ пономаря,

въ притворъ мірскимъ людямъ, кто бы они не были, учинить отъ духовныхъ правительствъ крѣпкое воспрещеніе, съ дачею копіи съ сего Указа, понеже явленіе народу въ церкви отъ священника Евангелія и Креста знаменуетъ самаго Спасителя нашего явленіе къ людямъ, и благоговѣйные должны со страхомъ приступать къ прикосновенію ихъ, а не къ гордящимся приносить; невѣжи священници воздадутъ отвѣтъ Богу въ день судный за столь лѣнивое и человѣкоугодное свое служеніе, а Божія славы уничиженіе; впредь же, когда то чинить станутъ и намъ чрезъ имѣющихся нарочито отправиться въ епархію тайныхъ фискаловъ о семъ, яко и о прочемъ, донесено будетъ, запрещеніе примутъ и привильное осужденіе; также и къ антидору всѣ хотящіе освятиться отъ хлѣба святаго сами да приступаютъ; 4) вмѣсто имѣющихся служебниковъ львовской и другихъ печатей, искаженныхъ отъ римлянъ, каждому протопопу и духовному управителю вѣдомства своего въ церквахъ велѣть купить священникамъ новоисправленныя московской или кіевской печати, а старыя прислать въ Консисторію при доношеніяхъ; 5) во время служенія литургій—Златоустовой и Василіевой,—въ перенесеніи Даровъ на Херувимской пѣсни звонковъ отнюдь не употреблять, чтобы простой народъ не поклонялся богоподобнымъ поклоненіемъ еще сущу тогда простому хлѣбу; 6) непотребные вымыслы при богослуженіи, къ смѣху побуждающіе, воспретить.

Изъ этихъ наставленій и распоряженій видно, какимъ глубокимъ благоговѣніемъ къ Божественной службѣ и Св. Тайнамъ былъ проникнутъ Святитель Іоасафъ, съ какою ревностію и рѣшительною настойчивостью онъ стремился установить въ епархіи должное отношеніе къ святынямъ и уставный чинъ богослуженія. Со вторымъ пунктомъ изложеннаго нами святительскаго наставленія имѣетъ связь слѣдующее происшествіе, разсказанное потомъ самимъ Святителемъ [1]). Остановясь однажды для ночлега, при обозрѣніи епархіи, въ одномъ однодворческомъ селѣ, въ домѣ приходскаго священника, который въ то время былъ въ отсутствіи, Святитель поздно вечеромъ отпустивъ келейниковъ, почувствовалъ нео-

[1]) Ар. Филаретъ. Истор. Стат. Описаніе Харьк. Епархіи, отд. I, стр. 28.

обычайный страхъ и ужасъ, безотчетно объявшіе его. Сонъ бѣжалъ отъ его глазъ, и желая сколько нибудь разсѣяться, онъ началъ разсматривать находившіеся въ комнатѣ предметы, перечитывать лежавшія въ ней бумаги, и въ числѣ ихъ на полкѣ между домашней посудой нашелъ одну бумагу, въ которой съ ужасомъ увидѣлъ завернутыя частицы Божественныхъ Таинъ, для больныхъ сохраняемыя въ столь неприличномъ сей святынѣ мѣстѣ. Положивъ ихъ съ должнымъ благоговѣніемъ на столъ, Святитель всю ночь до самой утрени провелъ надъ ними въ бдѣнной молитвѣ. На утро явился священникъ—хозяинъ дома и, не смотря на всѣ свои оправданія и просьбы, былъ лишенъ священнаго сана и даже исключенъ изъ духовнаго званія. Много заботился Святитель также о томъ, чтобы храмы епархіи снабжены были благоприличною утварью и чтобы св. иконы въ нихъ были написаны по возможности искусно,—„да не внушаютъ собою смѣха кощунаго въ невѣждахъ“. Имъ были также выписаны для всѣхъ церквей 3,000 стекляныхъ сосудовъ для св. мура и 1,500 ножницъ и ящиковъ приличныхъ для храненія св. мура, въ чемъ чувствовался тогда особый недостатокъ по сельскимъ приходамъ. Заботясь о приличіи богослуженія и благолѣпіи храмовъ, Святитель не разъ предписывалъ, чтобы причетниками были лица посвященные въ стихарь. Это относилось преимущественно къ церквамъ Слободской Украины, гдѣ должность причетниковъ дотолѣ исправляли большею частію не посвященные на служеніе храму, и даже не опредѣленные духовнымъ начальствомъ, а служившіе временно по найму прихожанъ. Еще предшественникъ Преосвящ. Іоасафа Архіеп. Петръ предписывалъ протопопамъ Слободской Украины: а) составить точную вѣдомость всѣмъ причетникамъ и, у кого изъ нихъ есть бумаги объ опредѣленіи въ причетники, доставить къ нему, б) всѣхъ служащихъ безъ указовъ, и не состоящихъ въ подушномъ окладѣ, выслать къ нему на усмотрѣніе; в) впередъ не допускать къ должности причетнической никогда безъ указа духовнаго начальства. Однако, своеволія не прекращались, и въ клирѣ церковномъ, вообще малообразованномъ, оказалось множество грубыхъ и невѣжественныхъ причетниковъ, совершенно роняющихъ достоинство клира.

Ревностный Святитель Бѣлгородскій стремился не только исправить богослужебное поведеніе духовенства, но и вообще повысить нравственный уровень всей его жизни, страдавшей глубокими недостатками. Относительно поведенія духовенства, въ „реестрѣ, чего протопопы должны смотрѣть при осмотрѣ благочинія по церквамъ“, Преосвященный Іоасафъ предписываетъ протопопамъ строго смотрѣть: „не пьянствуютъ-ли попы, не ходятъ ли въ корчмы и на игрища. не безчинствуютъ ли, не кощунствуютъ ли и не дерутся ли съ людьми“, а также—„не ходятъ ли въ короткихъ и свѣтлыхъ одеждахъ, паче же—не служатъ ли въ лаптяхъ. такожъ утрени, вечерни и прочее церковное отправленіе не отправляютъ ли въ единыхъ кафтанахъ. безъ рясъ, подпоясаны, накинувъ на себя епитрахиль, что все являетъ безобразіе“. Особенно Святитель слѣдилъ за тѣмъ, чтобы священно-церковно-служители жили другъ съ другомъ по братски и мирно ради божественной службы, которую должны творить „миръ имѣя съ ближними“. Такъ, уже въ первый годъ своего святительства Преосвящен. Іоасафъ вмѣнилъ въ обязанность духовенству, дабы поссорившіеся между собою священники и діаконы, до примиренія, не дерзали приступать къ совершенію литургіи. По случаю же поступившей къ нему жалобы на священника, будто бы бившаго своими руками жену другого священника, Святитель разослалъ строгое внушеніе: „дабы священники и діаконы отнынѣ впредь никого своими руками бить не дерзали. подъ опасеніемъ быть лишенными сана“. Значительный упадокъ уставности и благочестія былъ замѣтенъ тогда и въ монастыряхъ Бѣлгородской епархіи. Предшественники Святителя Іоасафа—Бѣлгородскіе архипастыри принимали мѣры противъ этого, иногда даже крайнія. Знаменитый Епископъ Епифаній Тихорскій въ 1727 году вынужденъ былъ даже Св. Синоду доносить о томъ, что въ Борисовскомъ женскомъ монастырѣ, устроенномъ фельдмаршаломъ Шереметьевымъ, „умножается паче беззаконіе, нежели богомоленіе“ и хотѣлъ было совсѣмъ закрыть этотъ монастырь. Ко времени Святителя Іоасафа въ монастыряхъ особенно обнаружились: разстройство монастырской дисциплины, ослабленіе набожности и произволъ настоятелей. Святитель,

самъ глубокій, убѣжденный подвижникъ, прошедшій суровую школу монашества, глубоко скорбѣлъ и возмущался такими непорядками монастырскими и со свойственною ему энергіею принялъ рѣшительныя мѣры къ поднятію въ монастыряхъ строгой дисциплины. Въ 1754 году онъ обратился ко всѣмъ монастырямъ епархіи съ грознымъ обличеніемъ, въ которомъ, не обинуясь, бичуетъ непорядки и указываетъ средства для устраненія ихъ. „Понеже изъ произведенныхъ въ Консисторіи слѣдственныхъ дѣлъ нами усмотрѣно, что не точію нѣціи монастырскіе начальники, при выходахъ своихъ изъ келіи въ церковь, приказываютъ во всѣ колокола звонить, но уже и протопопы въ тоже пришли сумазбродство, и съ колоколами и съ пѣніемъ „достойно есть“ входятъ въ церковь, да къ тому же извѣстно, что нѣкіихъ монастырей начальники уже стыдятся отъ гордости сами проскомисать во время служенія ими литургіи, а исправлять то очереднымъ іеромонахамъ оставляютъ, и служеніе свое отправляютъ на коврахъ не посвоему достоинству, но мечтая о себѣ высоко, единымъ токмо архіереямъ подобающую честь и церковную ихъ церемонію себѣ похищаютъ, и о своихъ токмо помпахъ прилежатъ, а о общемъ чинѣ монастырскомъ въ созиданіе и пользу братіи и о храніи спасеннаго монастырскаго устава (котораго едва уже и слѣдъ обрѣтается) отъ богоносныхъ отецъ преданнаго ничего не радятъ, а именно: сами начальники въ церковь не ходятъ, и братіи не надзираютъ, общую трапезу отвергли, и какъ сами никогда въ трапезѣ не бываютъ, такъ и общее братство не бываетъ же, а порціи раздаютъ по келіямъ, и прочіе монастырскіе чины уничтожены, какъ то: очередное іеромонахамъ и іеродіаконамъ седьмичное священнослуженіе, чтеніе псалтири по очереди, мантій никогда не носятъ, а хранятъ ихъ токмо для смерти, волочатся безъ позволенія настоятеля, куда хотятъ, за монастырь,—того ради по Ея Императорскаго Величества указу нами опредѣлено: во всѣ монастыри послать указы и велѣть отнынѣ впредь чинить слѣдующее. 1) Въ церковь Божію на литургію, утреню и вечерню всегда ходить начальникамъ, и братію надзирать и лѣнивыхъ наказывать, и чтобъ въ мантіяхъ ходили чины смот-

рѣти, и волочиться за монастырь безъ благословенія отнюдь не попущать и наказывать непоблажно; во время выходовъ своихъ изъ келлій звоновъ отнюдь не употреблять, а употреблять токмо тамъ, гдѣ должно, какъ и въ прочихъ святыхъ церквахъ употребляются. 2) Во время своего служенія проскомисать самимъ начальникамъ, а не очереднымъ іеромонахамъ; и все служеніе имѣть безъ всякихъ придатковъ неотмѣнно, какъ служебники изъявляютъ. 3) На коврахъ отнюдь не служить, и ни въ какихъ церковныхъ церемоніяхъ подъ ноги себѣ оныхъ не употреблять. 4) Трапезы общей для братіи неотмѣнно быть повседневно за чтеніемъ житій святыхъ отецъ и прочихъ книгъ душеполезныхъ; чтеніе то исправлять тому, кто въ церкви очередь псалтири содержитъ, и понеже начальникамъ самимъ за монастырскимъ правленіемъ всегда присутствовать въ трапезѣ невозможно, то намѣстнику или чредному іеромонаху бывать и чина надъ братіею смотрѣти, а въ воскресные и праздничные дни самимъ настоятелямъ ходить непремѣнно въ трапезу, на которой бывать и возвышенію нагіи по святому и достохвальному чину монастырскому. 5) Іеромонахамъ и іердіаконамъ содержать священнослуженіе седмицы и очередь чтенія псалтирнаго, такожъ и монахамъ по седьмично. 6) По полученіи указа, объявить оный братіи съ прочетомъ въ трапезахъ, а намъ репортовать, а на репортахъ какъ начальникамъ объ исполненіи, такъ и братіи о слышаніи подписаться“ [1]).

Тщательно вникая въ непорядки клира и монастырей, въ изобиліи издавая и разсылая по епархіи свои архипастырскія обличенія, внушенія и наставленія, Святитель столь же тщательно и бдительно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы его наставленія и распоряженія всюду исполнялись. Практически опытный и глубоко понимавшій людей, онъ зналъ, что церковную жизнь паствы можно поднять дѣйствительными мѣрами и твердымъ, неуклоннымъ осуществленіемъ правилъ благочестія. За осуществленіемъ всѣхъ изданныхъ имъ распоряженій онъ слѣдилъ самъ во время постоянныхъ объѣздовъ епархіи; этого же онъ требовалъ отъ Духовныхъ приказовъ и благочинныхъ съ угро-

[1]) А. С. Лебедевъ. Ibid., стр. 86—87.

зами строгихъ взысканій за какія либо послабленія или же попустительства съ ихъ стороны; наконецъ, онъ подвергалъ строгимъ наказаніямъ и церковнымъ епетиміямъ ослушниковъ, неповинующихся власти Архипастыря и тѣмъ побуждалъ другихъ быть осмотрительными и усердными исполнителями его воли. При всемъ этомъ, однако, въ строгой и настойчивой требовательности Святителя не было суровой жесткости въ отношеніи къ подчиненному ему духовенству: здѣсь была только его искренняя и прямолинейная ревность о Господѣ и Св. Его Церкви. Это ясно было видно изъ его отношеній къ тѣмъ изъ духовенства, кто былъ несправедливо кѣмъ либо угнетаемъ и гонимъ: для таковыхъ онъ былъ истинный отецъ и защитникъ. Святитель Іоасафъ съ пастырскою любовію и все тою же ревностію ограждалъ таковыхъ отъ притѣсненій и произвола, какъ бы ни были высоки и сильны притѣснители, слабы и ничтожны притѣсняемые. Такъ, однажды, по жалобѣ одного причетника, выгнаннаго самовольно изъ храма приказчикомъ имѣнія князя Б. Г. Юсупова. Святитель приказалъ причетнику быть по прежнему на своемъ мѣстѣ, угрожая въ противномъ случаѣ запечатать самую церковь: „дьяку быть при Церкви по прежнему, приказчику и атаману объявить, дабы они дьячка не изгоняли и дьяческой части не отнимали; ежели-жъ впредь таковыя напасти будутъ чинить дьячку и не въ свою команду мѣшаться станутъ то того села церковь запечатана будетъ“; кромѣ сего онъ принялъ на себя писать къ владѣльцу села, князю Юсупову, объ обидахъ, нанесенныхъ дьячку съ требованіемъ непремѣннаго и полнаго удовлетворенія дьячку за обиды со стороны приказчика и атамана. Духовенство бѣлорусской епархіи, видя многочисленные примѣры такого добросердечія святителя къ себѣ, правильно цѣнило и ревностную строгость его. Поэтому оно никогда не возвышало противъ этого Святителя голоса недовольства или ропота. Какъ ни привыкло оно при предшественникахъ Святителя Іоасафа—возбуждать жалобы на своихъ архипастырей, при чемъ изъ-за этого нѣкоторые изъ послѣднихъ вынуждаемы были оставлять сію каѳедру, однако, въ отношеніи къ Святителю Іоасафу духовенство было предано и послушно, очевидно, въ силу того высо-

каго нравственнаго авторитета, который за этимъ Святителемъ признавали одинаково и само духовенство и вся бѣлгородская паства.

Заботясь о поднятіи умственнаго уровня и искорененіи нравственныхъ недостатковъ пастырей, Святитель Іоасафъ не въ меньшей мѣрѣ обращалъ вниманіе въ указанныхъ отношеніяхъ и на многочисленную бѣлгородскую паству и всячески побуждалъ духовенство къ учительности. Какъ мы сказали выше, простой народъ погрязалъ въ религіозномъ невѣжествѣ, плохо понималъ ученіе православной вѣры и даже не зналъ какъ слѣдуетъ общеупотребительныхъ молитвъ. Кромѣ этого народъ позволялъ себѣ нерѣдко открыто и упорно нарушать установленія и обычаи церковные. Горячо ревнуя о душевномъ спасеніи этого темнаго люда, Святитель принималъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы хоть сколько нибудь просвѣтить его въ доступной для него мѣрѣ свѣтомъ христіанской вѣры и утвердить въ послушаніи Церкви.

Указомъ отъ 23 ноября 1750 года онъ приказалъ объявить священникамъ къ непремѣнному исполненію, чтобы они во всѣ воскресные дни въ концѣ литургіи учили народъ молитвамъ, а именно: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь; Царю Небесный...; Пресвятая Троице; Отче нашъ; Вѣрую во Единаго Бога; Богородице Дѣво и Помилуй мя Боже,—учили всѣхъ, начиная отъ малыхъ младенцевъ до престарѣлыхъ людей. наизусть произнося имъ эти молитвы, а они за священниками приговаривали бы, пока имъ то священническое наученіе въ память углубится; при этомъ предписывалось священникамъ учить народъ и тому, какъ творить на себѣ крестное знаменіе троеперстнымъ изображеніемъ „показуя имъ три первые великіе перста“. Святитель внушалъ пастырямъ и мірянамъ родителямъ усердно заботиться о пріученіи дѣтей и юношей къ посѣщенію храма Божія и къ богомоленію. Строгій и ревностный Святитель угрожалъ за небреженіе въ этомъ отношеніи церковными показаніями безъ всякихъ послабленій. Такъ, въ Указѣ къ протопопамъ и духовнымъ управителямъ отъ 30 мая 1749 г., поставивъ на видъ, что „многіе изъ народа, наипаче же купцы и прочіе разночинцы отъ застарѣ-

лаго своего суевѣрія или раскола не пускаютъ, вопреки церковнымъ правиламъ, дѣтей своихъ—сыновей и дочерей дѣвокъ—въ церковь, не только въ праздничные дни, но и въ воскресные, кромѣ лишь одного воскресенья великимъ постомъ, когда сподобляются Христовыхъ Таинъ, а на игрища и позорища людскія собираются повседневно",—Святитель предписывалъ „всѣмъ священникамъ подтверждать накрѣпко съ подпискою, чтобы приходскихъ своихъ людей поучали и понуждали. дабы они дѣтей своихъ, сыновъ и дочерей, пущали въ церковь, по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни, для слушанія божественнаго пѣнія, и для того, списавъ съ указа копіи, отдать каждому священнику съ росписку для прочтенія въ церквахъ при собраніи народа въ воскресные и праздничные дни въ теченіе мѣсяца, а кто противенъ и непокорливъ правиламъ восточной православной церкви учинится, на таковыхъ доносить его преосвященству, дабы учинено было съ ними, какъ святыя апостолъ и отецъ правила повелѣваютъ". Святитель внушалъ своей паствѣ непрестанно, что нарушеніе уставовъ Церкви и явное пренебреженіе правилами благочестія глубоко прогнѣвляютъ Правосуднаго Господа и навлекаютъ на народъ небесныя и грозныя кары, какъ то неурожаи, моры и глады. Въ Указѣ отъ 2 декабря 1849 г. онъ оповѣщалъ духовенство и паству: „имѣя попеченіе о врученныхъ пасты своея овцахъ, я вижу, что, хотя по правиламъ св. отецъ и по указамъ ихъ Императорскихъ Величествъ всячески должно преданные и установленные отъ св. церкви посты хранить и въ оные, по крайней мѣрѣ въ св. Четыредесятницу, поститься и св. Таинъ пріобщаться, но многіе пренебрегаютъ оныя душеспасательныя установленія, не точію надлежаще отъ питія и брашенъ излишняго употребленія не воздерживаютъ себя, но ниже въ церковь входятъ и чрезъ бываемые въ годъ четыре поста не исповѣдываются и св. Таинъ не сообщаются отъ своея лѣности и нерадѣнія, какъ то довольно видно въ Консисторіи по поданнымъ о таковыхъ неисполнителяхъ вѣдомостяхъ, и для того не коснитъ гнѣвъ Божій на таковыхъ не исполняющихъ заповѣди его и преданія церковныя—особливо всякъ можетъ видѣть, каковъ пра-

ведный гнѣвъ Божій въ Бѣлгородской епархіи за недородомъ хлѣба и прочихъ нужныхъ къ пропитанію человѣческому, что многіе, не имѣя хлѣба, съ голоду помираютъ, или ходя по улицамъ просятъ мылостыни". Посему Святитель предписывалъ всѣмъ протопопамъ и духовнымъ управителямъ, „дабы каждый изъ нихъ вѣдомства своего священникамъ подтвердилъ накрѣпко, чтобы они духовныхъ дѣтей увѣщевали къ принятію, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующую св. Четыредесятницу душеспасительнаго покаянія и св. божественныхъ Таинъ сообщенія, отъ семилѣтняго младенца до совершенной старости, да тѣмъ всемогущій Богъ праведный Свой гнѣвъ отвратитъ и плодородіе земли и всякое изобиліе даруетъ". Видно, что и въ то время, какъ нерѣдко и теперь, въ народѣ нарушались правила церковныя касательно христіанскаго приготовленія къ таинству брака. Святитель и это не пропускаетъ безъ должнаго наставленія и распряженія съ своей стороны. Указомъ отъ 31 декабря 1748 г. онъ повелѣваетъ „впредь хотящимъ воспріять тайну законнаго супружества духовнымъ ихъ отцемъ съ надлежащимъ увѣщаніемъ объявлять, дабы прежде сочетанія брака приготовляли себя какъ женихъ, такъ и невѣста, по св. отецъ правилу къ исповѣди и св. причастію за три или четыре дня; а по исполненіи того таковыхъ вѣнчать послѣ литургіи". Безпристрастный и справедливый святитель одинаково отъ всѣхъ чадъ своихъ духовныхъ требовалъ исполненія въ особенности тѣхъ обычаевъ и правилъ церковныхъ, которые такъ свойственны именно русскому благочестію, и изъ нихъ особенно постовъ. Онъ, близко узнавши свою паству, не могъ не обратить вниманія на то, что усердіе къ постамъ ослабѣло въ народѣ и по преимуществу въ образованномъ классѣ, который съ усвоеніемъ поверхностнаго западно-европейскаго образованія незамѣтно проникался духомъ вольномыслія и религіознаго равнодушія. Поэтому святитель въ Указѣ отъ 7 февраля 1750 г. объявлялъ своей паствѣ: „извѣстились мы изъ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей епархіи, что нѣкоторые православно-восточнаго исповѣданія сыны подъ прикрытіемъ благочестія содержатъ лютеранизмъ и не только въ среды и пятки всего лѣта разрѣшаютъ на мясныя пищи,

но и въ святые посты, установленные на вселенныхъ соборахъ къ душеспасительному воздержанію и благоговѣнію вѣрныхъ, дерзостно ѣдятъ мясо, сыръ и молоко, братіи немощнѣйшей въ соблазнъ, въ противность же и разореніе богоносныхъ отецъ уставовъ, а духовники, принимающіи таковыхъ приходящихъ къ себѣ на исповидь „не токмо исправляютъ, но и безъ исправленія пребывающихъ и всегда въ томъ же живущихъ человѣкоугождающе неисправленныхъ разрѣшаютъ и свободныхъ отъ грѣха творятъ, чрезъ что то же самое творятъ, что и на грѣхъ благословляютъ соблазнительно"... Поэтому Святитель предписывалъ „объявляющихся въ таковомъ преступленіи духовникамъ первѣе всего увѣщавать подъ прещеніемъ суда Божія, дабы они чинить того перестали, а повиновались православно-восточной церкви: а когда въ томъ неисправны будутъ, отрѣшать ихъ отъ сообщенія Св. Таинъ (кромѣ смертнаго случая) дотолѣ, пока въ томъ исправятся; а видя ихъ неисправимыми, о непокорности и непослушаніи представлять намъ". Самъ глубокій подвижникъ и аскетъ, Святитель особенно болѣлъ душею, видя, какъ иныя высокопоставленныя „знатныя лица его времени явно попирали уставы св. Церкви о постахъ, вкушая скоромную пищу въ постные дни. Фамильными преданіями родственниковъ Святителя удостовѣряется, какъ онъ небоязненно обличалъ и увѣщавалъ подобныхъ самовольныхъ отступниковъ отъ правилъ церковныхъ, не взирая ни на санъ, ни на высокое званіе обличаемаго. Такъ поступилъ онъ съ квартировавшимъ въ Харьковѣ командиромъ Украинской дивизіи графомъ И. С. Салтыковымъ, имѣвшимъ въ св. четыредесятницу мясной столъ. Посѣтивъ Харьковъ и увидясь съ графомъ, Святитель сильно выговаривалъ ему за это, увѣщавая и прося его прекратить столь соблазнительное для другихъ поведеніе. Вельможа принялъ это увѣщаніе за личное оскорбленіе и рѣзко замѣтилъ Архипастырю, что онъ не считаетъ себя въ его паствѣ и въ наставленіяхъ его не нуждается. Но Святитель кротко, а вмѣстѣ и настойчиво продолжалъ приводить ему доказательства великаго вреда, который онъ приноситъ себѣ и другимъ такимъ открытымъ пренебреженіемъ уставовъ Церкви, и, наконецъ, имѣлъ утѣшеніе

привести самолюбиваго вельможу къ сознанію своей вины и чистосердечному раскаянію, которое онъ и принесъ предъ Святителемъ со слезами.

Призывая свою паству къ поддержанію и укрѣпленію церковныхъ обычаевъ и правилъ. Святитель Іоасафъ вмѣстѣ съ этимъ внушалъ всѣмъ оберегать святость и благочестивый характеръ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Неоднократно при разныхъ случаяхъ онъ убѣждалъ народъ таковые дни посвящать Господу молитвою и добрыми дѣлами, а не разнузданнымъ увеселеніямъ и игрищами языческаго характера.

Въ Указѣ своемъ по сему предмету отъ 10 ноября 1750 года онъ объявлялъ: „усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ, что народъ языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня. дѣлаетъ колыски, называемыя рѣли, и въ недѣлю Св. Пасхи и въ день св. ап. Петра и Павла на нихъ качается, такожъ въ недѣлю Св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ березы и въ день св. Іоанна Предтечи—купала и вечерницы, и пѣсни сквернаго; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія своего. а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняютъ". Обличая священниковъ за такое нерадѣніе ихъ къ исполненію своего долга, Святитель строго предписываетъ имъ учить народъ, „чтобы въ приходахъ идолопоклонническія жертвы не праздновались, какъ-то: колыски, называемыя рѣли, березы, купала, вечерницы и клики". Въ реестрѣ, чего должны протопопы смотрѣть при обзорѣ своего благочинія, между прочимъ, предписываемо было наблюдать: „не имѣются ли гдѣ колыски купальныя и гдѣ сыщутся при себѣ разорять". И изъ тогдашнихъ консисторскихъ дѣлъ видно, что по призыву Святителя духовенство настойчиво старалось искоренять въ народѣ такія языческія и безнравственныя обычаи, осквернявшія церковно-праздничные дни, хотя нерѣдко и подвергалось за это мщенію и насиліямъ отъ разнузданныхъ вожаковъ народныхъ. Святитель въ этихъ случаяхъ всегда съ особенною силою и непоколебимостію отстаивалъ свое духовенство, исполнявшее его святительскія требованія и предписанія, не давалъ его въ обиду, и въ подобныхъ дѣлахъ, защи-

щая духовенство, онъ находилъ его угнетателей и несправедливыхъ насильниковъ и привлекалъ ихъ къ достойному возмездію. Но ни противъ чего не возставалъ Святитель съ такою скорбію и негодованіемъ, какъ противъ замѣчаемыхъ имъ въ народѣ разнаго рода волшебствъ, гаданій и суевѣрій. Эти спутники умственной темноты и религіознаго невѣжества были весьма распространены въ тогдашней жизни бѣлгородской паствы. При Святителѣ Іоасафѣ нерѣдко возбуждались даже въ духовномъ судѣ дѣла о волшебствахъ: о волшебныхъ тетрадяхъ, знахарствѣ, волхвованіяхъ родильной сорочкой, сушеной жабой, вынаманіи слѣда, наговорахъ на водѣ, заламываніи колоса и т. п. Виновныхъ въ подобныхъ дѣяніяхъ Святитель подвергалъ суровымъ карамъ церковнымъ и гражданскимъ, кончая церковнымъ отлученіемъ.

Въ то своеобразное и жестокое время трудно было ревностному Святителю управляться съ своею неустроенною, вольнолюбивою и невѣжественною паствою. Духовенство, непросвѣщенное и само страдавшее многими нравственными недостатками, неавторитетное въ глазахъ народа,—не могло оказать своему Архипастырю надежной и вѣрной поддержки: оно само нуждалось въ твердомъ руководительствѣ и постоянныхъ наставленіяхъ даже въ мелочныхъ обстоятельствахъ. При такихъ условіяхъ Святитель Іоасафъ въ своемъ святительствованіи былъ предоставленъ исключительно самому себѣ. И онъ твердо, непоколебимо и мужественно стоялъ на своемъ высокомъ посту. Онъ правилъ кораблемъ своей малой Церкви рукою сильною, со властію. Самъ служа всею душою до самоотверженія только Господу и Св. Церкви, онъ требовалъ и отъ другихъ нелицемѣрнаго и безкорыстнаго послушанія св. вѣрѣ. Отсюда онъ былъ строгъ и непреклоненъ ко всѣмъ презрителямъ уставовъ Церкви и власти церковной. По отношенію къ такимъ лицамъ онъ пользовался по условіямъ тогдашняго времени всею полнотою своей архіерейской власти. Грѣшниковъ дерзкихъ, упорствовавшихъ во грѣхѣ и презиравшихъ церковную власть, Святитель Іоасафъ предавалъ грознымъ церковнымъ карамъ [1]).

[1]) Такъ въ 1749 году по поводу возстанія жителей сл. Никитовки, Пола-

Сравнительно не много лѣтъ архипастырствовалъ Святитель Іосафъ на Бѣлгородской каѳедрѣ, однако эти немногіе годы были наполнены его удивительною, кипучею, ревностнѣйшею дѣятельностію. Непрестанные его разъѣзды для обозрѣнія епархіи, тщательное наблюденіе за всѣми сторонами религіозно-нравственной жизни паствы, неопустительныя богослуженія, многочисленныя его письменныя посланія къ паствѣ, наставленія, распоряженія, указы, указанія пастырямъ и монашествующимъ цѣлыхъ программъ ихъ жизни и дѣятельности, мужественная и непрерывная борьба съ окружающимъ невѣжествомъ, грубостію и попираніемъ православной церковности,—все это слагается въ образъ поразительной, пламенной ревности этого Святителя по внѣшности слабаго и болѣзненнаго. Къ Бѣлгородской паствѣ, разстроенной и запущенной, онъ являлся какъ Богомъ посланный просвѣтитель и обновитель ея. И онъ пасъ свою паству какъ истинный Пастырь съ ревностію пророческою. Какъ мужъ цѣльнаго характера, прямолинейный, служитель Единаго Господа, онъ былъ вѣренъ Ему, старался во всѣхъ отношеніяхъ Ему только служить, и посему зло міра, неправду людскую, грубость, косность и невѣжество онъ не-

---

товскаго уѣзда, разгрома имя Духовнаго Правленія, насилій и издѣвательства надъ свящ. Никитою по наущенію другого свящ. Козьмы, Святитель опредѣлилъ: „о подданныхъ черкасахъ сл. Никитовки, всенароднаго возмущенія озорникахъ, которые съ попомъ Козьмою въ одномъ заговорѣ были за то, что они такое народное возмущеніе, слушая его Козьмы приказанія, учинили и во время того разоренія указы и прочіе письменные виды драли, представить въ Бѣлгородскую канцелярію для учиненія съ ними, чему подлежать по указамъ, и что учинено будетъ, требовать о томъ письменнаго извѣстія; а за то, что они на пастыря своего вознесли руки, отрѣшить ихъ, кромѣ ихъ домашнихъ, отъ входа церковнаго и сообщенія божеств Таинъ вовсе—развѣ только при смерти сподобить причащенія, и о семъ во время собранія въ церкви Божіей въ воскресный день послѣ литургіи объявить всѣмъ съ причитомъ, и велѣть съ тѣми отрѣшенными отъ православнаго собранія священному чину и церковному причту никакого сообщенія не имѣть подъ опасеніемъ по правиламъ такого-же извержения"; зачинщикъ же дѣла свящ. Козьма былъ подвергнуть, по опредѣленію Святителя, строжайшему наказанію и лишенъ священства.

Въ 1750 же году адъютанта Ю. Выродова за беззаконную жизнь, презрѣніе церковной власти, упорное и наглое посмѣяніе надъ нею и нераскаянность было повелѣно Святителемъ предать по всѣмъ церквамъ г. Бѣлгорода и Бѣлгородскаго уѣзда отлученію отъ Церкви...

Лебед, ibid, стр. 103—108.

навидѣлъ; боролся съ ними, вырывалъ ихъ какъ злые плевелы изъ нивы своей, сѣялъ и растилъ вмѣсто нихъ истинно церковное, истинно православное благочестіе... Это былъ истинный потомокъ Горленковъ „порубанныхъ и постреляннныхъ“ за вѣрность долгу... Тайна внѣшней архипастырской ревности Святителя Іосафа въ его живой, глубокой и непреклонной вѣрѣ, въ сокровенныхъ подвигахъ его личной, интимной жизни. Рядомъ и въ связи съ его кипучей внѣшней дѣятельностію открывается обаятельная, прекрасная картина его живой и святой келейной жизни... Тамъ въ бурливомъ и грозномъ житейскомъ морѣ Святитель Іоасафъ—ревностный кормчій, строгій, неподкупно взыскательный, строгій и грозный для наглыхъ презрителей Божіей власти, неустанный и самоотверженный учитель, наставникъ слабыхъ и заблуждающихся, а здѣсь, у себя, онъ—смиренный, богобоязненный подвижникъ, а святая храмина его внутренней жизни—это какъ лампада ярко горящей любви ко Господу...

Сказанія древнѣйшихъ жизнеописаній Святителя и фамильныя преданія Горленковъ единогласно и трогательно рисуютъ намъ личную жизнь Святителя, полную истинно-аскетической простоты, покаянныхъ и слезныхъ воздыханій, непрестанныхъ молитвенныхъ подвиговъ, благодушнаго терпѣнія въ постоянныхъ болѣзняхъ, и замѣчательныхъ подвиговъ состраданія и милосердія къ бѣднымъ и страждущимъ [1]).

Святитель Іоасафъ въ келейной своей жизни сохранялъ нищету инока. По свидѣтельству племянника его архим. Наркисса Квитки, житіе святителя было всегда плачевно, такъ какъ онъ постоянно памятовалъ часъ исхода своего и готовился къ нему теплыми молитвами и слезами. Часто сослужа Святителю въ Божественной литургіи, архим. Наркиссъ свидѣтельствуетъ, что Святитель всегда со слезами и съ глубочайшимъ умиленіемъ совершалъ безкровное жертвоприношеніе. А бывшій его келейникъ, впослѣдствіи соборный протоіерей

[1]) Во время составленія этой статьи мы имѣли радость получить II часть 2-го тома матеріаловъ о Святителѣ, въ которой заключаются: „Преданія о Святителѣ Іоасафѣ“, собранныя и опубликованныя въ этой книгѣ кн. Н. Д. Жеваховымъ. И мы обильно пользовались этимъ матеріаломъ въ излагаемой нами статьѣ. *Авторъ.*

г. Изюма Іоасафъ Погорлевскій, постоянно видѣлъ молитвенныя подвиги, колѣнопреклоненія и слышалъ его тяжкія воздыханія непрестанно денно-нощныя, такъ какъ на немъ лежала обязанность докладывать Святителю о началѣ утреннихъ и ночныхъ богослуженій. Погорлевскій видѣлъ однажды въ сонномъ видѣніи Святителя молящимся въ нѣкоемъ чудномъ свѣтящемся храмѣ, наполненномъ благоуханія, при чемъ Святитель преподалъ ему наставленіе словами: „непрестанно молитеся“. Проснувшись, повѣдалъ онъ видѣніе свое архипастырю, но смиренный Святитель строго воспретилъ ему разскрывать видѣніе, объявивъ видѣніе уже послѣ кончины Святителя... Святитель поистинѣ непрестанно „ходилъ предъ Господомъ“, помышляя о Судѣ Божіемъ и вѣчности. Это памятованіе смерти и глубокое богомысліе выражались въ самыхъ дѣйствіяхъ Святителя молитвенника. Такъ самъ онъ имѣлъ всегдашнимъ обычаемъ и другимъ совѣтывалъ при звонѣ часоваго колокола, означающаго часы дня и ночи, произносить слѣдующую молитву: „Буди благословенъ день и часъ, въ оньже Господь мой Іисусъ Христосъ мене ради родися, распятіе претерпѣ и смертію пострада. О Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! въ часъ смерти моея пріими духъ раба твоего въ странствіи сущаго, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ Твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь“.

Велики были милосердіе и состраданіе Святителя и проявлялись они въ истинно евангельскихъ—трогательныхъ формахъ. Искренніе смиреніе, простота и жалость къ людямъ побуждали его творить подвиги своей любви къ нимъ въ тайнѣ, сокровенно, по слову евангельскому: „да не увѣсть шуйца, что творитъ десница“ (Мѳ. VI, 3). Какъ самоотверженность его благотвореній, такъ и широта и тайнообразность ихъ оставили въ народѣ глубокую память... Всѣ страждущіе, притѣсняемые и нищіе имѣли къ нему свободный доступъ, находили въ немъ отца, заступника, кормителя и благодѣтеля. Всѣ свои доходы съ обширныхъ вотчинъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома употреблялъ онъ на подаяніе и помощь неимущимъ. Имѣлъ онъ обычай предъ великими христіанскими праздниками посылать вѣрнаго своего келейника въ жилища

бѣдныхъ, въ тюрьмы заключенныхъ, къ людямъ многосемейнымъ, но крайне бѣднымъ, съ подаяніемъ деньгами и одеждами. Этому келейнику Святитель приказывалъ, положивъ даръ у окна или порога дома, три раза стукнуть въ стѣну для привлеченія вниманія хозяевъ, самому же быстро удаляться. Самая одежда посланнаго измѣнялась изъ иноческой въ простонародную, и лишь по слухамъ и догадкамъ знали облагодѣтельствованные, изъ какого источника течетъ къ нимъ невѣдомая милостыня. Въ народѣ сохраняется твердая память о томъ, что иногда Святитель самъ любилъ подъ покровомъ ночи разносить подаянія свои неимущимъ. Такъ, по свидѣтельству племянника Святителя архим. Наркисса, однажды предъ праздникомъ Рождества Христова случилось занемочь келейнику Святителя, поручить же тайну свою Святитель не захотѣлъ никому. Не хотѣлъ онъ также лишить ради этого и бѣдныхъ обычнаго подаянія, всегда столь благовременнаго бѣднякамъ къ праздничному дню. Движимый сострадательнымъ своимъ сердцемъ, Святитель, пользуясь темнотою декабрьской ночи, одѣлся самъ въ простонародную одежду своего келейника и, запасшись предметами подаянія, въ то время какъ привратникъ архіерейскаго дома отлучился отъ своего поста, проскользнулъ непримѣтно въ калитку воротъ и отправился къ жилищамъ бѣдности и нищеты. Совершивши свой обходъ и раздавъ, гдѣ было нужно, свою милостыню, позднимъ часомъ возвратился Святитель къ воротамъ архіерейскаго своего дома. Здѣсь на этотъ разъ стоялъ привратникъ и окликнулъ входившаго въ калитку Святителя. Не желая быть узнанымъ по голосу, Святитель не отвѣтилъ на окликъ сторожа, чѣмъ и возбудилъ его подозрѣніе. Въ темнотѣ захватилъ его сторожъ подъ сводами воротъ и, примѣтя его простонародную одежду, началъ допрашивать, кто онъ и откуда. Святитель молчалъ, стараясь высвободиться изъ его рукъ, но сторожъ, примѣтивъ усилія его уйти безъ отвѣта, нанесъ ему нѣсколько сильныхъ ударовъ, отъ которыхъ Святитель съ великимъ трудомъ почти ползкомъ добрался подъ покровомъ ночи до своихъ покоевъ. На утро разнесся слухъ, что ночью Святитель занемогъ, оступившись на лѣстницѣ и ушибшись спиной. Настоящую

же причину его болѣзни зналъ лишь одинъ вѣрный его келейникъ, о чемъ уже послѣ кончины Святителя, сообщилъ онъ близкимъ его роднымъ, присовокупивъ, что привратникъ на утро былъ позванъ Святителемъ въ архіерейскіе его покои, угощенъ имъ и щедро одаренъ деньгами и одеждою. Такъ исполненіе Святителемъ заповѣди Господней о милостынѣ привело его къ исполненію другой заповѣди о любви къ оскорбившимъ... Святитель Іоасафъ, болѣя нуждами бѣдныхъ неимущихъ людей, оказывалъ имъ часто самую разнообразную помощь, проявляя трогательное, совершенно исключительное и необычное милосердіе. Не ограничиваясь денежною помощью, Святитель лично навѣщалъ бѣдныхъ и кололъ имъ дрова, скрывая предъ ними свой санъ, а въ зимнюю стужу покупалъ дрова для отопленія убогихъ хижинъ бѣдняковъ и отсылалъ ихъ неимущимъ. Удостовѣрившись ночью, что въ сиротствующей семьѣ на утро нечѣмъ топить, Святитель выходилъ на базаръ, покупалъ дрова и отправлялъ ихъ неимущимъ, при чемъ строго наказывалъ, чтобы имя того, кто платилъ за дрова, не было бы называемо. Преданіе точно указываетъ тотъ низенькій одноэтажный домикъ въ г. Бѣлгородѣ, на Сергіевской улицѣ на углу противъ Сергіевской церкви, въ которомъ Святитель по ночамъ кололъ дрова и и затѣмъ подносилъ къ порогу дома, такъ какъ мать была больна, а дѣти малолѣтніе.

Въ домашней и обыденной своей жизни Святитель относился ко всѣмъ съ неизмѣнными ласковостію, простотою и истинною добротою. Особенно простой народъ глубоко цѣнилъ такое отношеніе къ себѣ Святителя и сохранилъ трогательныя сказанія о добротѣ его. Святитель любилъ посѣщать свою загородную дачу Петропавловку. Дача эта была расположена на берегу р. Донца, на мѣстѣ и донынѣ называемомъ Островомъ. Здѣсь, на Островѣ, стоялъ раньше домъ и небольшая деревянная церковь, немного далѣе былъ расположенъ скотный дворъ и вырыта квадратная сажанка для разведенія рыбъ. Подлѣ дома и церкви раскинулся небольшихъ размѣровъ садъ, гдѣ прежде хоронили монашествующихъ. Сюда на лѣто для отдыха пріѣзжалъ Святитель. Время свободное отъ молитвен-

ныхъ подвиговъ, Святитель любилъ посвящать наблюденію за полевыми работами, при чемъ строго приказывалъ, чтобы женщины, имѣющія грудныхъ младенцевъ, не выходили бы на полевыя работы; здѣсь онъ запросто бесѣдовалъ съ рабочими, подбодрялъ, наставлялъ и одарялъ ихъ. И преданія о немъ, рисующія дивный обликъ его, передаются у Петропавловцевъ изъ поколѣнія въ поколѣнія. Они и до сихъ поръ отзываются о „своемъ" Святителѣ, какъ о пастырѣ любвеобильномъ и сердечномъ. Каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ они служатъ по немъ панихиду всѣмъ обществомъ, а имя Святителя Іоасафа записано въ синодикѣ каждаго прихожанина. Какъ трогателенъ этотъ образъ славнаго Святителя на полѣ среди работающихъ поселянъ отечески ласково бесѣдующаго съ ними и жалѣющаго ихъ...! Какъ умилительна картина тѣхъ же посѣлянъ нынѣ громадою поминающихъ этого добраго и ласковаго „своего" Архипастыря!..

Въ дѣлахъ милосердія не было у Святителя никакого лицепріятія. Всякій несчастный и скорбящій находилъ въ немъ добраго утѣшителя и помощника. Рѣзко обличалъ иногда Святитель препятствовавшихъ ему въ дѣлахъ милосердія. Во время Святительства его содержался въ Бѣлгородѣ подъ карауломъ опальный генералъ Б. И. Пассекъ, которому, милосердуя по человѣчеству, какъ братъ о Христѣ, Святитель посылалъ кушанье со своего стола. Узнавъ объ этомъ, бывшій тогда въ Бѣлгородѣ губернаторъ П. М. Свистуновъ счелъ такое состраданіе Святителя къ заключенному дѣйствіемъ противозаконнымъ, какъ защиту якобы государственнаго преступника, и замѣтилъ Святителю что онъ напрасно помогаетъ благодѣяніями врагу государственному. Святитель, однако, не устрашился подобнаго нареканія, а кротко отвѣтилъ губернатору, что, если по дѣламъ своимъ заслужитъ и онъ самъ подобнаго заключенія, то и ему будетъ посылаема отъ него пища. Смутившись этимъ отвѣтомъ архипастыря, губернаторъ просилъ у него объясненія, на что и услыхалъ отъ Святителя обличеніе многихъ неправдъ своихъ и противузаконныхъ поступковъ. Святитель увѣщавалъ его исправиться, угрожая даже въ противномъ случаѣ довести все это до свѣдѣнія

Императрицы. Зная расположеніе ея къ Святителю, губернаторъ убоялся его угрозъ, просилъ прощенія у него и обѣщалъ исправиться, вознаградивъ обиженныхъ имъ.

Во время общенародныхъ бѣдствій Святитель всѣмъ подавалъ примѣръ состраданія и помощи бѣдствующимъ. Самъ всѣмъ своимъ достояніемъ помогая страждущимъ, онъ къ тому же призывалъ духовенство, дворянство и людей достаточныхъ. Богобоязненный Святитель, во всемъ видя милующую или карающую десницу Божію, и въ такихъ бѣдствіяхъ всѣмъ показывалъ Божію силу, а потому призывалъ къ покаянію, молитвѣ и братолюбію. Въ 1749 году паства страдала отъ засухи, угрожавшей страшнымъ голодомъ. Святитель немедленно съ начала бѣдствія предписалъ, дабы „въ нынѣшнее сухменное время о дождѣ въ приходскихъ своихъ церквахъ на вечерняхъ и утреняхъ ектеніи, и на литургіи Апостолъ и Евангеліе и молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, по сугубой ектеніи, чрезъ вся седмицы правили, а въ дни воскресные по литургіи и молебны напечатанные въ книжицахъ“

Опытный въ духовной жизни человѣка Святитель Іоасафъ имѣлъ возможность изучать людей въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и случаяхъ, начиная отъ пріютовъ нищеты и несчастія и кончая царственными палатами дворцовъ. На каѳедрѣ же Бѣлгородской онъ столкнулся съ настоящимъ кипящимъ моремъ житейской суеты. И онъ глубоко понималъ и зналъ людей; отсюда—чрезвычайное разнообразіе его отношеній къ нимъ, способность воздѣйствовать на каждаго соотвѣтственно его душевному складу и всегдашняя умѣстность и цѣлесообразность его мѣропріятій. Его знаніе людей, просвѣтленное высшимъ благодатнымъ вѣдѣніемъ, переходило въ прозорливость, отмѣчавшую его печатью святости. Въ преданіяхъ семейныхъ и народныхъ твердо свидѣтельствуется это его дарованіе. Удивительное и чрезвычайно трогательное событіе въ связи съ прозорливостію Святителя Іоасафа записано было въ рукописи, принадлежавшей приснопамятному Амвросію Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому [1]). Какъ повѣст-

[1]) Это событіе опубликовано кн. Жеваховымъ подъ названіемъ „Чудное дѣйствіе Божія Промысла“ въ настоящемъ 1908 году въ Курскихъ (№ 8) и Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (№ 13).

вуется въ этомъ сказаніи, Святитель Іосафъ, вскорѣ послѣ вступленія на каѳедру, собралъ къ себѣ градскихъ и окружныхъ пастырей. Здѣсь онъ обратилъ свое вниманіе на одного старца священника, маститаго въ сѣдинахъ, согбеннаго отъ старости преклонныхъ лѣтъ и „почти уже сляченнаго отъ бремени тѣла своего“. Устремивъ испытующіе взоры свои и воззрѣвъ на него душевными очами, Святитель постигъ въ немъ бремя нѣкоей тайны жизни. Оставивши его у себя послѣ всѣхъ наединѣ, Святитель сталъ спрашивать его о жизни. Старецъ повѣдалъ, что ему же 130 лѣтъ жизни. Святитель сказалъ ему: „Ты видишь предъ собою пастыря, какъ отца стоящаго предъ сыномъ своимъ и желающаго ближе узнать твою совѣсть, я хочу знать, не помрачена ли она какимъ либо тяжкимъ грѣхомъ, который можетъ и по невѣдѣнію твоему сочтенъ малозначащимъ и забытъ. Долговременная жизнь твоя убѣждаетъ меня, какъ пастыря, войти въ подробности сего предмета и, очистивъ душу твою, примирить съ оскорбленнымъ тобою, и данною мнѣ властію простить и разрѣшить самую тяжесть грѣховную по глаголющему: „аще разрѣшите на земли, разрѣшена будутъ и на небеси“. Старецъ, повидимому непонимавшій ничего такого, что связывало бы его земную жизнь, неоднократно повторялъ; „не знаю, не помню“. Наконецъ, настойчивыя внушенія Святителя тронули его до слезъ и онъ, вдругъ вспомнивши одно изъ важныхъ преступленій, содрогнулся, вздохнулъ изъ глубины души и повергся къ ногамъ Святителя, плача и рыдая неутѣшно. А затѣмъ оправившись немного, сколько позволяли его слабыя силы, съ тяжкими вздохами и слезами повѣдалъ Святителю, какъ онъ нѣкогда въ праздничный день, уже совершивши божественную литургію, по требованію помѣщика изъ человѣкоугодія рѣшился совершить ее вторично. При самомъ началѣ литургіи вдругъ онъ услышалъ таинственный возгласъ: „остановись, что ты дѣлаешь“; пришедши въ себя, онъ опять началъ „Благословено царство“... Вдругъ тотъ же возгласъ: „не дерзай, аще же дерзнешь, проклятъ ты будешь“! Онъ же, съ безумною дерзостію отвѣтивъ „ты будь проклятъ“, продолжалъ литургисать и окончилъ службу. Съ ужасомъ услышавъ объ этомъ,

Святитель воскликнулъ: „О, несчастный, что ты сдѣлалъ, ты проклялъ Ангела Божія, хранителя того мѣста, оба вы связаны проклятіями до нынѣ. Такъ вотъ причина долголѣтія твоего и удрученность тѣлеснаго сляченія". Послѣ сего Святитель повелѣлъ приготовить походную полковую церковь и вмѣстѣ со старцемъ отправился на мѣсто бывшей церкви, въ коей произошло разсказанное. Здѣсь въ раскинутой церковной палаткѣ Святитель повелѣлъ старцу совершить въ его присутствіи проскомидію, а послѣ оной и литургію. По окончаніи богосуженія Святитель, подозвавъ старца къ правому рогу св. престола, велѣлъ читать: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко"... все до конца, а по прочтеніи, благословляя его, сказалъ: „прощаю и разрѣшаю тебя отъ всѣхъ твоихъ грѣховъ". Не прошло и минуты, какъ старецъ, стоя въ полномъ облаченіи, вдругъ сдѣлался такъ слабъ, что глаза его начали закрываться, и онъ, поддерживаемый руками діакона, тутъ же, возлегши на землѣ противъ престола, гдѣ совершалъ умилостивительную жертву, изможденный лѣтами, примирившись молитвами Святителя съ Богомъ, ангеломъ охранявшимъ св. престолъ, и своею совѣстію, испустилъ послѣднее дыханіе жизни, удрученный лѣтами и согбенностію тѣла. Заботливый Святитель приказалъ похоронить усопшаго священника на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ проклятый ангеломъ старецъ совершалъ предъ престоломъ Божественную литургію и окончилъ страдальческіе дни своей 130 лѣтней жизни. Трогательное до слезъ сказаніе о семъ заканчивается молитвою ко Святителю о дарованіи и намъ по его молитвамъ кончины христіанской, мирной, непостыдной съ прощеніемъ всѣхъ согрѣшеній... Удивительно, что прозорливость Святителя особенно усиливалась въ болѣзненномъ его состояніи. Такъ, въ таковомъ состояніи онъ запретилъ своему келейнику Стефану искать священства, сказавъ: „если ты будешь рукоположенъ во священника, то впадешь въ неизлечимую болѣзнь; отъ которой и жизнь твоя прекратится",—что въ дѣйствительности и исполнилось. Слугѣ своему Василію Саурскому Святитель предрекъ, что онъ будетъ діакономъ, но священства не получитъ во всю свою жизнь, что и исполнилось.

Прозорливость Святителя переходила въ поразительное предвѣдѣніе, когда касалась событій будущаго. Такъ, по древнимъ сказаніямъ, однажды крестьяне х. Угрюма просили у Святителя благословенія и молитвъ о ниспосланіи дождя, ибо въ то время стояла сильнѣйшая засуха, и червь подтачивалъ хлѣбъ. Выслушавъ ихъ просьбу, Святитель обратился къ стоявшему тутъ же кучеру своему и приказалъ ему къ завтрашнему дню приготовить сани для поѣздки въ указанное имъ мѣсто. Это было подъ Троицынъ день. Услышавъ такое приказаніе, отданное въ знойный день, лѣтомъ, когда стояла необычная засуха, крестьяне недоумѣвая съ удивленіемъ переглядывались между собою. Замѣтивъ это недоумѣніе, Святитель еще разъ твердо и опредѣленно повторилъ свое приказаніе, подчеркнувъ, что къ завтрашнему дню должны быть приготовлены именно сани. Къ утру выпалъ снѣгъ и въ такомъ количествѣ, что жители Бѣлгорода ѣздили на саняхъ, а образовавшаяся влага отъ таянія снѣга поддержала урожай, согнавъ съ полей червя. Преданіе объ этомъ и донынѣ живетъ въ предѣлахъ Бѣлгородскаго уѣзда и старожилы помнятъ еще разсказы о немъ со стороны своихъ родителей, свидѣтелей столь необычнаго явленія.

Съ именемъ Святителя Іоасафа, какъ Божія прозорливца, связана исторія прославленія въ Харьковскомъ краѣ чудотворной иконы Божіей Матери именуемой „Песчанской“ въ сл. Пескахъ, Изюм. у. Въ 1754-мъ году Святитель по пути въ Полтавскую губернію обозрѣвалъ церкви Слободской Украины. Еще передъ выѣздомъ изъ Бѣлгорода онъ видѣлъ знаменательный сонъ: при входѣ въ одну изъ осматриваемыхъ церквей, въ притворѣ онъ увидѣлъ въ кучѣ сора икону Богоматери, съ свѣтлымъ сіяніемъ исходившимъ отъ нея, при чемъ слышенъ былъ голосъ говорившій: „смотри, что сдѣлали съ ликомъ Моимъ служители сего храма. Образъ Мой назначенъ для страны сей источникомъ благодати, а они повергли его въ соръ!“ Крайне смущенный этимъ сновидѣніемъ, глубоко запечатлѣвшимся въ его душѣ, Святитель, при обозрѣніи церквей, подробно осматривалъ ихъ какъ снаружи, такъ и внутри, съ цѣлію узнать, нѣтъ ли гдѣ въ самомъ дѣлѣ чего

либо подобнаго тому, что ему снилось. Наконецъ, онъ прибылъ въ г. Изюмъ. Первая церковь, которую онъ посѣтилъ была Вознесенская, въ предмѣстьи города называемомъ „Замостье“. Встрѣченный духовенствомъ и войдя въ притворъ, Святитель съ изумлѣніемъ остановился и сталъ всматриваться въ большую икону Богоматери, стоявшую въ углу притвора и служившую какъ бы перегородкой, за которой ссыпали уголь для кадила. Онъ узналъ въ ней икону видѣнную имъ во снѣ, позналъ, что и сонъ тотъ былъ благодатный. Долго, съ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на св. икону, потомъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, палъ предъ нею на колѣни и громко произнесъ: „Царица Небесная! прости небрежность Твоихъ служителей, не вѣдятъ бо, что творятъ“. Потомъ, сдѣлавъ благочинному замѣчаніе за такое небрежное отношеніе къ святынѣ, сказалъ: „почему этотъ образъ не поставленъ въ лучшемъ мѣстѣ? Въ семъ образѣ преизобилуетъ особенная благодать Божія, въ немъ Пресвятая Владычица являетъ особое знаменіе Своего заступничества для сей веси и цѣлой страны“, и тутъ же приказалъ поставить эту икону въ болѣе приличномъ мѣстѣ. Священнослужители въ оправданіе замѣтили, что въ церкви много иконъ отъ стараго иконостаса, которымъ нѣтъ мѣста. Тогда Святитель, быстро войдя на средину церкви, посмотрѣлъ на всѣ стороны и, обративъ вниманіе на большой кіотъ сзади лѣваго клироса, уставленный небольшими иконами изъ стараго иконостаса, сказалъ: „вотъ самое приличное мѣсто для иконы Божіей Матери. Поставить ее на мѣсто этихъ уже обветшавшихъ иконъ, и чтобы она всегда стояла на этомъ мѣстѣ и даже послѣ перенесенія церкви на Пески“. Святитель пробылъ въ Изюмѣ болѣе трехъ дней, ежедневно утромъ и вечеромъ онъ приходилъ въ Вознесенскую церковь и молился предъ образомъ Божіей Матери, тогда же перенесеннымъ и поставленнымъ на мѣстѣ, указанномъ Святителемъ. Вѣсть о вниманіи обращенномъ Святителемъ на икону, объ его молитвѣ предъ нею, распространилась между жителями, и многіе стали прибѣгать къ ней, какъ имѣющей особенную благодать. Отъ сей иконы и донынѣ совершаются великія знаменія благодати Божіей...

Любвеобильный и милосердный къ ближнимъ, Святитель Іоасафъ таковъ же былъ и въ отношеніи къ своимъ роднымъ. Къ родителямъ же своимъ и братьямъ онъ всегда относился съ неизмѣнными нѣжностію и попечительностію. Будучи въ санѣ епископа, онъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ семействомъ своихъ родителей, весьма часто писалъ имъ письма, пользовался всякими случаями увидѣться съ ними, тревожился, долго не получая отъ нихъ вѣстей, глубоко сострадалъ и усугублялъ молитвы свои объ ихъ недомоганіяхъ и болѣзняхъ и глубоко радовался, когда кто либо изъ его семейства навѣщалъ его. Къ брату своему, Андрею Андреевичу, полковнику Полтавскому, онъ питалъ трогательныя, истинно братскія любовь и дружбу и состоялъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Уже вскорѣ, по вступленіи на Бѣлгородскую каѳедру, онъ пригласилъ къ себѣ какъ бы на новоселье свою мать. Счастливый свиданіемъ съ нею, онъ потомъ 4 ноября 1748 г. писалъ ей: „Милостивѣйшая мнѣ Матко и Добродѣйко! За высокомилостивое Матернее въ домѣ моемъ мене посѣщеніе и пожитіемъ своимъ на малое время дому моего и мене ублагословленіе сиповнее мое, купно же и Богомолческое, приношу благодареніе. Даруй Боже по жизнь мою всегда слышать о вашемъ Матернемъ здравіи и во времена своя видѣти. О себѣ доношу, что я въ томъ же обрѣтаюсь состояніи, каковъ при присутствіи вашей родительской милости находился. А сердцемъ соболѣзную, что такъ неудобство пути скоро воспослѣдовало къ возвращенію въ домъ вашей родительской милости. Богъ да исправитъ стопы ваша, усердно желаю, и тако, при дальнѣйшемъ моемъ поклонѣ, остаюсь вашей родительской Милости нижайшій сынъ и богомолецъ смиренный Іоасафъ, епископъ бѣлградскій". Узнавши о бывшей болѣзни родителей своихъ, онъ съ тревогою писалъ брату Андрею Андреевичу: „Любезнѣйшій мнѣ Брате! За увѣдомленіе мене о состояніи хотя худомъ милостивѣйшихъ родителей покорно благодарствую, сожалѣю же, что я прежде до полученія сего отъ васъ письма никакой о бывшей милостивѣйшей Матки болѣзни, какова она была и изъ чего и якъ давно, не имѣлъ извѣстія, прошу мене о томъ обстоятельно увѣдомить, а понеже лекарь

своимъ разсужденіемъ непріятно тѣшитъ, то болѣе нечего дѣлать, какъ только Вышняго молить о преложеніи судебъ Его на лучшее, чего я сыновски богомолчески желаю". Сильно желая увидѣть брата во время посѣщенія церквей Богодуховскаго округа, Святитель условливается съ нимъ объ этомъ въ письмѣ изъ Краснокутскаго монастыря отъ 2 сентября 1750 года: „Вселюбезнѣйшій мнѣ брате—мосцѣ пане Полковнику Полтавскій! Въ письмѣ своемъ изволите объявлять, что извѣстно Вамъ учинилось, яко я имѣю возвратиться отсюда въ Ахтырку для погребенія господина полковника тамошняго, гдѣ уповательно и промедлю и о томъ бы Вамъ извѣстить. На что чрезъ сіе объявляю, что я прошедшаго августа 2 дня по погребеніи выѣхалъ и уже никакого случая туда возвращаться не имѣю, точію далѣ путь мой простираю, для чего якъ прежде такъ и нынѣ объявляю, что отсюда выѣду 4-го дня сего сентября въ Богодуховъ, который разстояніемъ далѣ отъ Полтави уже въ 25 верстахъ: и тамъ до 8 дня проживу, когда-жъ желаніе паше Богу исполнить въ свиданнѣ, туда покорно прошу пріѣхать. или мнѣ извѣстить дожидаться ли до 9 дня: понеже въ томъ мнѣ небезтрудности наипаче что уже и осеннее время, а путь далекъ, и на единомъ мѣстѣ медлить, въ содержаніи людей и коней чувствительно Епархіи. А къ рубліовки сблизиться никакъ невозможно 1: что церковь малая часть въ тую сторону отдалась, 2: что вся провѣзія пріуготовлена при протопопскихъ резиденціяхъ, для того близшаго уже мѣста пріѣхать нѣтъ якъ въ Богодуховъ, гдѣ и имѣю до 9 дня дожидаться. Васъ же покорно прошу невозможно ли 5 дня къ торжеству хотя на ночь выѣхать, чтобъ большое время въ свиданняхъ имѣть, котораго ожидая пребываю. Вашъ вселюбезнѣйшаго мнѣ брата вѣрный братъ, слуга и богомолецъ С Іоасафъ. Что по сему изволите, прошу мнѣ извѣстить нескоснительно". Въ 1753 году Святителя въ Бѣлгородѣ навѣстила жена его брата Андрея Андреевича. Сердечно благодаря за это брата, Святитель писалъ ему отъ 2 августа: „Вселюбезнѣйшій мнѣ Брате! При отъѣздѣ отъ насъ любезнѣйшей вашей сожительницы инаго чего не имѣю, какъ только усердное мое за отпускъ ея принести благодареніе,

которая гощеніе сколь пріятнѣйшое мнѣ было, столь долго незабвенное и растаніе жалостное. О, дабы даровалъ Богъ впредь и самыхъ Васъ въ моемъ градѣ видѣть. А теперь вручая всѣхъ васъ и домъ вашъ Божію милосердному покрову при поклонѣ моемъ остаюсь. Васъ любезнѣйшаго мнѣ Брата усердный Благожелатель и Богомолецъ смиренный Іоасафъ Епископъ Бѣлградскій. Въ гостинецъ Вамъ посылаю кофе фунтовъ пять да орѣшковъ кедровыхъ толикое жъ число, которіи прошу любовне принять". Съ чисто отеческою любовію онъ заботился объ обезпеченіи и защитѣ правъ своихъ сиротствующихъ родственниковъ. Такъ, когда, послѣ смерти его родственника Изюмскаго полковника И. Г. Квитки, у вдовы и сиротъ умершаго была незаконно отобрана вотчина управителями кн. Н. Ю. Трубецкаго, то Святитель въ 1754 году снарядилъ сына умершаго, Ивана Квитку, къ князю Трубецкому съ просьбой о возвращеніи вотчины, при чемъ вручилъ ему два письма къ архимандриту Троице-Сергіевской Лавры Аѳанасію и къ Епископу Владимірскому Платону (Петрункевичу) съ своимъ личнымъ ходатайствомъ предъ ними о помощи сиротамъ и объ ихъ вліяніи съ этою цѣлію на князя Трубецкаго.

Неустанные труды Святителя Іоасафа на Бѣлгородской каѳедрѣ, особенно долгіе и постоянные разъѣзды по обширной епархіи, заботы и скорби о паствѣ, изнуреніе плоти келейными подвигами,—не могли не надломить всегда слабое здоровье Святителя. Но при этомъ постигали его еще и тяжкія изнурительныя и продолжительныя болѣзни. Онъ всегда болѣлъ. Уже въ 1748 году, вскорѣ по поступленіи на каѳедру, Святитель въ письмѣ къ любимой матери своей намекаетъ на постоянно продолжающееся болѣзненное состояніе своего здоровья. Но въ 1753 году его постигъ столь мучительный недугъ, что силы его были надорваны вконецъ. Въ письмѣ къ брату Андрею Андреевичу отъ 25 мая 1753 г. Святитель подробно описываетъ, какъ началась, протекала и какъ изнурила его болѣзнь, очевидно, приведшая его къ преждевременной смерти. Мы въ точности приведемъ здѣсь это письмо, показывающее, какъ страдалъ въ своей слабой храминѣ Святитель Іоасафъ и какъ при

этомъ онъ былъ терпѣливъ, благодушенъ и преданъ Господу. „Любезнѣйшій мой брате! На письмо милостивѣйшей матушки, полученное мною чрезъ казака вашего, при семъ отвѣтъ посылаю, которій прошу сослати. Вамъ же о моемъ состояніи не оставляю объявить, и хоть уже о томъ же и прежде писалъ, однако, теперь докладнѣе пишу. Я въ мясопустную (февраля 14) недѣлю, прослужилъ съ великою трудностію, до келій возвратился съ церкви и отъ того времени обложною болѣзнію въ ногахъ легъ на постель и во весь святій великій постъ, даже до Ѳоминой недѣлѣ, почти недвижимъ лежалъ безъ пищи кромѣ питія. И такъ дивенъ Богъ въ немощѣ моей совершившійся, что я, чрезъ осмъ недѣль фунта хлѣба не зѣвъ, въ живыхъ остался, а пищи никоея варепой, кромѣ бубликовъ, и очима видѣть и смотрѣть не могъ. Между тѣмъ еще приключилась болѣзнь или отъ моей неосторожности, или отъ служительской погрѣшности: я всегда по веснѣ отбиваюся отъ скорбута настурціею водяною да березовимъ сокомъ. И противъ прежняго обыкновенія, марта 25-го, приказалъ заблаговременно внести сокъ березовій въ келію, чтобы онъ не былъ холодній пити. Однако того не сдѣлано, а я, замореним животомъ напившися настурціи, заснулъ немного; когда жъ всталъ отъ сна, напали мене рвоти. По рвотахъ спросилъ соку пити; то служитель тогда зъ леду холоднаго подтаскалъ мнѣ напитися, и какъ скоро я выпилъ, то по всему животу маленькую ощутилъ колку, а къ вечеру знатно стало колоть въ лѣвомъ боку, а на утро 26-го перейшло въ правій бокъ, и несносная стала колка, ать подъ плечо досягающая. А 27 началъ кровію кашляти и харкати зъ превеликою и почти смертною колкою. Тутъ вси думали у мене формалніи сухоти и уже не встать съ постели, понеже и висѣло тѣло было (уповаю не отъ того, что безъ пищи). Однако, чрезъ пущеніе кровѣ 28-го зъ повтореніемъ, легше стало и колка устала, и легше становилося. Въ Четвертокъ великій и въ день воскресенія Христа въ келіи сообщился Божественныхъ Таинъ, уже не лежащій, но одѣянъ въ мантію и прочее одѣяніе, стоящій самъ по обычаю, однако, въ великой слабости. А на Свѣтлой недѣли въ четвертокъ первій разъ выведенъ зъ келіи и проѣздился А въ Ѳо-

мину недѣлю выѣхалъ зъ Бѣлграда въ вотчино мою Петропавловку, гдѣ и нынѣ пребываю. Однако, въ ногахъ слабость доселѣ имѣю сію: первое боль превеликій въ колѣнахъ и голеняхъ, однакъ не завше, а другое ногъ же пухлятина твердая якъ дерево и тяжесть будто оловяній, а между тѣмъ безчеловѣчная сціатика навѣжаетъ, и такъ я несносное терплю мученіе. паче же всего сіе что отъ показаннаго февраля донынѣ не могу служити: впрочемъ имѣю отраду, и надежду на Бога добраго, понеже аппетитъ хочь малъ, однако. не потерялъ, и веселость въ себѣ ощущаю, и потерянnаго чрезъ педугъ тѣла набуваю. Да и въ слѣдующую пятницу. т. е. мая дня 28 хочь сидячи служить отважаюсь. Ради показаннаго моего состоянія, да и ради другой причины, что іюня въ послѣднихъ числахъ имѣетъ нѣкаясь мнѣ быть отъ коллегіумъ дедикація и чтобъ два раза мнѣ въ Харьковъ не ѣздить теперь не могу туда поѣхать развѣ іюня когда школяри прiберутся. Желаюжъ усердно дражайшаго гостя любезнѣйшую вашу сожительницу въ Петропавловцѣ видѣть, семьдесятъ верстъ отъ Харькова до Бѣлгорода не тысяча миль,- людіе и далѣ ѣздятъ, а теперь при рекоммендаціи моего уклона пребываю Васъ любезнѣйшаго мнѣ брата вседоброжелательный и Богомолецъ Смиренный Іоасафъ Епископъ Бѣлградскій".

Отъ перенесенной болѣзни Святитель уже не оправлялся во все послѣдующее время. Онъ чувствовалъ, что тѣлесныя силы его слабѣютъ, таютъ и что дни жизни его сокращаются... Но, Богу преданный Святитель, не содрагался предъ близостію конца своего жизненнаго странствія: съ радостію онъ ждалъ его, чтобы навѣки соединиться со Христомъ, Которому Единому онъ служилъ всею душею и всею жизнію своею. Быть можетъ его родители, родные и близкіе не подозрѣвали близости исхода Святителя въ вѣчность, быть можетъ нѣкоторое улучшеніе его здоровья послѣ весенней его болѣзни 1753 года и давало имъ надежду на совершенное его выздоровленіе, но праведный Святитель видѣлъ, прозрѣвалъ и зналъ ему предстоящее лучше и яснѣе другихъ... Святитель, какъ вспыхивающая лампала при догораніи, усугубилъ свои молитвы, подвиги, архипастырскіе труды, а сердце его все пламеннѣе вѣ-

щало о вѣчности... И ожили предъ нимъ въ мысли обаятельныя, золотыя и незабвенныя картины дѣтства, отчаго дома, родины... Его съ неудержимою силою потянуло въ давно оставленныя долины Прилукъ, подъ кровъ родительскаго дома къ дорогимъ и престарѣлымъ родителямъ своимъ, подъ сѣнь священныхъ для него обителей Густынской и Мгарской... И онъ предпринимаетъ продолжительное и уже послѣднее путешествіе къ земной своей родинѣ, но это путешествіе было для него вмѣстѣ съ тѣмъ и блаженнымъ отшествіемъ въ свѣтлую вѣчность...

III.

Кончина и посмертная слава Святителя Іоасафа.

Пророчески предвидя близость своего преставленія, Святитель Іоасафъ столь пламенно возжелалъ посѣтить родину и престарѣлыхъ родителей, что рѣшилъ осуществить свое желаніе какъ можно скорѣе, при первой же возможности. Въ слѣдующемъ за своею послѣднею тяжкою болѣзнію 1754 году онъ обратился въ Св. Сѵнодъ съ просьбою о разрѣшеніи ему отлучиться въ сосѣднюю Кіевскую епархію, для посѣщенія родныхъ ему мѣстъ. Къ веснѣ 1754 года послѣдовалъ Указъ Св. Сѵнода о дозволеніи ему пребыванія въ предѣлахъ Кіевской епархіи съ разрѣшеніемъ совершать здѣсь богослуженія, гдѣ онъ пожелаетъ. По полученіи Указа Святитель Іоасафъ собрался въ путь съ такимъ намѣреніемъ, чтобы отбыть изъ Бѣлгорода въ концѣ мая мѣсяца. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы немедленно же по отбытіи его начато было и во время его отсутствія было окончено сооруженіе погребальнаго склепа для поставленія гробовъ преставившихся бѣлгородскихъ святителей. Святитель Іоасафъ самъ указалъ мѣсто для этого склепа, а именно подъ нынѣшнимъ придѣломъ храма недѣли Страшнаго Суда съ правой стороны каѳедральнаго собора. Удивительны были такія приготовленія Святителя къ путешествію на родину Но въ нихъ выражалась его твердая увѣренность въ близости своей кончины... Самое прощаніе его съ паствою въ день отъѣзда было какъ бы прощаніемъ на вѣки. Для своего отбытія изъ Бѣлгорода онъ назначилъ

день 29 мая. Къ послѣднему его прощальному богослуженію литургіи въ этотъ день собралось великое множество народа, знавшаго объ его таковыхъ приготовленіяхъ къ пути и глубоко тревожившагося отъ предчувствія, что видитъ Святителя уже въ послѣдній разъ. И дѣйствительно, Святитель, по окончаніи литургіи, пожелалъ проститься съ народомъ, съ ясностію предсказывая, что онъ уже Бѣлгорода видѣть не будетъ. Обращаясь въ послѣдній разъ къ своей паствѣ, Святитель трогательно и со слезами просилъ себѣ прощенія у всѣхъ, чѣмъ либо вольно и невольно имъ оскорбленныхъ, и самъ взаимно преподавалъ прощеніе свое и разрѣшеніе всѣмъ оскорбившимъ его... Народъ, особенно же жители Бѣлгорода, съ тоскою, плачемъ и рыданіями внимали прощальнымъ словамъ Святителя, а въ послѣднюю минуту, припадая къ десницѣ Святителя, умоляли его не забывать ихъ въ своихъ молитвахъ. Святитель съ любовію всѣхъ благословилъ, преподавая душамъ ихъ въ наслѣдіе миръ и благодать Божіи. На слѣдующій день утромъ, провожаемый народомъ, выѣхалъ Святитель изъ Бѣлгорода, повторивъ еще разъ, что его болѣе уже не увидятъ. Взъѣхавъ на гору, у подошвы которой стоитъ Бѣлгородъ, Святитель вышелъ изъ экипажа и въ послѣдній мигъ обратилъ свой взоръ на дорогой и возлюбленный ему каѳедральный градъ. Предъ нимъ какъ на ладони распростиралась прекрасная картина города и его окрестностей. Въ прозрачномъ утреннемъ весеннемъ воздухѣ предъ нимъ вырисовывались многочисленные и красивые храмы города, монастырскія зданія, дома, улицы и площади, за ними виднѣлись извивы р. Донца съ зеленѣющими прибрежными рощами и лугами, а тамъ далѣе выступали надъ рѣкою мѣловыя отроги и скалы почти сплошь покрытыя дремучимъ лѣсомъ... За короткое время своего святительства онъ горячо полюбилъ Бѣлгородъ, хорошо изучилъ его населеніе и духовно сроднился съ нимъ. Здѣсь онъ, на вершинѣ своего еріархическаго положенія, столько трудился, боролся, страдалъ и молился, здѣсь совершались самые славные подвиги его жизни и уже при жизни сплетался надъ главою его вѣнецъ святости, здѣсь же по преимуществу онъ сѣялъ сѣмена своей любви и милосердія къ

нищимъ и бѣдствующимъ. И вотъ теперь, видя предъ собою съ горы весь городъ и отходя изъ него на вѣки, о чемъ размышлялъ Святитель и чѣмъ волновалось его праведное сердце? Думалъ ли онъ о томъ, какія плоды здѣсь останутся и возрастутъ отъ посѣянныхъ имъ сѣчянъ Слова Божія, или быть можетъ онъ молился о томъ, чтобы здѣсь вмѣстѣ съ обиліемъ храмовъ. глубже и ширѣ утверждалось благочестіе церковное въ духовныхъ храмахъ—сердцахъ жителей? Скорбѣлъ ли и тосковалъ онъ о томъ многочисленнымъ сонмѣ бѣдствующихъ, для которыхъ онъ былъ отцомъ и благодѣтелемъ и съ которыми теперь онъ разставался, или же онъ съ горечью вспоминалъ тягости и скорби своей здѣсь борьбы со зломъ и неправдою міра?!. Многое теперь проносилось въ душѣ Святителя взиравшаго въ послѣдній разъ на свой градъ: несомнѣнно, что разнообразныя его чувствованія и мысли въ эту минуту соединились въ одну горячую и вдохновенную его молитву о томъ, чтобы благодать и милость Божіи неотступно почивали на этомъ градѣ... Умиленный Святитель простеръ свои руки и съ вершины горы еще разъ благословилъ на вѣки свой родной городъ, а съ нимъ и всю Бѣлгородскую паству... Предчувствовалъ ли кто нибудь изъ очевидцевъ этой минуты, что прощальное богословеніе Святителя съ горы останется навсегда источникомъ великихъ чудесныхъ благодѣяній для мѣстнаго населенія, что нетлѣнныя останки сего Святителя будутъ для него и неисчерпаемою помощію въ бѣдахъ и достохвальною славою?!.

Такъ простившись на этой горѣ съ провожавшими его гражданами, Святитель отбылъ въ свой путь на родину. Ревностный Святитель всегда былъ вѣренъ себѣ и всегда во всякихъ положеніяхъ оставался Святителемъ, преданнымъ своему призванію и долгу. Такъ и теперь. Путешествуя на родину, онъ въ то же время по пути совершалъ обозрѣніе всѣхъ церквей своей епархіи. Прибывши же на родину, въ кругъ своихъ родныхъ, онъ и тамъ оставилъ память и памятники своей святительской ревности.

Родитель Святителя Іоасафа, глубокій старецъ Андрей Дмитріевичъ, раздѣливъ дѣтей своихъ, проводилъ конецъ дней

своихъ въ благочестивомъ уединеніи и молитвѣ. Семейство его проживало въ городѣ Прилукахъ, а онъ самъ выстроилъ себѣ домикъ—келлію въ своемъ лѣсномъ угодьи вблизи Прилукъ и здѣсь проживалъ какъ отшельникъ, только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ оставлялъ свое уединеніе, пріѣзжалъ въ городъ къ семейству въ свой городской домъ, дабы присутствовать въ храмѣ при богослуженіи. Въ тотъ день, когда ожидали прибытія Святителя Іоасафа, пріѣхалъ въ домъ въ Прилуки и Андрей Дмитріевичъ. дабы со всею семьею встрѣтить своего сына Архіерея. Трогательна была эта встрѣча. Когда подъѣхала карета Святителя къ дому, маститый старецъ отецъ со всѣмъ своимъ семействомъ вышелъ на крыльцо: желая воздать почесть Святителю, но вмѣстѣ соблюсти и важность, отцу приличествующую, при самомъ выходѣ Святителя изъ кареты, Андрей Дмитріевичъ будто нечаянно уронилъ трость свою и поклонился до земли, якобы поднимая ее. Но Святитель Іоасафъ, замѣтя и понявъ поступокъ отца своего, самъ въ слезахъ бросился къ ногамъ его и поспѣшилъ поднять его отъ земли. Старецъ проливалъ также обильныя радостныя слезы, заключая въ объятія свои первенца своего и Архіерея Божія: онъ отвелъ его въ отдѣльный покой свой, который имѣлъ въ домѣ на случай своего пріѣзда въ городъ, и въ немъ провелъ съ нимъ нѣкоторое время въ уединенной родственной бесѣдѣ. Во все пребываніе Святителя въ домѣ родительскомъ старецъ отецъ часто оставлялъ свое лѣсное уединеніе для свиданія съ нимъ и духовной бесѣды. Нерѣдко и Святитель посѣщалъ лѣсную келлію своего родителя для совмѣстной молитвы и задушевныхъ бесѣдъ вдали отъ міра, на лонѣ природы...

Родители Святителя имѣли также домъ вблизи города Прилукъ въ деревнѣ называемой Чернявщина. Здѣсь позволено было Кіевскимъ Преосвященнымъ построить церковь. Родители Святителя обязались эту постройку совершить на свой счетъ. Главный престолъ этого храма былъ давно уже освященъ, но придѣлъ оставался недостроеннымъ, на немъ не было даже крыши, а между тѣмъ Горленки, обязавшіеся устроить сей храмъ, медлили съ окончаніемъ придѣла. Ревнитель церков-

наго благолѣпія Святитель Іоасафъ глубоко огорчился медлительностію заботъ своихъ родныхъ объ этомъ храмѣ. Онъ не преминулъ обратить вниманіе своихъ родителей на это обстоятельство, кротко но настойчиво убѣждалъ ихъ довершить начатое святое дѣло и выговаривалъ имъ своимъ правдивымъ словомъ, указывая, что они заботятся о красотѣ и удобствѣ временныхъ своихъ жилищъ, а нерадятъ о жилищѣ Божіемъ на землѣ—св. храмѣ, не хотятъ даже чрезъ столько времени покрыть крышею недостроенный придѣлъ. Своими святительскими увѣщаніями онъ достигъ того, что родные вполнѣ сознали свое небреженіе о храмѣ и дали обѣщаніе немедленно окончить и освятить означенный придѣлъ.

Во время пребыванія въ домѣ родительскомъ, пришедши однажды въ храмъ къ божественной литургіи и вошедши въ св. алтарь во время совершенія священникомъ проскомидіи. Святитель тотчасъ же замѣтилъ, что просфоры были испечены не изъ чистой и бѣлой муки, но темной хотя пшеничной, на каковыхъ литургисать воспрещается церковными правилами. Онъ зналъ, что просфоры приготовляются для храма въ домѣ его родителей. Святитель тотчасъ запретилъ священнику продолжать проскомидію и приказалъ ему вмѣсто литургіи совершить часы, а одну изъ тѣхъ просфоръ взялъ съ собою. Пришедши домой, когда увидѣлъ поданные на столъ бѣлые хлѣбы прекрасно приготовленные, Святитель вынулъ просфору и со скорбію выговаривалъ какъ матери своей такъ и женѣ брата, жившей въ домѣ, за такое небреженіе о приносимомъ хлѣбѣ для священнодѣйствія, тогда какъ сами излишне пекутся о своемъ насыщеніи... Два эти случая вполнѣ доказываютъ искреннюю ревность Святителя о славѣ Божіей и благочестіи и совершенное его въ этомъ отношеніи безпристрастіе: отецъ, мать, братъ, знакомые или незнакомые, богатые и знатные, какъ скоро нерадѣли о благолѣпіи церкви и тѣмъ унижали славу Божію, всѣ одинаково были отъ него обличаемы. Онъ, какъ истинный и убѣжденный служитель Божій, укорялъ ихъ за сіе и со свойственною его сану властію побуждалъ ихъ исправлять свои поступки. Сила, искренность и чистота убѣжденій Святителя покоряли ему людей: обличаемыя отъ него,

кто бы они ни были и какъ ни неожиданы были для нихъ выговариванія и обличенія Святителя, смирялись предъ справедливостію его требованій и, сознавая свою вину, безъ ропота лично на Святителя, охотно исполняли его наставленія и указанія. Понятно, что, поэтому, добрыя, сердечныя и истинно-родственныя отношенія между нимъ, его семьею и родными никогда и ничѣмъ не нарушались и не колебались. Древнія жизнеописанія Святителя и фамильныя преданія о немъ единогласно свидѣтельствуютъ, что при жизни своей блаженный Святитель былъ глубоко любимъ и высокопочитаемъ въ своей семьѣ и семьяхъ своихъ родныхъ. Искреннее благочестіе и благодатныя дарованія Святителя дѣлали его еще при жизни самымъ дорогимъ гостемъ для всѣхъ его родныхъ. Его принимали всюду съ высокою честію, какъ Святителя отмѣченнаго особою благодатію Божіею: родные его всегда во время таковыхъ его посѣщеній старались сохранить у себя какіе либо памятники его пребыванія у нихъ: его записки, келейныя вещи, части его облаченій, кресты, письма и особенно его портреты. Эти предметы—памятники Святителя потомъ въ этихъ семьяхъ его родственниковъ передавались изъ рода въ родъ, какъ самыя дорогія фамильныя святыни. Особенно распространены среди нихъ портреты и иконныя изображенія Святителя, а отъ нихъ уже таковыя изображенія распространились вмѣстѣ съ посмертною славою Святителя и среди народа. Большею частію на этихъ портретахъ и иконныхъ изображеніяхъ онъ представленъ въ полномъ Святительскомъ облаченіи съ посохомъ въ лѣвой рукѣ и съ благословляющею десницею. Судя по этимъ изображеніямъ Святитель Іоасафъ былъ выше средняго, почти высокого, роста и величественнаго вида, имѣлъ постническій и серьезный обликъ съ замѣтно впалыми ланитами и морщинами на челѣ, имѣлъ продолговатое лице. темно-сѣрые проницательныя глаза, сѣдые волосы и такую же самую небольшую малопримѣтную бороду. Болѣзни, которыя онъ испытывалъ въ своей жизни почти непрерывно, прежде времени состарили его и наложили свой отпечатокъ на ликъ страдальца Святителя. Даже въ изображеніяхъ его въ ранній еще періодъ его жизни, когда

онъ былъ игуменомъ, ясно замѣтны на лицѣ его слѣды болѣзней и тяжкихъ иноческихъ подвиговъ.

Проживъ у родителей своихъ до осени, Святитель, наконецъ, распростился съ ними, а также съ братьями и сестрами своими, тамъ жившими, и выѣхалъ изъ дома ихъ въ началѣ сентября чрезъ городъ Лубны въ бывшій свой монастырь Лубенскій—Мгарскій, въ космъ и прожилъ нѣсколько дней. Здѣсь онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, насколько монастырь этотъ, возобновленный имъ теперь былъ благоустроенъ и украшенъ. Соборный Преображенскій храмъ, надъ возобновленіемъ коего онъ столько трудился, для чего усердно собиралъ пожертвованія, былъ уже оконченъ и въ этомъ же 1754 году 28 апрѣля былъ освященъ Митрополитомъ Кіевскимъ Тимофеемъ. Въ семъ храмѣ было сооружено и достойное мѣсто для почиванія честныхъ мощей Константинопольскаго патріарха Аѳанасія, особо чтимаго Святителемъ Іоасафомъ. Въ день выѣзда своего изъ этого монастыря, Святитель отслужилъ божественную литургію въ соборномъ храмѣ и послѣ нея, приложившись къ мощамъ Св. Аѳанасія, со слезами молился сему угоднику Божію, поручая себя его благодатному покровительству. Затѣмъ, простившись съ монашествующими, отправился въ свою епархію. Но прибывъ въ городъ Грайворонъ, Хотмыжскаго уѣзда, въ послѣднихъ числахъ сентября, Святитель тяжко заболѣлъ и долженъ былъ здѣсь остаться, немного только не доѣхавши до своего Бѣлгорода.

Городъ Грайворонъ во время Святительства Преосвященнаго Іоасафа былъ слободою или селомъ, которое принадлежало Бѣлгородскому Архіерейскому дому, равно какъ и другая слобода подъ названіемъ Чернещина или Архіерейщина, которая существуетъ и теперь и находится верстахъ въ пяти отъ Грайворона. Въ Грайворонѣ заботами и усердіемъ Святителя Іоасафа былъ построенъ небольшой монастырь съ архіерейскимъ домомъ подъ соломенною крышею съ крестовою церковію въ честь Преображенія Господня. Здѣсь жили монашествующіе въ небольшомъ числѣ и Святитель Іоасафъ ежегодно пріѣзжалъ изъ Бѣлгорода въ Грайворонъ, проживалъ въ этомъ монастырѣ нѣсколько времени, занимаясь особенно дѣ-

лами благотворительности. Въ этомъ монастырѣ заготовлялись для простыхъ бѣдныхъ людей „свиты“ и „кожухи“, т. е. шубы, которыя въ бытность Святителя Іоасафа въ Грайворонѣ раздавались бѣднымъ и нуждающимся подъ личнымъ его наблюденіемъ, такъ какъ онъ самъ собиралъ справки о такихъ нуждающихся. По склону горы ниже монастыря до самой рѣки Ворсклы былъ садъ, а противъ монастыря на другомъ берегу рѣки былъ большой ольховый лѣсъ, остатки котораго существуютъ и теперь. По берегу рѣки росли толстыя и высокія вербы, на которыхъ въ большомъ множествѣ водились вороны, производившія большой крикъ и шумъ, отчего и самая мѣстность получила названіе „Грайворонъ“. Ниже монастыря по теченію рѣки на рукавѣ Ворсклы была монастырская мельница о двухъ поставахъ существовавшая до 1848 г. Этому-то г. Грайворону и суждено было стать знаменательнымъ мѣстомъ блаженной кончины Святителя. Болѣзнь Святителя оказалась столь тяжкою и затяжною, что встревожила и повергла въ глубокую скорбь его родителей и родственниковъ. Къ нему пріѣзжали и оставались при немъ все время болѣзни— родительница его, братъ Андрей Андреевичъ и сестра его Параскева Андреевна изъ Харькова, бывшая въ замужествѣ за полковникомъ Изюмскаго полка Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Болѣе двухъ мѣсяцевъ болѣзновалъ Святитель предъ своею кончиною. Страданія его были тяжкія, тѣлесныя силы его таяли, жизнь его догорала какъ свѣча Божія. Съ особенною любовію призрѣвала болящаго Святителя его сестра Параскева Андреевна: съ нею Святитель велъ часто самыя задушевныя бесѣды, онъ много повѣрялъ ей въ это время о своей жизни и особенно о келейныхъ подвигахъ своего первоначальнаго иночества. „Сестрица, сказалъ онъ ей однажды, излишняя святость въ началѣ не дастъ мнѣ нынѣ вѣку дожить“, намекая этимъ на обезсиленное подвигами свое здоровье. Въ другой разъ просила его сестра молиться о ней и ея дѣтяхъ по отшествіи, если обрѣтетъ милость у Господа. Со слезами отвѣчалъ ей Святитель, что самъ онъ болѣе другихъ нуждается теперь въ молитвахъ, ибо готовится въ путь многотрудный...

Святитель переносилъ страданія своей болѣзни съ великимъ,

глубоко-христіанскимъ благодушіемъ, непрестанно молясь, воздыхая ко Господу и утѣшая своихъ родныхъ. Наконецъ, Святитель, чувствуя, что наступаютъ послѣдніе дни его жизни, приготовилъ себя къ отшествію въ вѣчную жизнь елеосвященіемъ, исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. И въ 10 день декабря 1754 года въ 4 часа и 20 минутъ по полудни, окруженный родными и монашествующею братіею, Святитель Іоасафъ тихо въ Бозѣ почилъ... Въ самый часъ преставленія блаженнаго Святителя, игуменъ Хотмыжскаго монастыря Исаія во время послѣобѣденнаго отдыха, видѣлъ слѣдующее знаменательное сновидѣніе: видѣлось игумену, будто онъ у преосвященнаго въ Бѣлгородѣ, при чемъ Святитель, стоя у окна указывалъ ему на востокъ и на ярко восходившее солнце, сіявшее ослѣпительнымъ свѣтомъ. и сказалъ: „какъ солнце сіе ясно, такъ свѣтло предсталъ я въ часъ сей престолу Божію“. Пробудившись, замѣтилъ игуменъ на часахъ время своего сна и немедленно послалъ въ Грайворонъ, не далеко отстоящій отъ его обители, узнать о здоровьѣ Святителя. Посланный привезъ ему извѣстіе, что Святитель скончался, и при томъ въ самый тотъ часъ, когда видѣлъ его во снѣ игуменъ.

Святитель прожилъ отъ рожденія своего 49 лѣтъ, 3 мѣсяца и 2 дня; въ святительскомъ же санѣ послужилъ Св. Церкви 6 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 8 дней. Такъ окончилось земное странствованіе Святителя Іоасафа...

Отошла ко Господу праведная его душа, чтобы воспріять вѣнецъ славы и блаженнаго воздаянія въ вѣчности за великіе самоотверженные подвиги его иночества и святительствованія. Святитель Іоасафъ былъ истинно-вѣрный и непоколебимый слуга Господень, нигдѣ и ничѣмъ не измѣнившій Ему. Онъ беззавѣтно любилъ Единаго Господа и только ради Его и въ Немъ любилъ беззавѣтно и ближнихъ: поэтому всегда и во всемъ онъ ревновалъ только о Господѣ, Св. Его Церкви и о спасеніи душъ вѣрующихъ. Борясь со зломъ и неправдою міра, онъ въ то же время и еще больше поборалъ ветхаго человѣка въ самомъ себѣ. Строгій къ другимъ, онъ еще строже былъ къ самому себѣ, взыскательный къ пастырямъ и паствѣ, онъ еще

взыскательнѣе былъ къ себѣ; время, покой, непрестанные труды и достояніе свое посвящая благу ближнихъ, онъ себѣ оставлялъ только болѣзни, молитвенныя бдѣнія, слезы и нищету... Его кратковременное святительствованіе было въ высшей степени плодотворно для бѣлгородской паствы: подняло въ ней духъ истинной вѣры и благочестія, преданность Церкви и укрѣпило любовь къ архипастырямъ. Кончина его вызвала въ народѣ искреннюю и глубочайшую скорбь, выразившуюся такъ ярко въ послѣдующихъ обстоятельствахъ погребенія честныхъ мощей Святителя.

Тѣло почившаго Архипастыря тогда же по чину было облачено въ полное архіерейское одѣяніе. На него были возложены: подризникъ красной шелковой матеріи, саккосъ голубой парчи, омофоръ розовой парчи и зеленая бархатная митра съ жемчужными украшеніями. Положенное во гробъ тѣло его было поставлено въ домовой церкви въ Грайворонѣ, гдѣ и пребывало до отправленія въ Бѣлгородъ. При кончинѣ Святителя не присутствовалъ маститый отецъ его старецъ Андрей Дмитріевичъ: онъ самъ былъ настолько слабъ силами своими и истощенъ немощами старости своей, что кончина первенца могла совершенно сразить его. Поэтому, когда въ семействѣ Андрея Дмитріевича было получено извѣстіе о кончинѣ Святителя Іоасафа, то всѣ члены семейства, сами потрясенные этимъ, собрались къ Андрею Дмитріевичу въ его уединеніе, чтобы сообща и осторожно объявить ему скорбную вѣсть. Но старецъ, къ ихъ удивленію, предупредилъ ихъ, сказавъ: „знаю, что собрались вы сообщить мнѣ о смерти сына моего Іоасафа но я знаю это прежде васъ: онъ скончался 10 декабря вечеромъ,—въ это самое время я слышалъ въ покоѣ моемъ голосъ: сынъ твой святитель скончался“. Потомъ, помолчавъ немного, старецъ заплакалъ и сказалъ: „умеръ, умерла съ нимъ и молитва“. При этомъ онъ вдругъ вспомнилъ и разсказалъ всѣмъ присутствовавшимъ замѣчательное видѣніе Богоматери, бывшее ему на осьмомъ году жизни Святителя. Онъ въ то время, по отправленіи первенца своего Іоакима въ Кіевъ для обученія наукамъ, сильно тосковалъ о немъ. Однажды въ подобномъ душевномъ настроеніи сидѣлъ Андрей

Дмитріевичъ вечернею порою на крыльцѣ своего дома, размышляя о томъ, какое будущее готовитъ Промыслъ Божій его первенцу. Въ то время, взглянувъ на западъ при захожденіи солнца, увидѣлъ онъ стоявшую на воздухѣ Богоматерь и сына своего Іоакима въ молитвенномъ положеніи припадающаго къ Ея стопамъ. „Довлѣетъ мнѣ молитва твоя“, сказала ему Богоматерь, и въ это время слетѣлъ съ горней высоты Ангелъ и одѣлъ колѣнопреклоненнаго отрока архіерейскою мантіею. Андрей Дмитріевичъ, мечтавшій тогда о будущей военной славѣ своего сына, понялъ изъ этого видѣнія, что готовится ему иное поприще жизни,—поприще духовнаго воина и борьба съ злыми силами грѣховнаго міра. Пораженный этимъ, дерзнулъ онъ сказать Богоматери: „намъ же родителямъ. Пречистая Богомати, что оставляеши“?,—но отвѣта на это не удостоился: видѣніе окончилось. Андрей Дмитріевичъ поспѣшилъ къ супругѣ, чтобы сообщить ей видѣнное, но едва прошелъ нѣсколько покоевъ дома, какъ совершенно потерялъ память этого событія и потомъ, какъ ни старался, не могъ вспомнить видѣнное. И вотъ теперь только при кончинѣ Святителя Іоасафа раскрылась его память, и онъ вспомнилъ предуказанное ему Богоматерію... Все бывшее въ жизни Святителя совершенно утвердило его въ мысли о томъ, что вся жизнь человѣка—въ рукахъ Божіихъ. Въ такомъ глубокомъ убѣженіи онъ черезъ два года послѣ кончины Святителя, своего первенца, и самъ мирно отошелъ ко Господу...

15 декабря того же 1754 года тѣло Святителя Іоасафа по литургіи совершенной въ домовой церкви архимандритомъ Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря Авксентіемъ Кивачицкимъ соборне съ сонмомъ священно-церковно-служителей было торжественно при великомъ стеченіи народа перевезено въ Бѣлгородъ. Самое мѣсто блаженной кончины Святителя Іоасафа въ Грайворонѣ современемъ потерпѣло совершенное измѣненіе. Съ теченіемъ времени не осталось и слѣдовъ бывшаго здѣсь монастыря и архіерейскаго дома, такъ что неизвѣстно, когда именно закрытъ монастырь и куда поступили монастырскія постройки. Извѣстно только то, что иконостасъ архіерейской домовой Преображенской церкви въ настоящее время нахо-

дится въ Бѣлгородѣ въ загородней, что въ рощѣ. архіерейской крестовой Преображенской церкви, а та мѣстность въ Грайворонѣ, гдѣ былъ архіерейскій домъ и монастырь, была застроена мѣстными жителями, но ужасный пожаръ въ 1848 году, когда Грайворонъ былъ уже городомъ, истребилъ всѣ постройки на той мѣстности, которая съ того времени уже не застраивалась. Назадъ тому лѣтъ 20 во время работъ по устройству пороховаго погреба на горѣ были вырыты два камня, на одномъ изъ коихъ была вырѣзана надпись: „Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Основася церковь сія въ честь Преображенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа при державѣ Великія Государыни нашея Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія, при святительствѣ же великаго Господина нашего Преосвященнаго Іоасафа Горленко, Епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго въ лѣто 1750-е, мая дня 20“. Камни эти переданы для храненія въ соборную г. Грайворона Успенскую церковь и доселѣ хранятся въ цѣлости. На томъ же мѣстѣ, гдѣ они были найдены и гдѣ, слѣдовательно, находился прежній архіерейскій домъ съ домовой церковію—мѣсто блаж. кончины Святителя Іоасафа,—былъ сооруженъ каменный памятникъ съ таковою же надписью, какъ на найденномъ камнѣ. Вся площадь, окружающая памятникъ, какъ равно и склонъ горы къ р. Ворсклѣ нынѣ обращены въ садъ съ различными цвѣтниками и огорожены деревянною изящной работы рѣшеткою. Въ настоящее время садъ этотъ составляетъ для гражданъ лучшее мѣсто для прогулки, съ прекраснымъ видомъ на рѣку и на обширный зеленѣющій лугъ съ деревьями и кустарниками, замѣнившими прежній ольховый лѣсъ и вербы. Въ мѣстномъ населеніи сохраняется глубокая и живая память о почившемъ здѣсь блаженномъ Святителѣ Іоасафѣ. Въ городскомъ соборѣ каждую пятницу послѣ литургіи служатся панихиды объ упокоеніи души Преосвященнаго Епископа Іоасафа

Ко времени принесенія тѣла почившаго Святителя въ Бѣлгородъ, на ту самую гору, съ которой онъ такъ недавно прощался съ паствою при отъѣздѣ, вышло все бѣлгородское духовенство въ облаченіи съ хоругвями и крестами, а равно

и всѣ жители города и окрестностей, чтобы встрѣтить почившаго своего Архипастыря, отца бѣдныхъ и кормителя вдовъ и сиротъ. Народъ съ непритворною скорбію оплакивалъ кончину Святителя. Здѣсь-то узнали, куда истощались святителемъ доходы съ вотчинъ архіерейскихъ: шли они на вспомоществованіе нищимъ и одежду сиротъ, на пропитаніе томимыхъ голодомъ узниковъ тюремныхъ и на снабденіе поселянъ, разоренныхъ пожарами и неурожаемъ. Толпами собрались всѣ эти облагодѣтельствованные Святителемъ у его гроба, разсказывали о всѣхъ его благодѣяніяхъ, тайно имъ оказываемыхъ и проливали горькія слезы. Плачевные стоны ихъ о потерѣ своего пастыря и благотворителя раздавались по всему городу. По принесеніи въ Бѣлгородъ. тѣло Святителя было поставлено въ Троицкомъ каѳедральномъ соборѣ и оставалось непогребенномъ до половины февраля 1755 года, пока не прибылъ Архіерей назначенный Св. Сунодомъ для его погребенія. Народъ толпами ежедневно стекался видѣть останки Святителя и со слезами отдавалъ послѣднее цѣлованіе Пастырю своему, съ удивленіемъ взирая на неистлѣвающее тѣло Святителя, не терявшее обычнаго своего цвѣта и вида.

При совершенномъ безкорыстіи и нестяжательности у Святителя, послѣ кончины не осталось почти никакого имущества. Произведенная опись его имущества показываетъ, какъ поразительно мало было у него собственныхъ вещей: книги, немного платья, часы, серебряная ложечка. зеркало полуаршинное, два таза, аптечка и денегъ—семь рублей, девять талеровъ иностранныхъ и три червонныхъ, которые и ушли на устройство гроба и раздачу нищимъ. Такимъ образомъ, послѣ блаженнаго Святителя не осталось никакихъ средствъ для погребенія и поминовенія, достойныхъ его Архіпастырскаго сана. Поэтому, по донесеніи о семъ отъ Бѣлгородской консисторіи, Св. Сунодъ Указомъ своимъ отъ 5 января 1755 года предписалъ: „для погребенія и поминовенія почившаго Святителя Іоасафа, за неимѣніемъ послѣ его Преосвященства собственныхъ денегъ, употребить изъ наличныхъ въ Бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ имѣющихся и до содержанія того дома принадлежащихъ до трехъ сотъ рублей, а на

что оныя деньги будутъ употреблены, о томъ дать Св. Сѵноду отчетъ".

Въ Бѣлгородѣ еще никто не зналъ, кто изъ Преосвященныхъ архіереевъ будетъ назначенъ Св. Сѵнодомъ для погребенія Святителя Іоасафа. И вотъ, по сказанію первоначальнаго жизнеописанія Святителя, въ одну и ту же ночь одновременно явился Святитель Іоасафъ въ сонномъ видѣніи намѣстнику каѳедральнаго собора Матоею Млодзинскому, секретарю консисторіи Ивану Данилевскому и родному своему брату Андрею Андреевичу Горленко, открывая имъ сожалѣніе свое, „что Козловичъ медлитъ его погребсти". Проспувшись, всѣ эти лица сообщили другъ другу одинаковые свои сны, недоумѣвая, кто такой этотъ упомянутый во снѣ Козловичъ. Но въ тотъ же день разрѣшилось ихъ недоумѣніе, такъ какъ былъ полученъ синодальный Указъ, которымъ предписывалось погребсти Святителя Преосвященному Іоанну Козловичу, епископу Переяславскому и Бориспольскому, замедлившему въ пути по случаю разлива рѣкъ. Наконецъ, 28 февраля 1755 года, по совершеніи Преосвященнымъ Іоанномъ божественной литургіи въ Троицкомъ соборѣ, соборне было отпѣто тѣло блаженнаго Святителя. При отпѣваніи въ память почившаго произнесли надгробныя рѣчи особо назначенные проповѣдники учители Харьковскаго Коллегіума, іеромонахъ Іоиль Ѳедоровскій и свящ. Ѳеодоръ Ѳедоровскій. Погребеніе Святителя отличалось особенною торжественностію вслѣдствіе чрезвычайнаго стеченія народа и носило характеръ молитвеннаго ублаженія почившаго, ибо для всѣхъ было очевидно дивное нетлѣніе честныхъ его останковъ Это послѣднее обстоятельство само собою сопоставлялось съ подвижническою и святою жизнію почившего и приводило каждаго къ убѣжденію, что преставившійся Святитель—избранникъ Божій и орудіе Его благодатной силы. Это подвигало всѣхъ прибѣгать съ молитвою къ почившему о небесномъ предстательствѣ, защитѣ и помощи... Гробъ Святителя Іоасафа былъ поставленъ въ устроенномъ еще при жизни его склепѣ Троицкаго собора. Впослѣдствіи въ этой части храма надъ склепомъ, по завѣщаніи почившаго иждивеніемъ брата его Андрея Андреевича Горленко былъ

устроенъ небольшой придѣльный храмъ недѣли Страшнаго Суда для отправленія раннихъ заупокойныхъ литургій, на коихъ совершастся поминовеніе души Святителя Іоасафа и другихъ бѣлгородскихъ архіереевъ здѣсь погребенныхъ.

Величайшимъ утѣшеніемъ осиротѣвшей Бѣлгородской паствы осталась твердая вѣра въ святость почившаго Святителя и въ благодатную цѣльбоносность честныхъ и нетлѣнныхъ его мощей, явившихся послѣ кончины Святителя драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ для всего здѣшняго края и сопредѣльныхъ странъ. „Спустя два года по погребеніи Святителя Іоасафа,—повѣствуется въ его древнѣйшемъ жизнеописаніи,—нѣкоторые изъ чиновъ Троицкаго собора, гдѣ погребенъ онъ, зная святую жизнь архипастыря и движимые любопытствомъ, тайно взошли въ его усыпальницу и открыли его гробъ. При этомъ не только тѣло Святителя найдено совершенно нетлѣннымъ во всѣхъ своихъ составахъ, и лице его сходственнымъ съ его портретами, но и самымъ одеждамъ его, покрову и самому гробу не коснулось даже малѣйшее тлѣніе, хотя и чувствовалась достаточная сырость въ воздухѣ при открытіи склепа. Слухъ объ этомъ вскорѣ разнесся далеко по окрестности и привлекъ ко гробу Святителя многихъ недужныхъ, которые, по отпѣтіи панихидъ, допускаемы были къ нетлѣннымъ его останкамъ и, по вѣрѣ своей, получали помощь свыше“ Съ этого времени честныя мощи Святителя были открыты для вѣрующихъ: къ нимъ потекли многія тысячи людей для молитвы и утѣшенія изъ разныхъ концовъ Православной Россіи.

И молитва, вѣра и любовь ихъ къ Святителю Іоасафу стали все чаще и больше оправдываться и подтверждаться разительными знаменіями его чудесной помощи имъ въ горестяхъ, бѣдахъ и болѣзняхъ.

Отселѣ стала слагаться въ православно-русскомъ народѣ великая слава Святителя Іоасафа, какъ угодника Божія и Чудотворца. На протяженіи 150 лѣтъ, истекшихъ со времени его блаженной кончины, многія тысячи бѣдствующихъ и страдающихъ людей получили по его предстательству благодатную помощь свыше и чудесныя исцѣленія своихъ разнообразныхъ недуговъ отъ его честныхъ мощей. Большинство изъ нихъ

соблюдали въ тайнѣ такія чудесныя событія своей жизни. Но многіе изъ нихъ открыто засвидѣтельствовали о семъ въ своихъ фамильныхъ записяхъ, письмахъ. донесеніяхъ Бѣлгородскимъ архипастырямъ и въ лѣтописи Бѣлгородскаго Троицкаго монастыря. Мы еще въ началѣ очерка нашего говорили о томъ, какъ трогательны, искренни, убѣдительны такія свидѣтельства исцѣленныхъ, какими вѣрою и любовію ко Святителю проникнуты они, сколько въ нихъ безыскусственной простоты и горячей хвалы благодѣющему Господу... Здѣсь же мы представимъ, руководствуясь матеріалами касательно сего изданными кн. Н. Д. Жеваховымъ, нѣкоторые изъ такихъ чудесныхъ благодѣяній отъ мощей Святителя и изложимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они засвидѣтельствованы въ первоначальныхъ записяхъ самыми исцѣленными.

Въ концѣ XVIII в. помѣщикъ З.., человѣкъ еще не старый, обремененный многочисленнымъ семействомъ и имѣвшій при этомъ довольно ограниченное состояніе, служилъ для семьи единственной опорой. Но вотъ однажды З... сильно заболѣлъ и видимо началъ приближаться къ смерти: врачи отказались лечить. Убитая горемъ жена оплакивала больного мужа, какъ умершаго, представляя себѣ безвыходное положеніе съ кучею малолѣтнихъ дѣтей. Видя все это безнадежный больной началъ мысленно просить Бога продлить ему жизнь, пока онъ пристроитъ своихъ старшихъ сыновей, и такимъ образомъ оставитъ на ихъ попеченіи другихъ младшихъ своихъ дѣтей. Послѣ этой молитвы онъ уснулъ и проспалъ довольно долго. Проснувшись, немедленно зоветъ къ себѣ жену и радостно сообщаетъ ей, что видѣлъ во снѣ Архипастыря Бѣлгородскаго Іоасафа Горленко, котораго помнилъ еще въ живыхъ. Архипастырь въ сонномъ видѣніи сказалъ ему, что по милосердію Божію, ради невинныхъ малютокъ дается ему еще 20 лѣтъ жизни. Но чрезъ 20 лѣтъ ровно въ этотъ день Господь призоветъ его къ Себѣ. Разсказавъ свое сновидѣніе, больной попросилъ жену все это со словъ его записать въ молитвенникъ, что̀ и было исполнено. Безнадежный дотолѣ больной З... началъ, къ удивленію семьи и лечившихъ его врачей, быстро поправляться и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Ровно чрезъ 20 лѣтъ въ назначенный день З... почилъ вѣчнымъ сномъ на рукахъ своихъ дочерей, уже пристроенныхъ и обезпеченныхъ, съ благодарною молитвою на устахъ. Молитвенникъ его съ записью доселѣ хранится у его потомковъ, какъ фамильная святыня.

Помѣщица Слободско-Укранской губерніи села Протопопова вдова капитана Софія Николаевна Ковалевская, замѣтивъ, что младшій ея сынъ зараженъ цынготною болѣзнію, что у него испорчены и ниже зубовъ десны сгнили до костей и что изъ его ранъ слышенъ нестерпимый запахъ, лечила его долгое время разными лекарствами, но не видя облегченія, прибѣгла къ помощи Святителя Іоасафа. По отпѣтіи панихиды страждущій приложился къ рукѣ Святителя и потомъ пошелъ съ матерью домой. Пришедши домой мать осмотрѣла десны и зубы своего сына и вдругъ, къ невыразимой своей радости, увидѣла, что болѣзнь совершенно исчезла, остались лишь едва замѣтные слѣды ея. Это произошло въ 1785 году.

Я, повѣствуетъ другой исцѣленный, бывъ одержимъ различнаго рода болѣзнями разновременно, какъ то: 1792 года февраля 29 дня, въ бытность въ Молдавіи, страдавши отъ переломленія лѣвой ноги, 1798 г. отъ сильнаго заложенія праваго уха, и сего 1801 года марта 26 дня отъ выломленія правой руки—точныя получилъ исцѣленія отъ почивающаго въ Бозѣ усопшаго Преосвященнѣйшаго Святителя Іоасафа Горленко и, находясь нынѣ здоровъ, свидѣтельствую сіе собственноручнымъ моимъ подписаніемъ. 1801 года апрѣля 5 дня Курской губерніи города Обоянп житель капитанъ Павелъ Андреевъ сынъ Ананьинъ.

Тимской помѣщицѣ княгинѣ Екатеринѣ Друцкой-Сокольнинской въ 1800 году приключилась отъ испуга жестокая болѣзнь и продолжалась цѣлый годъ тосковаиіемъ сердца и всегдашнимъ страхомъ, отъ каковой болѣзни пришла въ такую слабость, что ни довольно не могла ходить, но и съ постели не вставала и всѣ пособія лекарствами не имѣли ни малѣйшей пользы, лишилась при томъ сна и не употребляла вовсе пищи: къ сей болѣзни приключилась еще, наконецъ, лихорадка съ горячкой, которая продолжалась около трехъ

мѣсяцевъ: и таковыя болѣзни, совокупясь вмѣстѣ. лишили больную всей надежды къ выздоровленію: но волѣ Всевышняго угодно было вложить въ мысль больной обѣщаться ѣхать въ Бѣлгородъ на поклонсніе нетлѣннымъ мощамъ угодника Божія Преосвященнаго Іоасафа Горленко,—что вскорѣ и выполнила. Велѣла везти себя больную въ Бѣлгородъ и по пріѣздѣ туда, когда началась литургія въ церкви, подъ коею почиваютъ нетлѣнныя мощи, больная могла стоять на ногахъ и потомъ отправлена была панихида по Преосвященномъ Іоасафѣ. На другой же день больная почувствовала себя гораздо легче и по пріѣздѣ въ домъ свой, ихъ всѣхъ вышеописанныхъ болѣзней ни одной не чувствовала и совершенно сдѣлалась здоровою. Сіе случилось въ 1801 году мѣсяца мая.

Сего 1808 года въ августѣ мѣсяцѣ по случаю дошедшаго до меня списка о житіи и различныхъ чудесахъ и исцѣленіяхъ больныхъ Святителя Христова Іоасафа Горленко не могу и я умолчать о бывшемъ отъ него исцѣленіи больнаго сына моего Алексѣя, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ, что пишу самую истину. Имѣвъ жительство въ собственномъ домѣ въ Бѣлгородѣ въ 1795 году мужъ мой полковникъ Николай Ѳедоровъ сынъ Озеровъ по надобностямъ своимъ находился тогда въ Москвѣ, и въ небытность его въ домѣ въ томъ году февраля 20-го оный сынъ нашъ Алексѣй заболѣлъ оспой отъ рожденія своего на 7 году: тою же оспою и въ тоже время и еще были больныя двое меньшихъ нашихъ дѣтей сынъ Ѳедоръ и дочь Марѳа, но оныя дѣти перенесли сію болѣзнь благополучно, а у сына Алексѣя отъ оной болѣзни сдѣлался жестокій жаръ, и впродолженіи онаго 22 числа отъ жестокаго жара сдѣлался въ немъ жестокій терзательный припадокъ, которымъ руки у него и колѣни корчило къ грудямъ, а голову гнуло назадъ, отъ котораго мученія кричалъ онъ необыкновеннымъ голосомъ: иногда его бросало съ мѣста, почему и принуждены его крѣпко держать, но онъ силою своею вырывался, вскакивалъ на ноги, бѣгалъ по горницѣ и падалъ безъ чувствъ, Оное терзаніе продолжалось восемь сутокъ безпрестанно. Видя сына моего безнадежна въ жизни его, я рѣшилась сдѣлать долгъ христіанскій пріобщить его Св. Христовыхъ Таинъ и

1 числа марта сынъ мой пріобщенъ былъ Св. Таинъ. Въ семъ случаѣ я возложила крѣпкую мою надежду на помощь и ходатайство Святителя Христова Іоасафа, и какъ я сама не могла отлучиться отъ дѣтей, то по моей просьбѣ супруга городничаго М. С. Мордовинова съѣздила въ Каѳедральный Тропцкій Соборъ, отслужила надъ тѣломъ Святителя Іоасафа Горленко панихиду и привезла ко мнѣ изъ полагаемой во гробѣ Святителя нѣсколько хлопчатой бумаги. Я оной бумагой съ вѣрою и молитвою обтерла сына моего всего и послѣ того черезъ часъ припадокъ сына моего началъ уменьшаться, часъ отъ часу становился тише и, наконецъ, совсѣмъ утихъ и сынъ мой сдѣлался ничѣмъ недвижимъ и безгласенъ. Глаза закрылъ, но въ лицѣ у него былъ безпрестанный жаръ и въ такомъ положеніи онъ находился 12 сутокъ, потомъ положила я на себя обѣщаніе идти мнѣ самой пѣшкомъ къ Святителю Іоасафу просить его объ исцѣленіи больнаго сына моего, и 21-го числа марта по утру рано пошла я пѣшкомъ въ Каѳедральный Троицкій Соборъ, имѣя при себѣ двухъ старшихъ дѣтей здоровыхъ: сына Николая и дочь Настасію. Здѣсь протопопъ Ильинскій, видя меня въ слезахъ и отчаянности, подкрѣплялъ меня въ моей горести и уважилъ мою просьбу, самъ отслужилъ панихиду по Преосвященномъ Іоасафѣ въ малой церкви онаго Собора надъ гробомъ его. Потомъ со слезами просила онаго протопопа, чтобы онъ далъ мнѣ то покрывало и пелену. чѣмъ накрытъ былъ тогда Святитель Іоасафъ, и хлопчатой изъ гроба его бумаги, которой бы я могла сына моего обтереть и онымъ покрываломъ и пеленою его накрыть, чрезъ что увѣрена, что сынъ мой выздоровѣетъ, то оный протопопъ Ильинскій, видя меня въ такой отчаянности, безотговорчиво все оное просимое мною мнѣ далъ, и я, получа оное, возвратилась опять пѣшкомъ домой, нашла сына моего въ одномъ положеніи, но только въ лицѣ уже блѣденъ. Я оной хлопчатой бумагой обтерла сына моего, покрыла онымъ покрываломъ, а пеленою накрыла ему голову и лицо, потомъ сѣла подлѣ него: посидя нѣсколько слышу, что сынъ мой дышетъ какъ спящій, и такъ спалъ онъ съ утра до вечерни. Проснувшись, зоветъ свою няню, чтобы она къ нему подошла и его поса-

дила, и велѣлъ ей меня къ нему позвать. Я вошла къ нему, онъ началъ со мною говорить слѣдующими словами: „Матушка, чѣмъ Вы меня обтирали и чѣмъ меня покрывали и что положили на голову и на лицо? Ахъ, какъ мнѣ отъ того стало легко, что я заснулъ“. Я ему все разсказала, то просилъ онъ меня, чтобы три дня оное покрывало и пелену не отдавать и чтобы всегда его онымъ покрывать. Посидя нѣсколько, просилъ самъ, чтобы его опять положили и накрыли онымъ покрываломъ и пеленою, что̀ я и сдѣлала. Вскорѣ сдѣлался у него потъ чрезвычайный и продолжался весь вечеръ, ночь и до половины дня. Въ четвергъ и пятницу стало легче, въ субботу просилъ, чтобы дозволить ему походить и чтобы его поддерживали, и такъ водили его субботу, воскресеніе, понедѣльникъ и вторникъ, а въ среду на Страстной недѣлѣ самъ сталъ ходить и праздникъ Свѣтлаго Хростова Воскресенія совершенно былъ здоровъ и одѣлся, только отъ онаго жестокаго припадка нѣсколько времени оставалось трясеніе въ рукахъ, но и то миновалось, и оный сынъ мой Алексѣй съ того времени и по днесь совершенно здоровъ. Бѣлгородская помѣщица полковница Анна Алексѣевна Озерова урожденная Свиридова—подписала своеручно.

Во имя Божіе и во славу Угодника Божія Преосвященнаго Іоасафа Горленко объявляю я чудо подъ клятвою, случившееся надъ моею дочерью въ 1808 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Евдокіею, возраста одного года. Она была одержима шесть мѣсяцевъ припадкомъ младенческимъ и когда я ее привезла къ Угоднику Божію и съ вѣрою твердой приложила ее къ мощамъ, тотъ же часъ получила она исцѣленіе и тогда во славу Божію не стало того припадка и ростетъ здраво. Я же мать ее даю сіе свидѣтельство, дабы всѣ знали сіе чудо, совершившееся надъ моею дочерью. Купянская помѣщица поручица Варвара Яковлева Тихоцкая, а по мужу Васильева. 1814 г. іюня 3 дня.

Я нижеподписавшійся свидѣтельствую по чистой совѣсти и по долгу христіанскому въ томъ, что жена моя Анна Андреева, бывши одержима кровотеченіемъ, за употребленіемъ мѣръ отъ докторовъ, оставалась не исцѣльною. По обѣщанію жъ ея,

отслуживъ по Святителѣ Іоасафѣ панихиду, въ тотъ же часъ теченіе крови ея остановилось. 1817 года сентября 9 дня. Тайный Совѣтникъ Петръ Ѳеодоровъ сынъ Сабуровъ.

1818 года мая 30 дня я, нижеподписавшаяся, Курская купчиха Прасковья Филиппова дочь Оглоблина объявила въ соборской церкви чудеса Угодника Божія Преосвященнаго отца Іоасафа, явившіяся надъ моимъ роднымъ сыномъ Викторомъ, который былъ одержимъ въ прошломъ 1816 году, каменною болѣзнію и коль скоро сынъ мой и я помыслили сего Угодника просить на помощь, то тотчасъ безъ всякихъ лекарствъ отъ сей болѣзни сынъ мой выздоровѣлъ и я обѣщалась всегда прославлять имя сего Угодника Божія, въ чемъ свидѣтельствуя, и подписуюсь Курская купчиха Прасковья Оглоблина.

1819 года сентября 14 дня. Я, повѣствуетъ мать исцѣленной, даю сіе свидѣтельство въ томъ, что дочь моя Дарія 7 лѣтъ, въ прошломъ въ 1818 году отъ августа мѣсяца страдала лихорадкою и къ большому моему прискорбію отъ продолженія болѣзни сей глаза ея покрылись бѣльмами и отъ февраля ничего глазами не видала; при употребленіи мною средствъ чрезъ врачей болѣзнь дочери моей оставалась неисцѣльною, и дочь моя болѣе трехъ мѣсяцевъ была слѣпою. Наконецъ, въ Великій Постъ предъ святою недѣлею, когда я ввечеру просила помощи отъ Святителя Божія Іоасафа, обѣщаясь отслужить надъ нимъ панихиду, то по утру дочь моя къ обрадованію моему какъ будто не болѣла глазами, совершенно глаза сдѣлались прозрачными и вовсе стала видѣть. Въ чемъ подписуюсь Волчанскаго уѣзда слободы Печенѣгъ жена корнета Марія Иванова.

Въ 1877 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, говоритъ отецъ другого исцѣленнаго, у сына моего 5-ти лѣтняго Іоанна открылась тяжка болѣзнь, называемая каменною, а до этого сказанный сынъ мой Іоаннъ страдалъ общимъ разслабленіемъ тѣла, такъ что началъ ходить только на 4-мъ году отъ рожденія. Съ началомъ же этой послѣдней болѣзни страданія его сдѣлались невыносимы. Приглашенные поэтому мною два врача, употребивъ всевозможные съ своей стороны медицинскія средства и

видя, что средства тѣ не помогаютъ, отказались отъ дальнѣйшаго леченія, давши притомъ совѣтъ отправиться въ Харьковскій клиникъ для операціи. Въ такомъ семейномъ моемъ горѣ я обратился съ молитвою къ почивающему нетлѣнно въ Бѣлгородѣ Святителю Іоасафу и вмѣсто поѣздки въ Харьковъ поѣхалъ въ Бѣлгородъ, гдѣ отслужилъ въ пещерѣ панихиду и, помолившись Угоднику Христову Іоасафу, возвратился домой въ Корочу. Свидѣтельствуюсь Богомъ, по чистой моей христіанской совѣсти, что сынъ мой, по возвращеніи изъ Бѣлгорода, пересталъ страдать и болѣзнь его совершенно прекратилась. Относя такое чудесное исцѣленіе сына моего единственно къ молитвамъ Святителя Іоасафа, считаю своимъ долгомъ сіе удостовѣрить. Крестьянинъ г. Корочи Алексѣй Матвѣевъ Стрѣльниковъ.

1880 года въ январѣ мѣсяцѣ я, повѣствуетъ исцѣленный, въ третій разъ въ моей жизни заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, и на выздоровленіе мое доктора почти потеряли всякую надежду. Но жена моя съ одной моей родственницей поѣхали отслужить панихиду надъ гробомъ Епископа Іоасафа и тамъ молились о моемъ выздоровленіи. Съ того же дня я почувствовалъ значительное облегченіе въ моей болѣзни, такъ что чрезъ пять дней пріѣхалъ докторъ и уже нашелъ меня не въ постелѣ и удивился, что я такъ скоро поправился, сказавъ при этомъ: „признаюсь, я ожидалъ отъ Вашей болѣзни гораздо худшаго“. Затѣмъ я съ благодарною молитвою ходилъ, и теперь продолжаю посѣщать Угодника, и здоровье мое настолько поправилось, что я теперь твердо убѣжденъ, что помогъ мнѣ своими молитвами Угодникъ Іоасафъ. Михаилъ Суджанскій 1881 г. августа 28. Бѣлгородъ.

Въ 1885 году въ первыхъ числахъ августа мой мужъ Василій Никаноровичъ Назаровъ сильно простудился и слегъ въ постель, проболѣвъ до октября. Приглашенный мною городской врачъ Шибаевъ, найдя у него воспаленіе всей кожи, лечилъ его все время. Больному становилось съ каждымъ днемъ хуже, онъ ужасно страдалъ: все тѣло его было опухшее, сильно болѣло, и изъ него текла матерія, притомъ такъ много, что не успѣвали мѣнять бѣлье. Ужасныя страданія

больнаго и безуспѣшное леченіе этого врача побудило меня пригласить еще трехъ докторовъ. Былъ составленъ консиліумъ, на которомъ одинъ говорилъ, что у больнаго неизлечимая проказа, другіе оспаривали, но все таки нашли, что надежды на выздоровленіе нѣтъ никакой. Въ это же самое время Н. И. Рябинина, видя мое горе, принесла мнѣ деревяннаго масла и ваты отъ Угодника Божія Святителя Іоасафа. Я съ вѣрою въ помощь Угодника вытерла всего больнаго ватою съ масломъ. Онъ сейчасъ же уснулъ. Проснувшись заявилъ, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо: течь прекратилась, кожа подсохла и зашелушилась. Тогда я увидѣла, что онъ получилъ исцѣленіе, да и пріѣхавшій въ это время врачъ, осмотрѣвъ его снова, сказалъ: „велики дѣла Угодника Божія—больной спасенъ и будетъ теперь здоровъ". Удостовѣряю своею подписью Варвара Михайловна Назарова.

1894 года двухлѣтняя моя дочь Валентина, свидѣтельствуетъ мать исцѣленной, страдала брюшнымъ тифомъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, животъ и ноги больной были опухши, медицинская помощь, оказываемая врачами, за все время не принесла никакой помощи, и болѣзнь все болѣе усиливалась. Больная пришла совсѣмъ въ безнадежное состояніе. Врачи, признавши болѣзнь неизлечимою, отъ подачи помощи отказались. Я, не смотря на сильную слабость больной, понесла ее въ церковь и едва могла пріобщить Св. Христовыхъ Таинъ, такъ была больная слаба. Потомъ понесла больную въ пещеру къ мощамъ Святителя Іоасафа, попросила отслужить панихиду, а послѣ служенія взяла масла и ваты отъ мощей, принесла все то домой и на ночь всѣ члены тѣла больной смазала масломъ. Утромъ слѣдующаго дня дѣвочка Валентина поднялась совершенно здоровою. Теперь ей уже пять лѣтъ отъ роду. Упоминаемая въ семъ моемъ заявленіи дочь моя Валентина теперь совершенно здорова. Были потомъ перемежающіеся лихорадки, и я всякій разъ дѣлала съ больною тоже, что и при исцѣленіи первой болѣзни—тифа и болѣзнь всегда оставляла мою дочь. Относя все это къ помощи Божіей, посылаемой мнѣ многогрѣшной по молитвамъ Угодника Божія Святителя Іоасафа, я христіанскимъ долгомъ считаю

заявить настоятелю Бѣлгородскаго Св.-Троицкаго монастыря о совершившемся надъ моею дочерью чудѣ отъ мощей Святителя Іоасафа, и все прописанное мною въ моемъ заявленіи удостовѣряю свидѣтельскими показаніями, своимъ подписомъ и присягою. Бѣлгородская мѣщанка Наталія Константиновна Кузьмина.

1896 года августа 24 дня Бѣлгородскій мѣщанинъ Ѳеодоръ Васильевъ Митрофановъ засвидѣтельствовалъ слѣдующее. Считаю христіанскимъ долгомъ заявить о чудесномъ исцѣленіи меня отъ серьезной и продолжительной болѣзни, именуемой „саркома“. Доктора дѣлали два раза операцію, но безполезно. Послѣ второй операціи, сдѣланной 8 апрѣля сего года, мнѣ стало хуже. Рѣшилъ ѣхать въ Харьковъ къ профессору, но пришлось отложить въ виду наступившаго дачнаго времени, ибо я не надѣялся найти профессоровъ въ Харьковѣ,— надо было ожидать возвращенія ихъ съ дачъ въ Харьковъ, а болѣзнь между тѣмъ не улучшалась. 17-го же августа болѣзнь замѣтно стала усиливаться, и появилась опухоль на щекѣ. шеѣ и груди. Я уже не могъ проглотить и одной капли воды и со мною дѣлались страшныя и мучительныя конвульсіи, пока я не вырывалъ этой капли обратно. Дѣти, служащіе въ Курскѣ и Орлѣ, были вызваны 17 августа телеграммами домой для послѣдняго прощанія. Дыханіе совсѣмъ заложило: внутри сильный жаръ, и утолить его никакъ нельзя... Ожидали смерти... Доктора совершенно не могли подать никакой помощи. Въ этомъ безнадежномъ и отчаянномъ положеніи обратились за помощію къ Святителю Іоасафу. Жена моя принесла 21 августа отъ гроба Святителя ватки напитанной масломъ изъ лампады стоящей у гроба. Приложили ватки къ больной щекѣ, и, о чудо!... черезъ три часа я чувствую себя лучше и могъ даже проглотить нѣсколько чаю. Вечеромъ же, того же дня, нарывъ прорвался, и вышло очень много матеріи. И слава Богу—съ тѣхъ поръ стало легче и легче, а сегодня мы уже всей семьей и я въ томъ числѣ все изложенное въ этой запискѣ, я, моя жена и дѣти присягой и своими подписями утверждаемъ какъ истинное описаніе совершившагося надо

мною чудеснаго исцѣленія отъ саркомы молитвами Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго.

1896 года марта 20 дня, свидѣтельствуютъ супруги крестьяне Морозовы, сынъ нашъ Іаковъ 6 лѣтъ опасно заболѣлъ и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ пораженъ былъ опухолью горла, ротъ ему повернуло на бокъ, глаза сдѣлались косыми и всѣ члены были сильно разслаблены, такъ что онъ не могъ владѣть руками и ногами, а также и плохо говорилъ. Отецъ въ это время находился на работѣ въ городѣ Харьковѣ. Я, мать больного сына, обращалась за помощію къ мѣстнымъ врачамъ: но не получила ни малѣйшаго признака помощи. Тогда, по совѣту родственника мужа моего, пошла въ монастырь къ мощамъ Святителя Іоасафа 10-го сего мая, просила служить панихиду и брала масла отъ лампады надъ гробницею мощей Угодника Божія, чтобы мазать больнаго сына Іакова. Потомъ, по возвращеніи мужа моего домой къ празднику Пятидесятницы 17 мая вторично пошли съ больнымъ сыномъ къ мощамъ Святителя Іоасафа, имѣя твердую вѣру, молитвами и ходатайствомъ Угодника Божія испросить отъ тяжкой болѣзни сыну нашему исцѣленіе. Въ тотъ день за литургіею пріобщили его Св. Таинъ и отслужили панихиду Святителю Іоасафу, гдѣ отъ мощей сего Угодника взяли масло, отправились въ свой домъ, и по прошествіи нѣсколькихъ дней болѣзнь сына нашего незамѣтно прошла, и онъ сдѣлался совершенно здоровымъ. Посему считаемъ долгомъ совѣсти и твердо вѣруемъ, что сынъ нашъ получилъ исцѣленіе чудотвореніемъ отъ мощей по молитвамъ Святителя Іоасафа. 1896 года декабря 19 дня. Справедливость сего исцѣленія свидѣтельствуемъ своимъ подписомъ и посторонними лицами, бывшими въ то время.

Курской губерніи, Корочанскаго уѣзда села Лучекъ крестьянка Агафія Евтихіева Чеканова заявила. Сего 1907 года въ Августѣ мѣсяцѣ, имѣя лишь одинъ правый глазъ здоровый (лѣвый около десяти лѣтъ какъ испорченъ), я лишилась, благодаря болѣзни головы, и сего послѣдняго, и слѣпота моя продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ по молитвамъ Святителя Іоасафа, которому я молилась и мазала святымъ у гроба сего Угодника изъ лампады масломъ больной

мой глазъ, болѣзнь, не смотря на 84 лѣтній возрастъ, прошла совершенно, такъ что я теперь вижу имъ очень хорошо, о чемъ и заявила монастырскому начальству 1907 года сентября 25 дня. И я при семъ даю клятву предъ Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что все сказанное мною объ исцѣленіи моемъ отъ мощей Святителя Іоасафа есть истинная правда.

Приведенныя нами событія поразительныхъ исцѣленій—это только незначительная часть изъ ряда многочисленнѣйшихъ чудесъ отъ честныхъ мощей Святителя Іоасафа, Епископа Бѣлгородскаго, записанныхъ и засвидѣтельствованныхъ въ разныхъ сборникахъ и лѣтописяхъ. Чудесныя знаменія по молитвамъ Святителя Іоасафа отъ его честныхъ мощей источаются вѣрующимъ непрерывно на всемъ протяженіи прошедшихъ 150 лѣтъ. Къ нашимъ днямъ они умножаются какъ бы для нарочитаго назиданія нашему времени и нашему поколѣнію. число оффиціальныхъ свидѣтельствъ о нихъ все увеличивается. а гласъ народный о нихъ становится все громче, чрезъ это и вѣра въ силу ходатайства Святителя Іоасафа распространяется все настойчивѣе и шире... Въ рядѣ письменныхъ завѣреній о чудесахъ отъ мощей Святителя выступаютъ передъ нами свидѣтелями—лица разнообразныхъ состояній и положеній: князья, помѣщики, военные, крестьяне, мѣщане, купцы, знатные и крестьяне, мужи, жены, старцы и дѣти... Всѣ они, имѣвшіе въ себѣ бремя тяжкихъ и страшныхъ недуговъ, отчаявавшіеся въ жизни своей и подавляемые гнетомъ невыносимой скорби, обрѣли здоровье и ни съ чѣмъ несравнимое душевное утѣшеніе по ходатайству Святителя Чудотворца отъ его честныхъ нетлѣнныхъ останковъ. Всѣ они вмѣстѣ съ несмѣтнымъ сонмомъ сокровенно облагодѣтельствованныхъ Чудесною помощію Святителя единогласно возносятъ предъ лицемъ всего православно-русскаго народа хвалу благодѣющему Господу, „дивному во святыхъ Своихъ“, и утверждаютъ, исповѣдуютъ со всѣмъ дерзновеніемъ вѣры славу Святителя Іоасафа какъ истиннаго Угодника Божія и Чудотворца.

Итакъ, по свидѣтельству народной вѣры, Господь, увѣнчалъ Святителя Іосафа по кончинѣ его великою славою: сохранилъ земные его и бренные останки чудесно нетлѣнными и содѣлалъ ихъ благодатными орудіями Своей цѣлительной Всемогущей силы. Таковая слава Святителя была праведнымъ воздаяніемъ ему за святость его земной жизни. Подлинное же величіе его жизни заключается не столько въ широтѣ его внѣшне—общественной пастырской дѣятельности, сколько въ замѣчательныхъ и глубоко-поучительныхъ чертахъ его личности. Въ изложенномъ нами очеркѣ мы старались, на основаніи вышедшихъ доселѣ матеріаловъ о Святителѣ, обрисовать духовный его обликъ, собравъ во едино всѣ свидѣтельства и указанія памятниковъ объ его природномъ характерѣ, первоначальномъ воспитаніи, образованіи въ Кіевской Академіи, его подвижничествѣ, аскетическомъ настроеніи, отношеніи къ своему пастырскому долгу, личной обыденной жизни и личныхъ отношоніяхъ къ людямъ. Только при достаточномъ освѣщеніи этихъ именно сторонъ его жизни предъ нами встаетъ во всей своей духовной красотѣ его личность. Святитель Іоасафъ былъ мужемъ вполнѣ сложившихся, опредѣленныхъ характера и міросозерцанія. Со времени выступленія на пастырское поприще и до конца жизни онъ былъ всегда однимъ и тѣмъ же, неизмѣнно одинаковымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это была цѣльная натура. Онъ обладалъ сильною и непреклонною волею и горячею любовію къ Господу и Его Св. Церкви. Это былъ умъ сильный, прямой, трезвый съ практическимъ направленіемъ. Онъ не могъ служить двумъ господамъ, но Единому Господу, и въ этомъ отношеніи онъ не могъ поступиться ничѣмъ. Строгость его въ архипастырствованіи, поэтому, вполнѣ понятна. Любовь его къ ближнимъ была всегда горячею и неустрашимою ревностію объ ихъ вѣчномъ спасеніи, а въ отношеніи къ страждущимъ становилась безграничнымъ милосердіемъ до готовности все свое отдать имъ, ничего не оставляя себѣ. Строгость къ своей личной жизни превращалась въ немъ въ глубокій аскетизмъ и истинное подвижничество, при чемъ постоянныя болѣзни и страданія были для него не бременемъ и помѣхою жизни, но неиз-

бѣжнымъ и радостнымъ крестоношеніемъ. Такая личность Святителя Іоасафа остается для всѣхъ временъ и для людей всѣхъ положеній высокопоучительною, истиннымъ образцомъ христіанской добродѣтели... И невольно въ этомъ отношеніи Святитель Іоасафъ сближается со многими славными свѣтилами Церкви, особенно же со Св. Николаемъ Чудотворцемъ: таже ревность о Церкви, правой вѣрѣ и добродѣтели, таже строгость къ презрителямъ Божіей власти, тоже мужество въ защитѣ невинныхъ, тѣже дивныя смиреніе, кротость и воздержаніе, тоже евангельское нищелюбіе и тайнообразное милосердіе. Не въ этихъ ли именно чертахъ Святителя и Чудотворца Іоасафа и тайна особливой и трогательной любви нашего народа къ нему, какъ и ко Св. Николаю Чудотворцу?!

Въ чувствѣ глубочайшаго благоговѣнія къ памяти Святителя и Чудотворца Іоасафа мы не можемъ не закончить нашъ очеркъ горячимъ моленіемъ къ нему, да не престанетъ онъ во вѣки ходатайствовать предъ Престоломъ Всевышняго вмѣстѣ съ сонмомъ великихъ молитвенниковъ земли Русской за нашего Благочестивѣйшаго Государя, дорогую родину и за насъ недостойныхъ!...

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует читать.*
2	9 снизу	училицъ	училищъ
4	8 снизу	проникутутъ	проникнутъ
5	8 сверху	понятны	поняты
18	1 сверху	откреся	отрекся
19	10 снизу	монастря	монастыря
31	1 сверху	спатырскаго	пастырскаго
—	11 сверху	Верхососенсиъ	Верхососенскъ
—	—	Ольшанснъ	Ольшанскъ
32	5 снизу	Насесеніе	Населеніе
33	21 сверху	доджны	должны
—	8 снизу	украинское	крайнею
34	9 сверху	онѣ	какъ
35	5 сверху	нравственно—не	нравственно не
—	11 сверху	приспособиться,	приспособиться
—	18 сверху	Благопріятнымъ	Благопріятнымъ
36	10 снизу	Гедеонь	Гедеонъ
49	18 снизу	„знатныя	знатныя
50	10 сверху	игрищами	игрищамъ
59	1 сверху	Іосафъ	Іоасафъ
—	10 сверху	же	уже
74	9 сверху	имъ	имъ,
81	2 снизу	почившаго	почившаго.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР